

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

DK
70
N62
I3

ПОВГОРОДСКАЯ ЛЪТОШСЬ
И
ЕЯ МОСКОВСКІЯ ПЕРЕДЪЛКИ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. Н. ЯНИША.

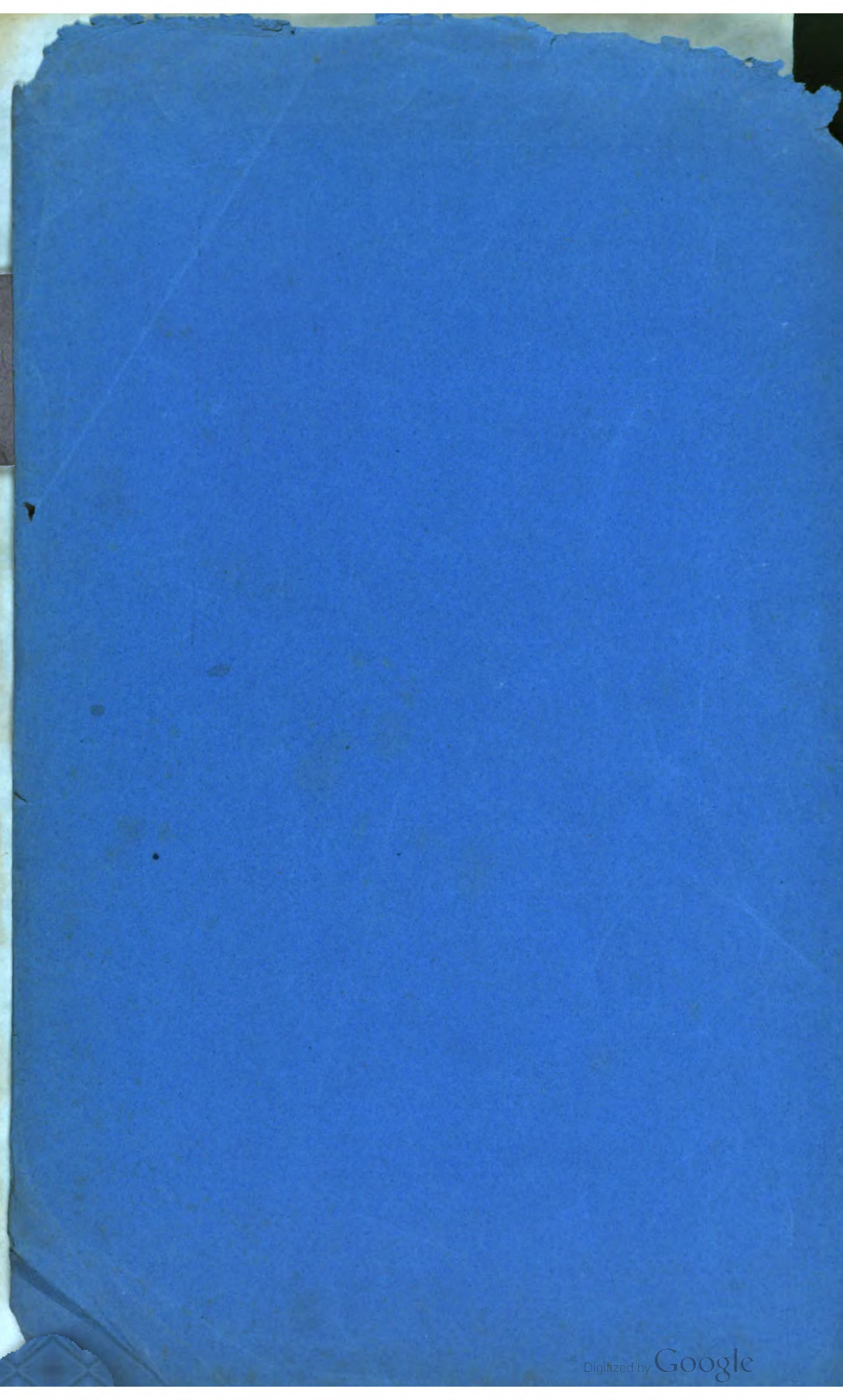
ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Унивѣрситетѣ.

МОСКВА.

1874.

НОВГОРОДСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

И

ЕЯ МОСКОВСКІЯ ПЕРЕДѢЛКИ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. Н. ЯНИША.

ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.

1874.

Ч Т Е Н І Я

**въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1874 г. кн. 2-я.**

DK
70
N62
I3

НОВГОРОДСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

И

ЕЯ МОСКОВСКІЯ ПЕРЕДѢЛКИ.

Русскія лѣтописи дошли до насъ въ немаломъ количествѣ списковъ. Сто шестьдесятъ восемь поступили на разсмотрѣніе Археологической Комисіи въ сороковыхъ годахъ, когда началось изданіе Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Съ того времени стали извѣстными еще нѣсколько рукописей. Другіе списки, нынѣ утраченные, были извѣстны Татищеву, Львову, Карамзину; содержаніе ихъ, —отмѣны противъ списковъ существующихъ,—сдѣланы, благодаря помянутымъ дѣятелямъ, хотя и далеко не въ желанной степени, достояніемъ Русской исторической науки. Но всѣмъ этимъ изобиліемъ не искупается одинъ существенный недостатокъ нашихъ лѣтописей—ихъ сравнительная молодость. Два, или три, списка относятся къ XIV столѣтію, остальные же позднѣйшаго происхожденія, и есть между списками такіе, которые современны началу даже XVIII вѣка.

Одинъ изъ самыхъ древнихъ временниковъ списанъ монахомъ Лаврентіемъ въ 1377 году. Нѣсколько моложе Лаврентьевскаго Ипатскій: палеографы относятъ его къ концу XIV-го, или началу XV-го, столѣтія. Обѣ эти рукописи принадлежатъ къ разряду многочисленныхъ списковъ, представляющихъ между собою то общее, что въ составъ ихъ вошла, такъ называемая, «Повѣсть временныхъ лѣтъ,» доходящая до 1110 года. Въ текстѣ выше упомятаго Лаврентьевскаго списка, въ слѣдъ за означеннымъ годомъ, помѣщена отмѣтка, изъ коей заключаютъ, что «Повѣсть» есть памятникъ начала XII столѣтія, который монахомъ Лаврентіемъ воспроизведенъ въ своей рукописи съ древнѣйшаго подлинника. *

* По Лаврентьевскому списку эта отмѣтка или припись читается такъ: «Игуменъ Селивестръ Святаго Михаила написахъ книги сѣ лѣтописецъ, надѣлся отъ Бога

Отсюда-то, безъ сомнѣнія, преувеличенное значеніе, которое изслѣдователи Русской Исторіи до послѣдняго времени придавали, и отчасти еще придаютъ, этому списку. Полагали, что въ него вошелъ, если не первобытный текстъ начальной лѣтописи, то, во всякомъ случаѣ, наиболѣе къ первобытному близкій. По Лаврентьевскому списку были дѣлаемы попытки къ возстановленію древняго текста, и одна изъ послѣднихъ попытокъ въ этомъ родѣ принадлежитъ редакторамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей (перваго изданія). Рукопись Лаврентія была принята ими за основной текстъ «Повѣсти» или, такъ называемаго, Нестора, и только случайные пропуски дополнены и явныя описки исправлены по другимъ спискамъ. Точно также поступили изъ прежнихъ издателей Шлецеръ, Тимковскій, въ новѣйшее время Миклошичъ и др. ¹ Уклоненія отъ этого священнаго текста, замѣчаемыя въ

милость пріяти, при Князѣ Володимерѣ, княжещо ему Кыевъ, а мнѣ въ то время игуменящо у Святаго Михаила, въ 6624 (1116), индикта 9 гѣта; а иже четъ книги сія, да то буди ми въ молитвахъ.» Но по свидѣтельству Татищева въ двухъ, извѣстныхъ ему (нынѣ утраченныхъ) рукописяхъ приписка Сильвестра была изложена иначе: Татищевъ передаетъ ее (конечно, перефразируя) въ слѣдующихъ словахъ: «Того же году, Февраля 11-го дня, въ первомъ часу ночи видимо было знаменіе въ Печерскомъ монастырѣ. Сначала былъ громъ и молнія, потомъ явился столпъ огненный..... и азъ, Сильвестръ, игумень монастыря Св. Михаила, написалъ въ книгѣ сей лѣтописаніи, надѣясь милость пріяти отъ Господа, при владѣніи Великаго Князя Владимира, мнѣ тогда бывшаго игуменомъ Св. Михаила.» Сомнѣнія въ правдивости Татищева давно, кажется, сдѣлались «ein überwundener Standpunkt» въ Русской историографіи: никому уже не приходитъ въ голову обвинять этого писателя въ умысленныхъ обманахъ и литературныхъ подлогахъ. По этому мы едва ли имѣемъ право совѣтъ обойти сообщаемую имъ, отличную отъ Лаврентьевской, редакцію Сильвестровой приписки, какъ выдуманную или подложную. Приписку, которую мы читаемъ у Лаврентія, дѣйстви-тельно ли принадлежитъ Сильвестру? Не точнѣе ли передано содержаніе подлинной Сильвестровой приписки составителями тѣхъ Татищевскихъ списковъ? Во всякомъ случаѣ здѣсь есть мѣсто сомнѣніямъ. Не лишена также, сдается мнѣ, значенія замѣтка по этому поводу Вѣдвѣскаго (Monumenta Polonica I, 531): «I trzeba wyznać że takie znaczenie zapisu tego ma za sobą więcej prawdopodobieństwa, widocznie bowiem łaska Boga, której się zapisuwaacz spodziewa, wiąże się bardziej z przyznaniem cudu, niżli z przepisywaniem świeckiej kroniki.» Быть можетъ отношеніе Сильвестра къ начальной лѣтописи въ томъ только и состояло, что онъ въ имѣвшійся у него экземпляръ «Повѣсти» записалъ видѣнное имъ небесное явленіе, а Лаврентій для того, чтобы придать побольше значенія своему списку, вздумалъ приписать знаменитому

остальныхъ рукописяхъ, заподозривались какъ позднѣйшія вставки, произвольныя искаженія и т. под.

Такое одностороннее предпочтеніе, оказываемое Лаврентьевскому списку, очевидно лишено всякаго дѣйствительнаго основанія. Для того, чтобы оправдать его, слѣдуетъ остановиться на явно произвольномъ предположеніи, будто Лаврентій отличился предъ всѣми переписчиками Русскихъ лѣтописей самою щепетильною точностію и ни на одну іоту не отступилъ отъ своего подлинника. Но писцы нашихъ временниковъ свойствомъ этимъ вообще не обладали, въ чемъ изслѣдователи давно уже могли убѣдиться посредствомъ сличенія списковъ; самъ же Лаврентій былъ, какъ извѣстно, далеко не столь высокаго мнѣнія о достоинствѣ своего труда, какъ его многочисленные почитатели въ сонмѣ Русскихъ историковъ; * при томъ мы не знаемъ и того, съ подлинной ли «Повѣсти», или съ копіи списывалъ Лаврентій. Рукопись сего послѣдняго, хотя и принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ списковъ «Повѣсти», все таки на цѣлыхъ два съ половиною вѣка моложе ея первоначальнаго составленія въ началѣ XII столѣтія. Мало ли черезъ сколько рукъ, за весь этотъ длинный промежутокъ времени, могла перейти она, прежде чѣмъ дошла до Лаврентія. Какое ручательство имѣемъ мы въ сходствѣ этого, хотя бы и древнѣйшаго, списка съ первобытнымъ текстомъ, списаніе коего приписывается Сильвестру?

Этотъ первобытный текстъ, безъ сомнѣнія, существовалъ: взаимная близость различныхъ изводовъ (редакцій) «Повѣсти» по сохранившимся спискамъ служить тому доказательствомъ. Но, при всей близости, извѣстные намъ изводы «Повѣсти временныхъ лѣтъ» представляютъ нѣкоторые существенныя различія не только въ словахъ и оборотахъ рѣчи, но также въ выборѣ и самомъ содержаніи извѣстій. Не только иныя сказанія, какъ то: о крещеніи

Святителю написаніе самой «Повѣсти», — пріемъ довольно обычный въ древней нашей письменности, чему можно указать въ примѣрѣ на иныя Житія Святыхъ Русской Церкви, неизвѣстные компиляторы коихъ жили въ XVI и XVII в., а писанія свои ставили какъ бы подъ покровъ древнихъ, прославленныхъ въ Церкви, подвижниковъ, приписывая имъ составленіе тѣхъ Житій (См. Ключевского, «Древнерусскія Житія Святыхъ», стр. 306, по поводу составленнаго въ XVI в. и ложно приписываемаго Андрею, ученику и преемнику Св. Автопія Римлянина, Житія сего послѣдняго).

Новгорода, объ изданіи «Правды» и «Устава» Княземъ Ярославомъ и др.; вошли въ списки позднѣйшихъ изводовъ, на пр., Софійскаго Временника, и не находятся въ другихъ болѣе древнѣйшихъ текстахъ «Повѣсти»; иное сказаніе, на пр., о призваніи Князей, передано по Лаврентьевскому списку иначе, чѣмъ по Ипатскому. «Повѣсть» дошла до насъ не въ отдѣльныхъ рукописяхъ, а въ лѣтописныхъ сборникахъ: она составляетъ начало сборника, и продолженіемъ ея служатъ лѣтописныя повѣствованія за годы, слѣдующіе послѣ 1110-го; повѣствованія эти расходятся между собою несравненно болѣе, чѣмъ различные изводы начальной лѣтописи. Читая послѣднюю, по какому бы то ни было списку, мы легко убѣждаемся, что главное ея основаніе—Южно-Русскія событія. Очевидно, эта начальная лѣтопись или «Повѣсть временныхъ лѣтъ», какъ слыветъ она въ большей части рукописей,—происхожденія Южно-Русскаго, и она есть прежде всего мѣстная лѣтопись Кіевской Руси. Если же, при относительной скудости сообщаемыхъ ею извѣстій объ остальныхъ Русскихъ областяхъ, «Повѣсть» все таки тщится объять всю Русскую землю, то такое обще-Русское значеніе ея зависитъ отъ того, что въ пору, когда она возникла, и въ мѣстности, гдѣ она возникла, намѣченныя дѣятельностію первыхъ Князей границы Русской земли обуславливали извѣстныя представленія объ ея единствѣ, и что установившіяся въ недавнемъ прошломъ связи между областями, даже при несомнѣнномъ преобладаніи въ обществѣ средобѣжныхъ стремленій, еще не вполне были порваны. Когда стремленія эти окончательно возобладали на Руси, двойственный характеръ «Повѣсти» слѣлалъ ее очень пригоднымъ источникомъ или матеріаломъ для мѣстныхъ, областныхъ, временниковъ, каковыми, начиная съ 1111 года, чѣмъ дальше, тѣмъ исключительнѣе становятся Русскія лѣтописи. Всего органичнѣе «Повѣсть» связывалась, конечно, съ временниками Южной, Кіевской и Галицкой, Руси; но ею же воспользовались лѣтописи и другихъ Русскихъ областей, въ особенности новыхъ, какъ бы поселеній, на пр., Руси Сѣверо-Восточной, страны безъ самостоятельнаго политическаго прошлаго. Составители лѣтописей этого края включали «Повѣсть» въ свои сборники, изрѣдка съ добавленіями изъ имѣвшихся подъ рукою мѣстныхъ преданій и свѣдѣній, чаще же съ болѣе, или менѣе, значительными урѣзками противъ Кіевскаго подлинника: эти пропуски и дополнительные черты какъ бы приурочивали «Повѣсть» къ мѣстной лѣтописи.

Рукопись Лаврентія списана «при Князѣ Великомъ Дмитріѣ,

Константиновичъ (Суздальскомъ) и Епископъ нашемъ Діонисіи Суздальскомъ и (Ниже) Новгородскомъ и Городьскомъ;» значить гдѣ ни будь на Сѣверо-Востокѣ, въ землѣ Суздальской. Ипатскій Сборникъ, хотя уцѣлѣвшій до нашего времени древнѣйшій списокъ его хранился на Сѣверѣ, въ Костромскомъ Ипатскомъ монастырѣ, тѣмъ не менѣе происхожденія Южно-Русскаго: самыя подробныя свѣдѣнія о дѣлахъ Кіевскихъ и Южно-Русскихъ съ 1111-го года и начиная съ 1201. о дѣлахъ земли Галицко-Волынской, къ которой перешло первенство въ Юго-Западной Руси, мы почерпаемъ изъ него. Такимъ образомъ оба древнѣйшихъ списка изъ числа дошедшихъ до нашего времени и заключающихъ въ себѣ начальную «Повѣсть»-служать какъ бы лѣтописными представителями двухъ отдѣловъ Русской Земли: Сѣверо-Восточной и Юго-Западной. Изъ нихъ Лаврентьевскій, начиная съ 1111-го года, относится къ Ипатскому изводу какъ сократитель (эпитоматоръ), въ особенности по Южнымъ дѣламъ, и только съ послѣдней четверти XII-го вѣка пріобрѣтаетъ значеніе самостоятельнаго источника для исторіи Русскаго Сѣверо-Востока. Обстоятельство это наводитъ на мысль не древнѣе ли вообще Ипатскій или Южно-Русскій изводъ во всемъ его объемѣ, чѣмъ Лаврентьевскій изводъ или Суздальскій, подобно тому, какъ Южная Русь древнѣе Сѣверо-Восточной, и хотя бы не подлежало сомнѣнію, что сохранившіеся древнѣйшіе списки того и другого извода состоятъ другъ къ другу, по времени списанія, въ обратномъ отношеніи? Въ одной очень древней лѣтописи Новгородскаго извода мы встрѣчаемъ довольно вѣскія указанія то, что Ипатскій текстъ существовалъ не только задолго до Лаврентія, но, по меньшей мѣрѣ, въ первой половинѣ XII столѣтія, или еще раньше: указанія эти относятся къ тѣмъ частямъ сравнительныхъ изводовъ, что содержатъ въ себѣ повѣствованіе за время до 1110-го года. Принимая даже за вполне достовѣрное Лаврентьевское свидѣтельство о написаніи «Повѣсти» Игуменомъ Сильвестромъ въ 1116-мъ году, и за вполне доказанное то предположеніе, что Лаврентій списывалъ съ подлинной Сильвестровой рукописи, мы все таки, по тщательномъ сличеніи списковъ, должны будемъ и для Ипатскаго текста принять подобное же непосредственное отношеніе къ утраченному Сильвестру, отношеніе не только чуждое зависимости отъ Лаврентія, но и болѣе близкое къ подлиннику. Такъ у Лаврентія, подъ 6597 г. (1089), встрѣчаемъ мы ссылку на такое обстоятельство, о которомъ выше у него ничего не упомянуто; ту же самую ссылку читаемъ и въ

спискѣ Ипатскомъ, но въ немъ же помѣщенъ случай, на который лѣтописцемъ указывается. ' Отсюда, да еще изъ пропуска Лаврентіемъ немногихъ мелкихъ извѣстій, которыя помѣщены въ Ипатскомъ спискѣ, нельзя, по видимому, не вывести того заключенія, что Лаврентій имѣлъ предъ собою одинъ и тотъ же, или сходный лѣтописный, матеріалъ съ тѣмъ, комъ пользовался писецъ Ипатскаго списка, быть можетъ, даже сходный съ послѣднимъ списокомъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ,» но отнесся къ своему подлиннику точно такъ, какъ онъ же отнесся къ Кіевской лѣтописи, составляющей продолженіе «Повѣсти,» то есть, какъ сократитель. Пропуски Лаврентія въ «Повѣсти» не такъ значительны, какъ въ Кіевскомъ временникѣ, начиная съ 1111-го года, но все же они встрѣчаются и у него: опущены второстепенныя явленія Южно-Русской жизни (случай построения городовъ) и храмовъ, рожденія и смерти Князей и т. под.) явленій, которыя для Суздальскаго лѣтописца не представляли большой важности. Съ другой стороны добавленій, вставокъ противъ Ипатскаго текста мы въ Лаврентьевской «Повѣсти временныхъ лѣтъ» не находимъ, и въ этомъ отношеніи она замѣтно разнится отъ «Повѣстей» позднѣйшихъ изводовъ, на прим., Софійскаго Временника. Но изъ обстоятельства этого нельзя еще сдѣлать вывода въ пользу первобытной древности Лаврентьевскаго текста: припомнимъ, что свои добавочныя статьи лѣтописцы почерпали изъ мѣстныхъ источниковъ, и что область, въ которой писалъ Лаврентій, была страна новая, страна безъ преданій.

Слѣдимъ оговориться. Мы отнюдь не намѣрены значеніе Ипатскаго временника поставить на мѣсто значенія Лаврентьевской лѣтописи. Мы хотимъ только сказать, что, при сравнительной молодости всѣхъ сохранившихся списковъ нашихъ лѣтописей, большая, или меньшая, древность того, или другого, сама по себѣ ничего не рѣшаетъ ни въ пользу, ни противъ достовѣрности помѣщеннаго въ спискѣ лѣтописнаго матеріала; не подлежитъ сомнѣнію, что сказанія, по чему либо не вошедшія въ составъ древнѣйшихъ рукописей, могли попасть, и дѣйствительно попадали, въ рукописи позднѣйшаго происхожденія. Въ новѣйшее время изслѣдователями было обращено вниманіе на составныя части лѣтописей; было замѣчено, что составители ихъ почерпали свои сказанія изъ самыхъ разнородныхъ источниковъ. Существуетъ предположеніе, подкрѣпляемое нѣкоторыми указаніями самихъ лѣто-

писей, что при Княжескихъ дворахъ, а также при церквахъ и монастыряхъ, изстари велись погодныя записки, ⁵ въ которыя вносились для памяти важнѣйшіе случаи изъ жизни Князей, происшествія воинскія, гражданскія и церковныя, рядомъ съ отмѣтками о небесныхъ явленіяхъ, моровыхъ повѣтріяхъ, неурожаяхъ и т. под. Эти записки (съ болѣе, или менѣе, правительственнымъ характеромъ) входили потомъ въ составъ лѣтописей вмѣстѣ съ другими подробнѣйшими повѣствованіями. Последнія заимствованы изъ записанныхъ современниками сказаній о наиболѣе выдающихся событіяхъ и лицахъ: сказанія эти включались въ лѣтопись либо цѣликомъ и какъ бы въ сыромъ видѣ (на пр., въ начальной «Повѣсти» сказаніе объ убіеніи Бориса и Глѣба, или рассказъ какого-то Василія объ ослѣпленіи Василька Ростиславича), либо въ поверхностной и до того неискусной переработкѣ, что шивка съ текстомъ по мѣстамъ видна; такъ, на прим., въ описаніи по Ипатскому списку походовъ Князя Изяслава Мстиславича есть одно мѣсто, изъ котораго слѣдуетъ заключить, что описаніе составлено современникомъ, и даже участникомъ, тѣхъ походовъ. ⁶ Далѣе, матеріалами для помянутыхъ повѣствованій служили еще: устные рассказы, записанные лѣтописцемъ со словъ очевидцевъ, на пр., старца Яна, Гюрты Роговича, Цавла, Ладожскаго Посадника; также преданія изъ отдаленнаго прошлаго, какъ-то: о Рюрикѣ и его братьяхъ, о построеніи Кіева, о смерти Олега и т. под.; наконецъ свѣдѣнія, взятые изъ иностранныхъ, на пр., Греческихъ источниковъ. Иногда въ лѣтописяхъ помѣщались въ полномъ объемѣ цѣлые документы, на пр., договоры Князей съ Византією. Такимъ образомъ преобладающій характеръ очень многихъ Русскихъ временниковъ компіляціонный. Эти памятники нашей старины не самостоятельныя сочиненія того, или другаго, сочинителя. Историческая критика давно уже порѣшила и «съ онымъ великимъ Селиверстомъ Выдобужескимъ, не украшая пишущимъ», какъ величали виновника извѣстной намъ приписи Московскіе книжники XVI столѣтія, и съ «Несторомъ, святымъ лѣтописателемъ», творцомъ «священной книги народа», какъ выразилась еще не такъ давно редакція Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Въ лицѣ главныхъ своихъ представителей въ повѣйшее время критика пришла къ тому выводу, что временники наши представляютъ собою какъ бы мозаику извѣстій и статей, набранныхъ изъ другихъ, болѣе древнихъ и большею частію не сохранившихся до нашего времени, матеріаловъ, и что матеріалы эти приведены

составителями лишь въ чисто внѣшнюю лѣтописную между собою связь. Въ слѣдствіе сего лѣтописи получаютъ значеніе историческихъ сборниковъ, и трудъ ихъ составителей можетъ быть до известной степени уподобленъ труду, который приняли на себя, по изданію древнихъ памятниковъ, наши Ученія Общества, Академіи, Археологическія Комисіи и тому подобныя учрежденія. Первообразомъ такихъ сборниковъ была, по всѣмъ вѣроятностямъ, Кіевская «Повѣсть временныхъ лѣтъ», произведеніе XII вѣка, не сохранившаяся, однако же, въ спискахъ современныхъ ея первоначальному составленію, но вошедшая, какъ матеріалъ, въ составъ позднѣйшихъ сборниковъ XIV и XV вѣка. Не сохранились также и другія письмена, изъ коихъ разрослась наша лѣтопись. По этому ни большая, ни меньшая, древность сборника, ни даже большее, или меньшее, достоинство его, какъ компіляціи (ибо гдѣ же критеріи для оцѣнки?), не рѣшаютъ вопроса о достовѣрности сообщаемыхъ имъ извѣстій. При сравнительно позднемъ происхожденіи сохранившихся списковъ, при безыменности (анонимности) заключающихся въ нихъ сказаній, устраняющей возможность съ точностію опредѣлить взаимное отношеніе повѣствователя и повѣствуемаго, при отсутствіи почти безъусловномъ другихъ источниковъ къ сличенію, такимъ критеріемъ для повѣрки лѣтописнаго разсказа остается въ сущности одна лишь внутренняя его достовѣрность.

Нельзя безусловно утверждать, чтобы подмѣченный изслѣдователями компіляціонный характеръ нашихъ лѣтописей клонился къ рѣшительному умаленію достоинства ихъ, какъ источниковъ исторіи. Скорѣе напротивъ. Если бы наши современники XIV, или XV, вѣка заключали въ себѣ не одни обрывки старыхъ сказаній и записокъ, а болѣе связный, прагматическій, разсказъ о дѣлахъ давно минувшихъ, въ родѣ повѣствованій какого ни будь Саксона Грамматика, или Кадлубка, то, соображаясь съ духомъ и понятіями поры о задачахъ книжнаго писанія, можно сказать навѣрное, что разсказъ этотъ точно также изобиловалъ бы баснями и вымыслами, какъ изобилуютъ ими помянутыя хроники, Датская, или Польская, и что вылупить изъ него историческое зерно было бы еще не въ примѣръ затруднительнѣе, чѣмъ изъ нашихъ скудныхъ, или безжизненныхъ, лѣтописныхъ отрывковъ и реляцій. Подобныя сказочныя повѣствованія стали появляться и у насъ, начиная съ XVI и XVII столѣтій, но значеніе ихъ для Русской исторіи равняется нулю. Благодаря лишь тому обстоятельству, что лѣтописи наши суть сборники, реперторіи письменности древнѣйшихъ вре-

мень, слѣды этого давняго прошлаго въ нихъ болѣе явственны, тѣмъ можно бы было ожидать отъ памятниковъ столь поздней поры. Благодаря имъ, свидѣтельства современниковъ (эти незамѣнимые источники историческаго вѣдѣнія, коими такъ богата Западная письменность), все таки донеслись до насъ и изъ Русскаго прошлаго, хотя и не въ томъ видѣ, какъ они были первоначально записаны, а какъ бы изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Но, говоря о достовѣрности нашихъ лѣтописей, надлежитъ, въ большинствѣ случаевъ, разумѣть лишь достовѣрность дѣйствительную, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, достовѣрность голаго событія, которое можетъ быть извлечено изъ лѣтописнаго разсказа. Иное дѣло то, что мы назовемъ обрѣсвою, окраскою и обстановкою событія. Сколько ни отстываетъ на задній планъ личность компилятора лѣтописца, онъ все таки сынъ своего вѣка: господствующія идеи поры, въ которую онъ жилъ, не остаются на него безъ вліянія; въ томъ же смыслѣ онъ произведеніе среды, въ которой вращается. Выше лѣтописные сборники наши по своему содержанію приравнены къ предпринятымъ въ новѣйшее время изданіямъ памятниковъ прошедшаго. Но кому не извѣстно, что далеко не всѣ такого рода изданія одинаковаго достоинства: нѣкоторые отчасти замѣняютъ собою подлинники, другія такъ неточны, что съ ними утрата матеріаловъ, коими они пользовались, была бы тѣмъ не менѣе чувствительною для историка потерею; вкладъ въ науку нашихъ сводчиковъ и компиляторовъ прошедшаго столѣтія, Татищевъ и Львовъ, весьма незначителенъ, хотя они несомнѣнно располагали источниками, для насъ недоступными. Во сколько же разъ болѣе съ этой точки зрѣнія должна быть признана невозградимую потерю древнихъ матеріаловъ, скомпированныхъ какъ ни будь Лаврентіемъ въ XIV вѣкѣ, или писцомъ Ипатскаго Епископа въ началѣ XV? Критика въ то время не существовала не только какъ приемъ или методъ, котораго, при воспроизведеніи свидѣтельствъ прошлаго, слѣдуетъ держаться, но даже какъ задача, или цѣль, къ которой должно стремиться. Пропуски, вставки и всякаго рода искаженія древнѣйшихъ текстовъ, считались не только дозволеними, но даже признаками книжности лѣтописца, и во всякомъ случаѣ неотъемлемою принадлежностію лѣтописнаго дѣла. Такого рода отбѣны съ особенною выпуклостію обозначаются въ тѣхъ случаяхъ, когда лѣтописецъ какъ бы говоритъ отъ своего имени, изъ простаго записывателя становится судьей явленій; ибо, рядомъ съ повѣствованіемъ, въ лѣтописяхъ

встрѣчаются иногда и подобныя сужденія о дѣятеляхъ и ихъ дѣлахъ, высказывается сочувствіе, или неодобреніе, извѣстному событію, или лицу. Характеристики эти, въ большей части случаевъ, мертвенны и стереотипны; при томъ же онѣ нерѣдко повторяются въ спискахъ даже различнаго состава. Однако жъ случается, что въ отзывахъ лѣтописцевъ объ одномъ и томъ же лицѣ звучитъ не одна и та же нота. Не то, чтобы того, или другого, Князя, обыкновенно восхваляемаго, иной лѣтописецъ, по крайней мѣрѣ, изъ Южно-Русскихъ, или Суздальскихъ, вздумалъ безъ обиняковъ хулить; не то, чтобы иное дѣяніе, Кіевскою (къ примѣру) хроникомъ оправдываемое и даже прославляемое, рѣшительно порицалось хроникомъ Русскаго Сѣверо-Востока; до подобной независимости сужденій, которую можно было бы признать за немаловажное достоинство и заслугу, нрѣдка возвышается развѣ только лѣтопись вольнаго Новгорода (о ней же рѣчь еще впереди, хотя мы уже и здѣсь, ради полноты обзора, принуждены коснуться нѣкоторыхъ изъ ея приговоровъ); что же касается до остальныхъ нашихъ современниковъ, то свойство это—отрѣшенность отъ разъ сложившихся взглядовъ—положительно чуждо имъ. Но прослѣдивши по лѣтописямъ нѣкоторыя изъ такихъ характеристикъ, не трудно замѣтить, какъ типъ чинаго дѣятеля постепенно дополняется новыми чертами, растетъ, возвеличивается, типъ же другого умалется и словно тускнѣетъ. Такъ, на пр., Владимира Мономаха добрымъ словомъ поминули всѣ безъ изъятія Русскіе лѣтописцы; даже краткій Новгородскій почтилъ его прозвищемъ великаго, почти непосредственно въ слѣдъ за переданнымъ случаемъ немилостиваго Мономахова поступка съ его же братьями, Новгородцами. Мономахъ сослужилъ добрую службу Русской землѣ своими побѣдами надъ дикими Половцами; за то и полюбили его Русскіе люди, не смотря даже на тѣньныя стороны его характера и дѣяній, за то хвалили его и величали: отголосокъ народнаго расположенія къ Владимиру сказался и въ лѣтописяхъ. При этомъ достойно замѣчанія, что лѣтописная похвала идетъ всегда въ пору, crescendo, чѣмъ больше удаляется отъ своего героя во времени и въ пространствѣ: но на сколько она растетъ, на столько же становится мертвеннѣе, ходульнѣе, пустѣе. Въ похвалѣ Ипатьскаго текста явственно слышится голосъ современника и земляка почившему дѣятелю, человека близко стоявшаго къ впечатлѣніямъ мгновенія; рѣчь его безыскусственна, проста, въ заключительныхъ строкахъ, посвященныхъ народному плачу по любимомъ Князѣ, даже

глубоко прочувствована, живыя и симпатичныя черты братолюбца и нищедюбца, и характерный адитетъ добраго страдальца за Русскую землю, неразлучный для насъ съ памятью о Владимирѣ Всеволодовичѣ, приурочены къ его имени Южнымъ лѣтописцемъ. Сходныя побужденія похвалы слышны и у Лаврентія, но Суздальскій сократитель Кіевской лѣтописи отнесся на сей разъ къ своему подлиннику съ большою самостоятельностью, если только можно признать за самостоятельность риторическое многословіе и вычурное витійство. «Добрый страдалецъ» преаратился у него въ чуднаго Князя Владимира, «прослуваго въ побѣдахъ, его же имени трепетаху вся страны», въ идеальный типъ Князя благочестиваго и благовѣрнаго, усерднаго къ Церкви и «всею душею возлюбившаго Бога.» Въ соответствии съ этимъ типомъ приведены и искажены Лаврентіемъ остальные черты Ипатскаго Мономаха, «нищедюбець» сдѣлался наипаче «милостивымъ къ чернеческому чину и доиовскому, подавая имъ еже на потребу и принимая отъ нихъ молитвы;» а любезный народу (такъ много пострадавшему отъ Княжескихъ усобицъ) «братолюбецъ» весь ушелъ въ стяжавшаго «великую вѣру къ сродникамъ своимъ, святымъ мученикамъ Борису и Глѣбу, имъ же и церковь прекрасную созда... пощаніемъ многихъ.» Последній переходъ въ особенности любопытенъ и наиболее характеристиченъ для суровой, аскетической, преданной дѣламъ наружнаго благочестія, Северо-Восточной Руси, въ которой выработался этотъ Лаврентіевскій типъ Мономаха, въ некоторыхъ отношеніяхъ столь отличный отъ Ипатскаго: историческая заслуга Владимира предъ своимъ родомъ-племенемъ и предъ всею землей, его живая любовь къ живымъ братьямъ, оставлена въ тѣни, а на пьедесталъ возведенъ создатель храма во славу братьевъ усопшихъ. Совсѣмъ иная доля въ лѣтописной молвѣ досталась одному изъ многочисленныхъ потомковъ Мономаха, его внуку, Ростиславу Мстиславичу. Этого Князя (Смоленскаго и въ послѣдствіи Кіевскаго) Южный лѣтописецъ величаетъ «благовѣрнымъ» и восклицаетъ не безъ восторженности по поводу вступленія его на Кіевскій столъ (что случилось о Пасхѣ): «и бысть людемъ двоя радость, и воскресеніе Господне и Княже сдѣніе;» наконецъ, съ явнымъ сочувствіемъ и похвалою, упоминаетъ и о его благочестивой кончинѣ. Изъ всѣхъ этихъ панегириковъ и лиограмбовъ въ Суздальской лѣтописи уцѣлѣлъ одинъ только незначущій эпитетъ: «благовѣрный» предъ именемъ Ростислава, а въ лѣтописяхъ позднѣйшихъ изводовъ (на пр., въ Софійской) исчезъ

даже и этотъ эпитетъ. Такимъ образомъ встрѣчающіеся по разнымъ временникамъ отзывы о томъ, или другомъ, Князѣ представляють нерѣдко то возвышающуюся, то понижающуюся, гамму. Менѣе замѣтенъ, но тѣмъ своеобразнѣе, приѣмъ, къ которому прибѣгаетъ иногда лѣтописецъ для того, чтобы, списывая извѣстіе съ древнѣйшаго текста, выгородить свое личное отношеніе къ повѣствуемому событію. Любезный сердцу Кіевскаго лѣтописца Ростиславъ часто ссорился съ Новгородцами, а Новгородская лѣтопись, болѣе прямая и свободная въ своихъ сужденіяхъ, чѣмъ Кіевская, или Суздальская, отнеслась къ дѣятельности этого Князя также сурово и строго, какъ сурово и строго поступили сами Новгородцы съ его сыномъ и дружиною, представителями власти его въ Новгородѣ. Въ Ипатскомъ временникѣ, по поводу одного изъ подобныхъ замѣшательствъ, передается съ начала разсказъ о Новгородской «встанн» противъ Ростиславича (Святослава) о томъ, какъ граждане «Князя запроща въ истопкѣ,» а Княгиню сослали въ монастырь: «встань» представлена въ видѣ дерзкаго, ни чѣмъ не подтвержденнаго, покушенія, такъ какъ Святославъ, не задолго предъ тѣмъ, исполняя желаніе самихъ Новгородцевъ, вывелъ съ Новаго Торгу брата своего, Давыда; далѣе говорится, что Ростиславъ, узнавъ въ Кіевѣ объ участи сына, повелѣлъ гостей и купцовъ Новгородскихъ «уметати въ Пересѣченскій погребъ,» при чемъ добавлено, что Князь, когда до свѣдѣнія его дошло о смерти нѣкоторыхъ изъ заключенныхъ, приказалъ остальныхъ вывустить изъ погреба. Какъ же отнесся къ этому извѣстію Суздальскій лѣтописецъ? Последней черты, приводимой Кіевскимъ въ похвалу челоуѣчности Ростислава, а также разсказа о Новгородской «встанн,» у него недостаетъ. Лаврентій начинаетъ свое повѣствованіе объ этихъ событіяхъ прямо съ послѣдующихъ словъ Ипатской редакціи: «прислаша Новгородци къ Андрееви къ Гюргевицю (Суздальскому), просяще у него сына княжати Новугороду,» и отъ себя прибавляетъ, что Святослава Ростиславича Новгородцы выгнали, «зане отецъ его изморилъ братью ихъ въ погребѣ,» т. е., оправдываетъ Новгородцевъ, а у поступка Кіевскаго Князя отнимаетъ тотъ характеръ возмездія, который тщится придать ему Южный лѣтописецъ. Такое отношеніе къ Новгороду и къ Новгородскимъ порядкамъ не совѣмъ обычно въ Суздальцѣ и можетъ быть объяснено лишь тѣмъ соображеніемъ, что выборъ Новгородцевъ, по изгнаніи Ростиславича, палъ на Суздальскаго Князя. Приводимыя у Лаврентія причины

изгнанія заимствованы, по видимому, изъ Новгородскаго источника и прикнуты за тѣмъ сократителемъ, въ видѣ объясненія, къ переданному, со словъ Ипатской редакціи, краткому извѣстію объ обращеніи Новгородцевъ къ Андрею. Нельзя не замѣтить при этомъ, что, согласно поминутому объясненію (по всей вѣроятности, также сокращенному); изгнаніе Святослава, въ разрѣзъ Ипатскому сказанію, представлено не какъ поводъ къ насильственнымъ поступкамъ Ростислава съ Новгородцами, а какъ прямое послѣдствіе тѣхъ поступковъ.* Впрочемъ, сколько бы ни разнились между собою въ сужденіяхъ объ иныхъ дѣятеляхъ и въ обрисовкѣ иныхъ событій древней Руси лѣтописи Лаврентьевская и Ипатская, все таки разнорѣчій и отлѣны въ нихъ касаются однихъ частностией, и не на столько существенны, чтобы сразу остановить на себѣ вниманіе читателя: они, напротивъ того, поддаются лишь самому тщательному, микроскопическому, изученію (какъ отчасти даже и въ приведенныхъ примѣрахъ), и во многихъ случаяхъ могутъ быть и объяснены недосмотрами и случайными опи-

* Не возможно рѣшить, которое изъ двухъ сказаній: подробное ил. Ипатское, или краткое Лаврентьевское, ближе къ истинѣ. Сохранившееся краткое Новгородское извѣстіе ограничивается сообщеніемъ голыхъ данныхъ заточенія Князя и Княгини и посольства къ Андрею. Въ Ипатскомъ текстѣ видна нѣкоторую несообразность: въ началѣ сказано, что, по удаленіи, въ угоду Новгородцамъ, Давыда Ростиславича съ Торжку, народъ, спустя нѣсколько времени («мало время» переждавшие), опять створали вѣче на Святослава, скончившееся встанью и заточеніемъ; изъ вложенныхъ же въ уста востанувшаго рѣчей слѣдуетъ заключить, что встань произошла на другой день послѣ состоявшагося соглашенія (о Давыдѣ?), сирѣчьennaго, по обычаю вѣча, присягою: «а вчера (говоритъ Святославъ) ко мнѣ вси цѣловали Святую Богородицу.» Если принять, какъ вѣроятнѣйшій, болѣе долгій промежутокъ между двумя событіями, то вѣсть о соглашеніи между Святославомъ и Новгородцами могла достигнуть Кіева прежде, чѣмъ въ Новгородѣ подымалась усиленная глума. Вѣсть о такомъ соглашеніи, состоявшемся въ ущербъ одного изъ его сыновей, должна была, безъ сомнѣнія, прогнѣвать Ростислава, такъ какъ въ выводѣ Давыда съ Торжка онъ имѣлъ поводъ видѣть произвольное нарушеніе Новгородцами прежняго договора (Новг. I лѣтоп. 6665 и 6666). По этому есть, кажется, нѣкоторое основаніе предположить, что въ рассказѣ Ипатской лѣт. допущена умышленная перестановка событій; что гнѣвъ Ростислава обрушился на пребывавшихъ въ Кіевѣ Новгородцевъ сейчасъ же по полученіи извѣстія объ уходѣ Давыда, и что Новгородцы, узнавъ о гнѣвѣ и смерти своей братьи на Югѣ, отплатили Ростиславу тою же монетою.

сками компиляторовъ; когда же летописцамъ приходилось высказать свой взглядъ по поводу такихъ началъ, которыя одинаково чествовались, или отвергались, какъ на Юго-Западѣ, такъ и на Сѣверо-Востокѣ, или же по поводу явленій, одинаково чуждыхъ и ненавистныхъ, или сродныхъ и сочувственныхъ, обществу, какъ того, такъ и другого, отдѣла Русскихъ земель, то обѣ редакціи между собою сходятся. Такъ, на примѣръ, извѣстное сильное порицаніе Новгородцевъ за ихъ частыя смуты и измѣны Князьямъ, помѣщено какъ въ Суздальской, такъ и въ Кіевской летописи, * совпаденіе тѣмъ болѣе знаменательное, что упрекъ былъ высказанъ по поводу размирья Новгорода съ Княземъ Андреемъ Суздальскимъ, который былъ врагъ не одному Новгороду, но и Кіеву. Но въ числѣ Русскихъ земель были и такія, въ которыхъ общество приняло иной складъ, и жизнь потекла, развивая изъ себя иныя начала, чѣмъ въ Руси Кіевской и Суздальской, гдѣ начала эти, хотя въ давнія времена и были присущи народному сознанію, но рано заглохли и сдѣлались ему чужды. Если бы земли эти (я разумю Новгородъ съ выдѣлвшимся изъ него Псковомъ, къ которымъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, слѣдуетъ присоединить Полоцкъ и даже Смоленскъ) оставили послѣ себя побольше летописныхъ представителей, то въ памятникахъ этихъ, безъ сомнѣнія, обнаружилася бы болѣе рѣзкая разница взглядовъ

* Лѣт. по Ипат. св. (изд. 1871 г.), л. 6681, стр. 383, и П. С. Р. Л. т. I, Лавр. лѣт. л. 6677, стр. 154. Но и здѣсь можно усмотрѣть разницу. По Ипат. тексту мѣсто читается такъ: «не глаголемъ же, правы суть Новгородцы, яко издавна суть свобожени правды Князь нашихъ, но злое невѣрствіе въ нихъ вкоренилося, крестъ къ Княземъ преступати и Княжи внуки и правнуки обеществовати и соромати, а крестъ честный, къ нимъ цѣлоуавши, переступати. То домогъ Господевъ терпѣти надъ ними? За грѣхы навелъ и наказа по достойноу, рукою благовѣрнаго Князя Андрия». По Лаврент.: «не глаголемъ же и т. д. .... свобожени... правды Князь нашихъ; но аще бы тако было, то велѣли ли имъ передніе Князи крестъ преступати, или внуки и правнуки соромати?» и т. д. Отсюда видно, что Кіевская летопись, не отвергая юридической основы Новгородскихъ вольностей, осуждаетъ Новгородцевъ за злоупотребленіе свободою; Суздальская же въ добавокъ выражаетъ сомнѣніе въ дѣйствительности самаго права ихъ по изводу сажать и изгонять Князей: «аще бы тако было». Выраженное такимъ образомъ сомнѣніе въ правомѣрности Новгородскихъ особенностей должно было, въ дальнѣйшемъ развитіи привести къ отрицанію, а отрицаніе къ искорененію Новгородской свободы.

на общественныя дѣла и задачи по сравнению съ современниками Лаврентьевскимъ, или Ипатскимъ, чѣмъ замѣчаемая между этими двумя лѣтописями. Какъ ни скудны сохранившіеся остатки древняго Новгородскаго и Псковскаго лѣтописанія (отъ Полоцкаго и Смоленскаго не уцѣлѣло даже слѣда), однако жъ и въ этихъ остаткахъ, на пр., въ краткихъ извѣстіяхъ Новгородскаго лѣтописца, сказывается порой вліяніе понятій и представленій, взлѣбанныхъ въ лѣтописцѣ особенностями мѣстнаго быта. Иногда онъ рѣшается высказать прямое порицаніе Князю, явленіе крайне рѣдкое въ нашихъ лѣтописяхъ: такъ подѣ 1148 г. у него записано, что Новгородцы вывели отъ себя Святополка Мстиславича, «злобы его ради;» подѣ 1154 годомъ помѣщена, какъ мы видѣли, не менѣе жесткая укоризна брату его, Ростиславу. Объ одномъ изъ сыновей этого Ростислава, Смоленскомъ Князѣ Давыдѣ, въ Киевской лѣтописи сохранились довольно смутныя слѣды какого-то нелюбыя его съ Смольнянами; тѣмъ не менѣе Южный лѣтописецъ, по поводу извѣстія о смерти этого Князя, держитъ ему предлинную похвалу и, намекая на неизвѣстныя намъ въ подробностяхъ Смоленскія событія, прибавляетъ: «бѣ любя (Давыдъ) дружину, а злыя кажня, яко же подобаетъ царемъ творити.» Совсѣмъ иначе относится къ этому событію лѣтописецъ вольнаго Новгорода: «Встань бысть Смоленскѣ (сказано у него), промежи Княземъ Давыдомъ и Смольняны, и много головъ паде лучшихъ мужь.» Во всѣхъ подобныхъ отзывахъ, характеристикахъ, недомолвкахъ и перемолвкахъ нашихъ лѣтописей о дѣлахъ и людяхъ высказывается наиболѣе выпукло личное отношеніе компилятора къ повѣствованнымъ событіямъ; ими только придается нѣкоторое обличіе внѣшняго единства нанизаннымъ на хронологическую нить лѣтописнымъ повѣствованіямъ и отмѣткамъ, и ими же преимущественно характеризуются отличительныя черты каждой отдѣльной лѣтописи въ средѣ своихъ сестеръ. Мы видѣли, что сочувствія и несочувствія компилятора сказываются въ самомъ опытѣ записыванія, вычитанныхъ въ древнѣйшихъ спискахъ, преданій, въ сохраненіи, или пропускѣ, или прибавленіи, той, или другой, черты. И чѣмъ глубже событіе уходитъ въ даль вѣковъ, чѣмъ оно сказочнѣе, тѣмъ оцутительнѣе становится, при его передачѣ, вліяніе на компилятора лѣтописца современныхъ ему представленій и идей. То сказаніе, что онъ прочелъ въ лежащемъ предѣ нимъ современникѣ, такъ сбивчиво и такъ темно, что не иначе, какъ въ смутныхъ очертаніяхъ, укладывается у него въ головѣ.

Онъ старается уяснить его самому себѣ: опускаетъ при передачѣ живыя черты, по тому ли, что не уразумѣлъ ихъ внутренняго смысла, или же въ слѣдствіе того, что, отнесшись къ преданію согласно съ господствующими представленіями своего вѣка и своей среды, онъ призналъ эти подробности несущественными. Онъ дѣлаетъ къ сказанію прибавки, и въ нихъ опять сказываются все тѣ же дѣятели мѣста и времени. Но такова ли въ общихъ чертахъ судьба лѣтописнаго сказанія о приаваніи Князей съ его безчисленными раанорѣчїями? Относительно подобныхъ-то разнорѣчїй въ лѣтописяхъ вопросъ о времени и мѣстѣ ихъ происхожденія, очевидно, вновь вступаетъ въ свои права.

Съ исхода XV и начала XVI столѣтїй начинаютъ возникать у насъ, обнимающіе всю Русскую землю, лѣтописные своды, слитыя или сплоченныя во едино выборки изъ прежнихъ лѣтописей. Время ихъ появленія соотвѣтствуетъ времени объединенія Северо-Восточной Руси подъ Московскою властію. Въ сводахъ этихъ мы едва ли будемъ въ правѣ видѣть нѣчто въ основѣ отличное отъ лѣтописныхъ памятниковъ болѣе древней поры, на пр., первыя попытки къ систематизированію Русской лѣтописи, или даже первыя робкіе шаги къ прагматической исторїи. Сводами ихъ принято называть въ видѣ противоположенія прежнимъ лѣтописямъ или лѣтописнымъ сборникамъ, въ родѣ Лаврентьевскаго, или Ипатьевскаго, но въ сущности они тѣ же сборники извѣстій и статей, та же лѣтопись. По нимъ мы всего нагляднѣе можемъ изучитъ образъ составленія ихъ предшественницъ въ семьѣ Русскихъ лѣтописей; ибо если древнѣйшіе матеріалы, изъ коихъ скомпилированы извѣстные намъ временники Кіевскіе, или Суздальскіе, по большей части утрачены, то матеріалы этихъ сводовъ или сборниковъ позднѣйшаго состава по большей части, или въ значительной долѣ, налицо. Наиболѣе ощутительнымъ представляется средство этихъ новѣйшихъ лѣтописей (Софійской, Воскренской, Никоновской или Патріаршей и другихъ менѣе извѣстныхъ) съ утраченною въ подлинникѣ Кіевскою, «Повѣстію временныхъ лѣтъ,» достовѣрнѣйшіе слѣды коей сохранились, какъ мы видѣли, въ текстахъ Ипатьевскомъ и Лаврентьевскомъ. Такое средство весьма понятно. «Повѣсть,» составлена въ Кіевѣ, въ политическомъ средоточїи Руси XII вѣка, и въ такую пору (при Мономахѣ), когда значеніе Кіевскаго Князя обнимало, въ орудьственную ли властію, или сильнымъ, хотя и непрямымъ, влияніемъ, очень многія

Русскія области. Точно также и помянутые выше позднѣйшіе своды возникли въ самой ли Москвѣ, этомъ повомъ могущественномъ, средоточіи Русскихъ земель, или же, хотя бы и не въ Москвѣ, но подъ вдіяніемъ Московскаго духа и, такъ сказать, подъ сказываніе Москвы. Отъ того, какъ въ Кіевскую «Повѣсть» вошли извѣстія Новгородскія, Волынскія, Черниговскія, Полоцкія и проч., такъ и въ лѣтописи Московскаго періода вошли сказанія и отмѣтки, заимствованныя изъ временниковъ Северо-Восточной Руси: Ростовскаго, Переяславскаго, Тверскаго, также Новгородскія и т. п., и, какъ въ «Повѣсти», весь этотъ разноимѣнный лѣтописный матеріалъ собирается около одного средоточія, Кіева, такъ и здѣсь, съ тою только разницею, что лѣтописное средоточіе, этихъ позднихъ Московскихъ сводовъ такое же передвигное, какимъ было и политическое средоточіе общества въ теченіи шести, или семи, столѣтій: сначала Кіевъ, далѣе Владимиръ, потомъ Москва. Нельзя, впрочемъ, не признать, что своды Московскаго періода составлены съ нѣскольکو большимъ единствомъ намѣренія, чѣмъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ: Московское единство, которому эти памятники служатъ выразителями, вѣдь точно также не чета, по своей крѣпости и мощи, расплывчатому единству Кіевскому. Въ нихъ порою просвѣчиваетъ руководящая мысль, проглядываетъ стремленіе въ извѣстномъ размѣщеніи данныхъ, и самый выборъ послѣднихъ принаравливается къ извѣстнымъ цѣлямъ. Въ рукахъ янаго сводщика лѣтописной сборникъ становится просто на просто подборомъ извѣстій. По этому своды эти отличаются еще меньшею непосредственностію противъ лѣтописей болѣе древняго періода. При томъ каждый изъ нихъ набралъ себѣ какую ни будь особенную задачу: Софійскій Временникъ, возникшій въ Новгородѣ послѣ его покоренія Москвою, имѣетъ задачей сплотить въ одно цѣлое Новгородскія извѣстія съ обще-Русскими и Московскими; Воскресенская Лѣтопись, составленная въ 1541 году, есть одинъ изъ главныхъ источниковъ для лѣтъ Северо-Восточной Руси; Никоновская изобилуетъ церковными извѣстіями. Составители всѣхъ этихъ сводовъ пользовались какъ доступными намъ лѣтописями, такъ и другими, нынѣ утраченными, временниками. Многія извѣстія, которыхъ нѣтъ въ сохранившихся лѣтописяхъ древняго періода, нашли свое мѣсто въ лѣтописяхъ періода Московскаго. Они составляютъ для изслѣдователя матеріалъ, которымъ онъ не въ правѣ пренебрегать, хотя обязанъ руководствоваться имъ не безъ выбора и осторожности:

по это, какъ мы видѣли, есть такого рода условіе, которое вполне дѣйствительно и для Лаврентьевскаго, или Ипатскаго, свода. Мы не имѣемъ достаточнаго основанія отвергнуть извѣстіе только по тому, что оно помѣщено въ позднѣйшемъ сводѣ, и что его нѣтъ, на прим., у Лаврентія. Такого рода приѣмъ, излюбленный суровою односторонностію пражней исторической критики, давно уже оставленъ критикою современною.

Отдѣльное цѣлое въ семьѣ Русскихъ временниковъ образуютъ лѣтописи Новгородскія и Псковскія, сообразно тому, какъ и самыя земли, Псковская и Новгородская, составляютъ отдѣльное цѣлое въ числѣ другихъ Русскихъ земель. Новгородскія лѣтописи, главный предметъ настоящаго труда, представляютъ, помимо сопряженнаго съ бытовыми особенностями Новгородской земли и присущаго также Псковскимъ лѣтописямъ интереса, еще цѣло, не менѣе важный и имъ исключительно свойственный. За исключеніемъ Руси Кіевской, Новгородъ есть та единственная старая Русская земля, что несомнѣнно завѣщала потомству самостоятельныя лѣтописные памятники, которые, въ нихъ большинствѣ, захватываютъ, какъ слѣдуетъ, при общемъ обзорѣ, самый древній періодъ Русской исторіи. Псковъ, который до XIII, XIV столѣтій не пользовался политической самостоятельностью, едва ли даже велъ свою лѣтопись ранѣе означенной поры, по крайней мѣрѣ, на отсутствіе древняго Псковскаго лѣтописанія намекаютъ сохранившіеся Псковскіе временники состава XV и XVI столѣтій, и заключающіяся въ этихъ временникахъ древнія извѣстія заимствованы, по видимому, изъ постороннихъ источниковъ. ¹⁰ Отъ лѣтописи Владимира Волынскаго сохранилась только одна часть, обнимающая періодъ времени съ 1201 по 1292 годъ и вошедшая въ составъ, такъ называемаго, Ипатскаго свода. О существованіи въ древности лѣтописей Полоцкихъ, Смоленскихъ, Черниговскихъ, можно догадываться по сохранившимся въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» сказаніямъ и отмѣткамъ мѣснаго (т. е., Полоцкаго и т. д.) происхожденія. Есть наконецъ указаніе, что въ древнемъ средоточіи Сѣверо-Восточной Руси, Ростовѣ Великомъ, велась лѣтопись въ XII вѣкѣ, ¹¹ хотя мы, быть можетъ, и имѣемъ основательный поводъ усомниться въ томъ, чтобы лѣтописецъ этотъ былъ особенно богатъ древнимъ содержаніемъ (подъ древнимъ я разумю лѣтописный матеріалъ, простирающійся до 1116 года, времени составленія Кіевской «Повѣсти временныхъ лѣтъ»), такъ какъ, въ противномъ случаѣ, пользовавшійся Ростовскими

источниками позднѣйшій сводчикъ, Лаврентій, по всѣмъ вѣроятностямъ, не ограничился бы для начальныхъ лѣтъ своего свода сокращеннымъ воспроизведеніемъ чуждой Русскому Северо-Востоку «Новѣсти», но непременно включилъ бы въ него и тѣ древнѣйшія данныя мѣстнаго лѣтописанія. Какъ бы то ни было, всѣ эти мѣстныя лѣтописи, подобно началу и окончанію Волынской, не дошли до насъ: потеря по истинѣ невознаградимая, такъ какъ, судя по сохранившемуся Волынскому отрывку, нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ временниковъ содержаніемъ своимъ и иными свойствами должны были существенно различаться отъ «Новѣсти временныхъ лѣтъ» и другихъ хроникъ. Но вотъ предъ нами цѣлые десятки списковъ, заключающихъ въ себѣ Новгородскую лѣтопись по четыремъ различнымъ изводамъ. Прибавимъ къ тому не меньшее количество списки Софійскаго Временника, который, по своему составу и мѣсту (если не времени) происхожденія, можетъ быть также причисленъ къ разряду лѣтописей Новгородскихъ. Что за богатство, что за изобиліе! Съ какою жадностію должны были накинуться на эти источники ученые, когда впервые началась научная разработка Русской исторіи! Древле прославленный Гольмгардъ Скандинавовъ, Русь-Славія Арабовъ (IX и X в.), Немогардъ Византіецевъ (X в.), построенная (по Русскимъ источникамъ) за нѣсколько сотъ лѣтъ до той поры, къ которой, по тѣмъ же рассказамъ, приурочивается основаніе, и опять таки въ край Принименскомъ, Русскаго Государства, Новгородъ, не могъ не имѣть своего древняго лѣтописанія, и лѣтописаніе это не могло не захватывать самыхъ древнихъ исконныхъ преданій Сѣверной Руси. При всемъ томъ исследователи, приступившіе съ такимъ, заранѣе составленнымъ, предположеніемъ къ изученію памятниковъ, известныхъ у насъ подъ названіемъ лѣтописей Новгородскихъ, должны были во многомъ испытать самое горькое разочарованіе: они далеко не обрѣли того, что искали. Новгородская лѣтопись дала очень немногое новаго въ добавокъ къ тому, что по древнему, общемаемому «Новѣстию временныхъ лѣтъ», періоду, уже было известно изъ послѣдней. Эти крупницы историческаго вѣдѣнія были тщательно собраны, взвѣшаны, оцѣнены критикой; за тѣмъ памятники, въ которыхъ онѣ были отысканы, пришлось отнести за весь періодъ до 1116 года къ третестепеннымъ источникамъ Русской исторіи. При всемъ томъ, памятники эти заслуживаютъ изученія, не столько съ положительной, сколько съ отрицательной, стороны, не столько за ихъ достоинства, весьма

умѣренныя за древнѣйшій періодъ, ¹² сколько за недостатки. Самую скудость сообщаемыхъ ими древнихъ извѣстій и нѣкоторыми другими особенностями, Новгородскія лѣтописи представляютъ одну изъ самыхъ странныхъ загадокъ Русскаго лѣтописнаго дѣла. Загадка эта, надъ разрѣшеніемъ коей слишкомъ мало потрудилась наука, сводится къ слѣдующимъ вопросамъ:

Дошла ли до насъ начальная Новгородская лѣтопись, хотя бы только изъ вторыхъ, или третьихъ, рукъ, подобно начальной лѣтописи Кіевской? То ли повѣствованію, что мы находимъ во главѣ многихъ Новгородскихъ списковъ и весьма близкое по своему содержанию къ Кіевской «Повѣсти», должно быть признано за подлинную составную часть древнихъ Новгородскихъ временниковъ?

Если начальная лѣтопись Новгорода утрачена, то одною ли случайностію, или другими причинами, слѣдуетъ объяснить такую утрату?

Не представляется ли возможность въ другихъ лѣтописяхъ указать хотя бы только на нѣкоторые элементы древняго Новгородскаго лѣтописанія?

Лаврентіевскій и Ипатскій списки принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ, но они не самыя древнія изъ дошедшихъ до нашего времени списковъ Русскихъ лѣтописей. Древнѣе ихъ рукопись, извѣстная у археологовъ подъ названіемъ Синодальной характерной. Палеографы относятъ ее къ первой половинѣ XIV столѣтія. Судя по языку и правописанію начальныхъ тетрадей рукописи, редакция Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей полагаетъ, что заключающійся въ ней временникъ первоначально составленъ въ XIII и дополненъ позднѣйшими извѣстіями въ XIV вѣкѣ; но въ самомъ спискѣ подъ 6652 (1144) годовъ есть отмѣтка, изъ коей можно, казалось бы, заключить, что элементы текста, или и самый текстъ начальныхъ годовъ списка существовали даже ранѣе половины XII столѣтія. ¹³ Рукопись содержитъ въ себѣ Новгородскія извѣстія, переищаданныя съ обще-Русскими до 1116-го и, въ слѣдъ за этимъ годомъ, почти исключительно Новгородскія. Редакция Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей приняла ее за основной текстъ при изданіи, такъ названной ею, Новгородской I лѣтописи, при чемъ, для разнотечій и поправокъ, воспользовалась позднѣйшимъ (XV го вѣка) спискомъ, принадлежащимъ Академіи Наукъ (Акад. II) и отчасти новымъ (XVIII вѣка) изъ собранія Графа Толстого, (Толстовск. IX). По Синодалъ-

ному списку Новгородская первая лѣтопись доводится до 1333 года, продолжается по Акакическому до 1441 г., и оканчивается по Толстовскому 1444 годомъ. «Синодальная рукопись, безъ сомнѣнія, одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ Русской старины, для событій гражданской исторіи Новгорода она даже почти единственный источникъ за періодъ времени, обнимающій слишкомъ три столѣтія, такъ какъ позднѣйшія лѣтописи Новгородскія очевидно черпали изъ нея, а если и восполняли ее добавочными извѣстіями, то преимущественно по дѣламъ церковнымъ (Новг. II и III лѣт.). Подобнымъ же образомъ относятся къ ней современники другихъ Русскихъ земель и лѣтописные своды, начиная съ Софійскаго. Но значеніе этого старѣйшаго списка Русскихъ лѣтописей было бы вполне неоцѣнимо, если бы онъ дошелъ до насъ безъ ущерба. На бѣду, это не такъ: сохранились двадцать двѣ тетради, по шести, или семи, листовъ въ каждой, всего 169 листовъ, а первыхъ пятнадцати * тетрадей до 1016 года недостаетъ. Только съ этого года, съ послѣднихъ строкъ сказанія о Любецкой битвѣ между Святополкомъ Окаяннымъ и Ярославомъ Мудрымъ, съ насмѣшливыхъ словъ Кіевскаго Боярина, обращенныхъ къ волямъ Новгородскаго земскаго ополченія: «Вы, плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити», начинается для насъ Синодальный списокъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ строгомъ смыслѣ, и самая исторія Новгородская. Все, что лежитъ за этою гранью, покрыто, благодаря понесенной утратѣ, завѣсою, едва проницаемою для самой пытливей критики: злая насмѣшка судьбы надъ Новгородомъ Великимъ и позабытой стариной его, жестокая шутка, едва ли не отнявшая у историка возможность когда либо «срубить хоромъ» Новгородскаго прошлаго въ желаемой цѣльности и полнотѣ! Но, какъ ни прискорбна подобная утрата, ее на первый взглядъ нельзя еще назвать загадочною: мало ли сколько могло затеряться (и дѣйствительно затерялось) списковъ Русскихъ лѣтописей, и мало ли отъ сколькихъ могли уцѣлѣть одни только клочки! Въ такой бѣдѣ, казалось бы, некого и винить, кромѣ случая и всеразрушающаго времени. Я нигдѣ не нашелъ, чтобы, по поводу этого обстоятельства, въ исторической литературѣ когда либо были возбуждаемы какіе либо вопросы, хотя невольныя сомнѣнія пороку, быть можетъ

* Цифра эта явствуетъ изъ помѣты тетрадей уцѣлѣвшихъ (см. предисл. къ Новг. I лѣт. въ Полн. Собр. Р. Л. стр. V).

и закрадывались въ головы исследователей. А есть такіе, надъ чѣмъ стоить призадуматься, въ особенности если принять въ соображеніе, что въ обрывкахъ, и преимущественно безъ начальныхъ годовъ, дошло до насъ немало и другихъ Новгородскихъ временниковъ.

Мнѣ извѣстно, что утрата первыхъ листовъ Синодальной рукописи обыкновенно не придаютъ слишкомъ важнаго значенія, принимаютъ, что эти начальныя тетради ничего инаго въ себѣ не заключали, кромѣ временника, такъ называемаго Нестора. Редакція Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, по видимому, не считаетъ даже вознаграждимою эту потерю: она склоняется къ тому мнѣнію, что полный текстъ Новгородской первой лѣтописи могъ бы быть споленъ возстановленъ съ помощію трехъ списковъ: Синодальнаго, Академическаго II (отъ котораго также не сохранилось первыхъ листовъ до 945 г.) и Толстовскаго IX-го: «Изъ сходства (Синодальнаго списка) съ Академическимъ (сказано въ предисловіи къ Новг. I Лѣтописи), явствуетъ, что въ утраченныхъ его тетрадяхъ заключалась лѣтопись Нестора, составляющая начало Академическаго списка», «а Толстовскій (говорится далѣе въ томъ же Предисловіи) составляя точную копію съ Академическаго, дополняетъ его въ началѣ.» Но съ такимъ, хотя въ наукѣ и возобладавшимъ, взглядомъ Редакціи, не выдержаннымъ ею до конца, такъ какъ печатный текстъ Новгородской первой лѣтописи открывается все таки 1016 годомъ), согласиться нельзя; ибо сходство между списками Синодальнымъ и Академическимъ начинается не съ извѣстія о Любецкой битвѣ подь 1016 г., а съ 1077 г., съ извѣстія о кончинѣ Новгородскаго Архіепископа Феодора. По этому, вѣроятно ли, возможно ли, чтобы списки, несходные между собою за промежутокъ времени съ 1016 года по 1077 годъ, оказались сходными за цѣлый рядъ предшествующихъ годовъ до 1016 г.? Нельзя также безусловно поручиться и за то, что начало Толстовской рукописи списано съ утраченныхъ листовъ Академической II. Чѣмъ пристальнѣе мы будемъ вчитываться въ Новгородскую лѣтопись по Синодальному списку, тѣмъ далѣе уйдетъ отъ насъ предположеніе, будто въ утраченныхъ тетрадяхъ ея могла заключаться все та же, хотя бы съ разночтеніями, «Повѣсть временныхъ лѣтъ», а сличеніе уцѣлѣвшихъ тетрадей нашего списка съ 1016 по 1111 годъ, т. е., по тотъ годъ, до котораго простирается Кіевская начальная лѣтопись, съ древнѣйшими списками сей послѣдней, неминуемо приведетъ насъ къ убѣжденію прямо противоположному. Тогда вполне вы-

яснится, что Южно-Русская «Повѣсть» послужила Новгородскому лѣтописцу только отчасти, какъ матеріалъ, и что онъ, даже по дѣламъ Южной Руси, почерпалъ свои свѣдѣнія не изъ одной «Повѣсти», а также и изъ другихъ, не извѣстныхъ намъ, источниковъ. На трехъ съ половиною страницахъ печатнаго текста, обнимающихъ почти столѣтній періодъ, съ 1016 по 1111 годъ, мы встрѣтимъ немало извѣстій (Новгородскихъ, и даже Киевскихъ), которыхъ нѣтъ въ начальной Киевской лѣтописи древнѣйшихъ издодовъ, или которыя въ послѣдней переданы въ иномъ видѣ, а также нѣсколько извѣстій очевидно мѣстнаго происхожденія, первоначально записанныхъ въ Новгородѣ и уже отсюда занесенныхъ въ Киевскую «Повѣсть». По недовѣдомымъ для насъ причинамъ, эти начальные страницы Новгородской лѣтописи (по списку Синодальному) содержатъ въ себѣ, за исключеніемъ довольно подробно изложеннаго отрывка подъ 1016-мъ г., которымъ открывается сохранившаяся часть списка, лишь самыя краткія отмѣтки, и только съ 1116-мъ г. разсказъ лѣтописца становится обстоятельнѣе. Съ другой стороны, по причинамъ, находящимся въ связи съ взаимнымъ положеніемъ Руси и Новгорода въ этотъ періодъ, Новгородскія извѣстія за означенныя сто лѣтъ относятся къ общей массѣ сообщаемыхъ въ лѣтописи данныхъ приблизительно какъ 40:100, * и только съ 1116 года временникъ становится въ пол-

* По болѣе точному счету оказывается: за 95 лѣтъ, съ 1016 по 1110 г. (по ру «Повѣсти») извѣстій Новгородскихъ 24, не Новгородскихъ 41 (много годовъ пустыхъ). Изъ числа не Новгородскихъ извѣстій Синодальнаго списка приведу здѣсь отмѣтки, которыхъ въ «Повѣсти» либо совсѣмъ нѣтъ, либо хотя и есть, но съ отмѣнками. «Иде (6525) Ярославъ Берестію, и заложена бѣуть Св. Софіи Бѣлѣтъ;» 6580, по поводу перенесенія мощей Св. Бориса и Глѣба, въ Новгородской сказано: «изъ Лѣта» Вышегороду, — черты этой недостаеь въ «Повѣсти», изъ которой видно только, что мощи были перенесены (откуда, не говорится) въ новую церковь, созданную Ярославомъ, въ Сказаніи же объ убіеніи Святыхъ братьевъ, Сказаніи, вошедшимъ въ составъ различныхъ списковъ «Повѣсти,» упомянуто, что тѣло Св. Бориса, немедленно по убіеніи, «отай положиша на Вышегородѣ, у церкви Св. Василія, куда за тѣмъ перенесено было также и тѣло Св. Глѣба. 6582, по поводу смерти Θεодосія Мечерскаго въ Новгородской отмѣчено: «Маія въ 3-й день:» указанія этого также нѣтъ въ «Повѣсти;» 6604, по поводу битвы на Трипольи: «побѣдиша Половчыи Святонька и Мьстислава,» что можно принять за ошибку, вмѣсто Владимира (Мономаха), а, быть можетъ, указываетъ на участіе Мстислава Влад. Новгородскаго въ этой битвѣ, о чемъ южная «Повѣсть» не вѣдаетъ, 6611:

номъ смыслѣ мѣстнымъ, Новгородскимъ. Смѣшанный характеръ начальной Новгородской лѣтописи, по всей вѣроятности, и подалъ поводъ къ предположенію, что въ неурѣзанномъ видѣ лѣтопись эта была, лишь болѣе, или менѣе, близкимъ воспроизведеніемъ Киевской «Повѣсти», на обще-Русское значеніе коей, при всемъ преобладаніи южныхъ извѣстій, мы уже имѣли случай указать. Но приведеннаго отношенія данныхъ Новгородскихъ къ Новгородскимъ въ упомянутыхъ начальныхъ листахъ Синодальнаго списка, вполне, кажется, достаточно для того, чтобы устранить подобное предположеніе: Киевская «Повѣсть» безъ сравненія скуднѣе на Новгородскія извѣстія. За тѣмъ, принимая въ соображеніе что утраченныхъ тетрадей было пятнадцать, что каждая изъ нихъ заключала въ себѣ, подобно тетрадамъ сохранившимся, по всей вѣроятности, не менѣе шести листовъ, что эти пятнадцать тетрадей обнимали періодъ (примѣнительно къ лѣтосчисленію Киевской «Повѣсти») около 150 лѣтъ, и что послѣднія двадцать тетрадей списка, съ несравненно болѣею подробностію противъ первыхъ двухъ, повѣствуютъ о Новгородскихъ событіяхъ за 217-лѣтній періодъ времени (съ 1116 по 1333 г.), мы, изъ совокупности всѣхъ этихъ данныхъ, получимъ въ итогѣ тотъ выводъ, что недостающіе листы Синодальной рукописи заключали въ себѣ довольно обстоятельное повѣствованіе, образчикъ коей сохранился въ выше упомянутомъ отрывкѣ подъ 1016-мъ годомъ (о Любецкой битвѣ). Если же мы, для повѣствованія этого, допустимъ приблизительно то же самое отношеніе событій Новгородскихъ къ общей массѣ событій, какое нами исчислено за девяносто пять лѣтъ, съ 1016-го по 1110-й годъ, то не становится ли для насъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что въ тѣхъ начальныхъ тетрадяхъ Синодальнаго списка утратился не какой ни будь клочокъ Киевской «Повѣсти временныхъ лѣтъ», а самостоятельная Новгородская начальная лѣтопись и, вмѣстѣ съ нею, значительное количество мѣстныхъ извѣстій и преданій о древнихъ судьбахъ Новгорода и объ отношеніяхъ его къ остальной Руси?

«побѣдиша Мордва Ярослава Муромѣ,» мѣсто битвы составителю «Повѣсти» неизвѣстно. Укажу еще на одно хронологическое разнорѣчіе: согласно «Повѣсти» смерть Изяслава Ярославича послѣдовала въ Октябрѣ 6586 г., нѣсколько мѣсяцевъ послѣ убіенія въ Заводочѣи Князя Глѣба Новгородскаго, а по Новгород. лѣт. убіеніе Глѣба случилось послѣ смерти Изяслава. Данные эти достаточно свидѣтельствуютъ о самостоятельности Южнорусскихъ источниковъ, коими пользовался Новгородскій лѣтописецъ.

Самостоятельность Новгородской лѣтописи по Синодальному списку, относительно «Повѣсти временныхъ лѣтъ», наглядно обнаруживается чрезъ сличеніе извѣстій о Любецкой битвѣ въ той и другой редакціяхъ. Для ясности привожу оба текста въ параллельныхъ столбцахъ:

Новг. по Синод. списку. ....а
вы плотници суще, а приставимъ
вы хоромъ рубити. И нача Днѣпръ
мързнути. И бяше Ярославъ мужъ
въ пріязнь у Святопѣлка, и
посла къ нему Ярославъ но-
щью отрокъ свой, рекъ къ нему:
«Онъси! что ты тому велиши тво-
рити? Меду мало варено, а дружи-
ны много.» И рече ему мужъ тѣ:
Рчи «такъ Ярославу, даче меду мало,
а дружины много, да къ вечеру
вдати.» И разумѣ Ярославъ, яко въ
нощь велить сѣцися; и тѣмъ вечерѣ
перевозися Ярославъ съ вои на
другой полъ Днѣпра, и лодь отри-
нуша отъ берега, и той нощи и-
доша на сѣцю. И рече Ярославъ
дружинѣ: «Знаменайтеся, повивайте
собѣ убрусы голову!» И бысть сѣ-
ча зла; и до свѣта побѣдиша Свя-
тополка. И бѣжа Святополкъ въ
Печенѣгы, а Ярославъ иде Киеву;
и сѣде на столѣ отца своего, Во-
лодимира; и нача вои свои дѣлити:
старостамъ по 10 гривенъ, а смир-
домъ по гривнѣ, а Новѣгородъчемъ
по 10 всѣмъ, и отпусти я домовъ
вся.

Ипат. и Лаврент. Приде Яро-
славъ, и сташа противу оба полъ
Днѣпра, и не смяху ни си онѣхъ,
ни они сяхъ, начати, и стояша
мѣсяцъ 3 противу собѣ. И вое-
вода нача Святополчъ, ѣздя въз-
лѣ берегъ, укаряти Новгородцѣ,
глаголя: «Что придосте съ хромь-
цемъ симъ, о вы, плотници суще?
а поставимъ вы хоромъ рубити
нашимъ.» Се слышавше Новгород-
ци, и рѣша Ярославу: «Яко заутра
перевеземъся на нихъ: еще кто не
пойдетъ съ нами, то сами потнемъ.»
Бѣ бо уже въ заморозъ. Святополкъ
стояше межи двѣма озерома, и
всю нощь пилъ бѣ съ дружиною
своею. Ярославъ же заутра ис-
полчивъ дружину, противу свѣту
перевезеся. И высѣдше на берегъ,
отринуша лодью отъ берега, и по-
идоша противу собѣ, и съвкупив-
шеса на мѣстѣ, и бысть сѣча зла,
не бѣ лѣзъ озеромъ помогати Пече-
нѣгомъ, и притиснуша Святополчъ
вои къ озеру, и вступиша на ледъ,
и обломися съ ними ледъ, и одо-
лати нача Ярославъ. Святополкъ
же бѣжа въ Ляхы. Ярославъ же
сѣде Киевѣ, на столѣ отнь; бѣ же
тогда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28.

Что общаго между обонми текстами? Въ Новгородскомъ не-
достаеъ иныхъ чертъ Кіевскаго извѣстія, на пр., облома льда подъ

дружиною Святополка, и самыя характеристическія подробности Сѣвернаго разказа, на пр., о перевѣтѣ къ Новгородскому Князю одного изъ мужей Кіевскаго, или о раздѣлѣ Кіевской добычи между воинами Ярослава, не вошли въ сказаніе Южнаго лѣтописца. Есть даже противорѣчія: у одного—переправа чрезъ Днѣпръ происходитъ вечеромъ, у другого—рано по утру: «противу свѣту»; по Сѣверному извѣстію, побѣжденный Святополкъ бѣжитъ въ Печенѣгы, по Южному—въ Ляхы. Въ обоихъ текстахъ не насчиташь и двухъ словъ, которыя указывали бы на зависимость одного извода отъ другого. Передъ битвою, по Новгородской лѣтописи, нача «Днѣпръ мързнути»; Кіевская относительно этого обстоятельства выражается такъ: «бѣ бо уже въ заморозѣ.» Это, однимъ словомъ, не разнообразныя узорочья, вышитыя по одной и той же канвѣ, а два вполне самостоятельныя повѣствованія объ одномъ и томъ же событіи. Даже одинаковость въ обоихъ текстахъ словъ, приписываемыхъ Кіевскому Воеводѣ, не ослабляетъ подобнаго вывода: слова эти принадлежатъ не Сѣверному и не Южному лѣтописцу, а третьему лицу. Упомяну еще, для вѣщней характеристики взаимнаго отношенія между обоими временниками, о паралельныхъ статьяхъ подъ 6600 г., передающихъ баснословное сказаніе о дивныхъ явленіяхъ въ Полоцкѣ: Новгородскій пересказъ («наиде рана на Полочаны» и т. д.) нѣсколько короче, Кіевскій («предивно бысть Полотскѣ» и т. д.), но подробнѣе; сущность, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, одна и та же; противорѣчій нѣтъ, но нѣтъ также заимствованій, нѣтъ слѣдовъ того, чтобы одинъ текстъ былъ выпи-санъ изъ другого: можно думать, что каждый изъ двухъ лѣтописцевъ слышалъ одинъ и тотъ же разказъ, и каждый же внесъ его въ лѣтопись своими словами...

А между тѣмъ отъ выше упомянутаго случайнаго сходства между начальными строками Синодальной рукописи и нѣкоторыми изъ словъ, влагаемыхъ въ уста Кіевскаго Воеводы Южнымъ лѣтописцемъ, дѣлаютъ обыкновенно посылку къ искомому содержанію утраченныхъ строкъ Новгородскаго извѣстія, будто бы тождественному съ началомъ Кіевскаго сказанія о Любецкой битвѣ. Само по себѣ подобное заключеніе было бы не болѣе, какъ слишкомъ смѣлымъ логическимъ скачкомъ; но для того, чтобы придать ему видъ положительнаго, на несомнѣнныхъ данныхъ опирающагося, вывода, наши возстановители Новгородской лѣтописи ссылаются на Академическій II списокъ Новгородскаго же происхожденія и

на новѣйшіе противни его, списки Коммисіонный и Толстовскій, будто подлинное начало Новгородскаго извѣстія можно прочесть въ помянутыхъ рукописяхъ. Развѣ начальныя строки Академическаго текста (сходныя, помимо двухъ, трехъ, разночтеній. съ начальными строками текстовъ Лаврентьевскаго и Ипатскаго) всѣмъ содержаніемъ своимъ и грамматическимъ смысломъ не примыкаютъ точь въ точь къ сохранившемуся отрывку Синодальнаго? * Развѣ продолженія обѣихъ текстовъ отъ словъ: «а вы плотници суще» до словъ: «и бысть сѣча зла», не сходны между собою чуть не буква въ букву? А по тому не ясно ли, что искомый начальный текстъ извѣстія состоитъ на лицо? И нельзя ли ужъ за тѣмъ, вмѣстѣ съ редакціею Пол. Собр. Русск. Лѣт. и новѣйшими изслѣдователями, допустить, какъ наиболѣе вѣроятное, то предположеніе, что утраченные начальные листы Синодальнаго списка заключали въ себѣ тождественный, или, по меньшей мѣрѣ, сходный текстъ съ сохранившимся началомъ Академическаго?

Отрицательный отвѣтъ на выше прописанные вопросы даютъ, по моему мнѣнію, и самое свойство Академическаго II списка и ближайшее сличеніе его съ Синодальнымъ. Послѣдній есть, въ строгомъ смыслѣ слова, памятникъ Новгородской старины: онъ принадлежитъ всецѣло къ домосковскому періоду Великаго Новгорода. Къ тому же періоду относится, по объему повѣствованія, и Академическій II списокъ; но критика не пришла еще къ положительному выводу на счетъ того, къ какому времени приурочить составленіе, какъ самой рукописи, такъ и заключающагося въ ней временника. Баронъ Розенкамфъ высказалъ нѣкогда мысль, что Академическая рукопись, или, по крайней мѣрѣ, первая ея половина, могла быть писана не прежде конца XVII-го вѣка. Я не знаю, опровергнуто ли это мнѣніе, но оно во всякомъ случаѣ оставлено новѣйшими учеными, едва ли не съ почина Г. Калачова. ⁶ Впрочемъ, еще раньше послѣдняго редакція Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, въ Предисловіи къ т. III, пришла, относительно древности Академическаго списка, къ выводамъ, по видимому, но

⁶ Строки эти по Акад. II списку читаются такъ: «Ярославъ же, пришедъ, ста на беревъ на Днѣпрѣ. Стояща ту три мѣсяца, не смѣюще ся соступити. И Воевода Святѣполчъ, именовъ Волчій Хвостъ (этого имени нѣтъ въ «По вѣсти»), ѣзда подаѣ рѣку, укоряти нача Новгородцевъ: «По что приидосте съ хромцемъ свмъ?» и т. д.

только по видимому, болѣе благопріятнымъ, чѣмъ выводы Барона Розенкампа о томъ же предметѣ. Редакція колеблется между двумя предѣлами, отстоящими другъ отъ друга чуть не на цѣлое столѣтіе, между первою половиною XV-го и концомъ XV-го или даже началомъ XVI-го столѣтія, хотя по соображеніямъ, по видимому, палеографическимъ, склоняется, кажется, * въ пользу послѣднаго предположенія. При общемъ всѣмъ нашимъ лѣтописямъ недостатокъ, ихъ молодости (см. выше), можно было бы успокоиться и на этомъ выводѣ, сколько онъ ни шатокъ, можно было бы помириться на какъ бы недосказанной редакціею мысли, что самое содержаніе списка и его новѣйшихъ противней, во всякомъ случаѣ довольно древняго происхожденія, такъ какъ повѣствованіе доводится ими только до 1444 года, и такъ какъ вставленные въ текстъ перечни Князей, Владыкъ и Посадниковъ, заканчивающіеся именами, современными Василию Темному, словно указываютъ на ту же пору. Но всякія подобныя соображенія были бы не въ примѣръ болѣе вѣски, не будь обстоятельства, набрасывающаго на значеніе Академической рукописи, какъ источника (если для возникновенія ея принять позднѣйшую пору), довольно густую тѣнь, не будь той грани, что легла между тѣми двумя крайними предѣлами, допускаемыми редакціею Полн. Собр., не будь, однимъ словомъ, поры 1478 года, года паденія Великаго Новгорода, т. е., такого событія, которое, по разнымъ причинамъ (о нихъ же подробно въ другой связи), должно было обнаружить могущественное дѣйствіе на дальнѣйшее развитіе Новгородскаго лѣтописанія. Во всякомъ случаѣ здѣсь есть мѣсто сомнѣніямъ, которыхъ, по однимъ лишь внѣшнимъ признакамъ самой рукописи, палеографія не беретса разрѣшить. Переходя къ признакамъ внутреннимъ, къ содержанію и составу Академическаго лѣтописнаго текста, нельзя не замѣтить, что едва ли, въ числѣ Русскихъ временниковъ, отыщется еще другой, на которомъ въ равной степени отразился бы, общій, столь многимъ изъ нашихъ лѣтописей, характеръ компиля-

---

* Сл. Предисл. стр. V и VI. Для изданія Новгородской I лѣтописи служили слѣд. рукописи: 1) Синод... 2) Акад. II, писанная полууставомъ въ исходѣ XV, или началѣ XVI, столѣт. и стр. VII, гдѣ сказано, что составленіе Акад. списка (такъ!) можно отнести къ первой половинѣ XV вѣка. Впрочемъ, изъ общаго впечатлѣнія, производимаго соображеніями сочинителя, можно догадываться, что онъ въ послѣднемъ случаѣ имѣетъ въ виду не столько рукопись, сколько текстъ, подлинность и древность коего имъ отстаивается.

ціонной, составочной, мозаичной, работы, какъ на первой половинѣ поманутаго текста. Эта первая половина захватываетъ также, какъ мы видѣли, и шести десятидвухлѣтній періодъ съ 1016-го по 1078-й годъ, и за періодъ этотъ можетъ быть сличена съ паралельнымъ періодомъ по списку Синодальному. Если же по такому сличенію оказывается, что свойственный Академическому тексту характеръ сборника или компіляціи наиболѣе чуждъ Синодальному списку, заключающему въ себѣ, безспорно древнюю Новгородскую лѣтопись; если встрѣчающіяся въ этой лѣтописи за 1016 г. по 1078 г. и далѣе по 1100 годъ, прямыя заимствованія изъ источниковъ Южно-Русскихъ имѣютъ видъ не рассказовъ, а лаконическихъ отрывковъ, едва поддающихся, въ слѣдствіе самаго лаконизма своего, иному выраженію, помимо избраннаго лѣтописцемъ, и если за тѣмъ, присущая этому старинному Новгородскому тексту, самобытность, при всей краткости его за 95-лѣтній періодъ, неизмѣнно обнаруживается всякій разъ, какъ только «записыватель» выказываетъ малѣйшую склонность перейти въ тонъ повѣствователя событій, * то гдѣ же основаніе для предположенія, будто утраченное начало Синодальнаго списка можно бы было возстановить съ помощію лѣтописныхъ текстовъ въ разрѣзъ противоположнаго характера? Текстъ сохранившихся листовъ Акад. II рукописи открывается 945 мѣ, и съ этого года по 987 т. е., по время крещенія Руси, содержитъ сокращенный отрывокъ изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» за годы паралельные: если же судить по двумъ новѣйшимъ рукописямъ Толст. IX и Комм., въ которыхъ съ большимъ правомъ дозволено видѣть противни Акад. II, тѣмъ въ Академической противень Синодальной, то подобный характеръ имѣло и утраченное начало поманутаго списка. Лѣтопись, по тѣмъ позднѣйшимъ спискамъ, открывается заглавіемъ «Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе князей и земля Русскія, како Богъ избра страну нашу на послѣднее время, и грады почаша по мѣстомъ, прежде Новгородская волость и потомъ Киев-

* Къ выше приведеннымъ примѣрамъ подъ гг. 1015 (6524) и 1092 (6600) можно присоединить извѣстія подъ гг. 1065 (6574), 1069 (6577), и 1104 (6641). Въ послѣднемъ, хотя и очень краткомъ, извѣстіи: «Идоша вся братья Рускыя земля на Половци на Сутинь, и побѣдиша я,» и т. д., слышится тѣмъ не менѣе напѣвъ, исключительно свойственный Новгородскимъ, а не другимъ Русскимъ, временникамъ, въ которыхъ постоянно на первомъ планѣ дѣйствуютъ Князья, а народъ остается въ тѣни.

ская, и постановленіи Кіева, како во имя прозвася Кіевъ, яко же древле Царь Римъ прозвася во имя его городъ Римъ, и паки Антиохъ, и бысть Антиохія, и паки Александръ, и бысть Александрія во имя его, яко въ нашей странѣ прозваѣть бысть градъ великій Кіевъ во имя Кія», и т. д.; слѣдующая за тѣмъ статья, озаглавленная: «О началѣ Русьскія земля и о Князяхъ, како и откуда быша», начинается увѣщаніемъ, съ которымъ летописецъ обращается къ современнымъ ему Князьямъ и дружинѣ, увѣщаніемъ ити по стопамъ предковъ. Какъ начальное заглавіе, такъ и увѣщаніе, замѣчательны тѣмъ, что ихъ нѣтъ въ «Повѣстьяхъ» древнѣйшихъ изводовъ: читаются они въ летописномъ сборникѣ позднѣйшаго происхожденія, извѣстномъ подъ названіемъ Софійскаго Временника. Сверхъ того заглавіе или заглавная статья отличается, несвойственною нашимъ древнимъ летописямъ, сухою и напыщенною книжностію; всего же менѣе содержаніемъ своимъ приурочивается она къ летописи Новгородскаго писателя, который, быть можетъ, не приравнилъ бы Кіева къ Риму, или Александріи, но, по всѣмъ вѣроятностямъ, нашелся бы сказать что ни будь въ похвалу своего роднаго города. Подобно тому и увѣщаніе, хотя безспорно содержитъ въ себѣ нѣсколько больше древнихъ и подлинно бытовыхъ чертъ, главнымъ образомъ любопытно, какъ отголосокъ дружинныхъ отношеній на Руси въ періодъ ихъ упадка, въ XIV или XV вѣкѣ; съ Новгородомъ же, гдѣ отношенія эти стояли во всякомъ случаѣ на второмъ, или на третьемъ, планѣ, и съ летописью Новгородскою, оно не вяжется точно также, какъ не вяжется съ ними и заглавная статья. Далѣе, подъ 989-мъ годомъ въ разсматриваемой летописи помѣщено извѣстіе, котораго опять таки нѣтъ ни въ Лаврентьевскомъ, ни въ Ипатскомъ текстѣ «Повѣсти», то самое (но болѣе краткое) извѣстіе, или точнѣе сказаніе, о крещеніи Новгорода и вверженіи Перуна въ Волховъ, что читается въ Софійскомъ Временникѣ и въ различныхъ спискахъ, изъ коихъ редакціею Полн. Собр. извлечены, такъ наз., Новгородскія II и III летописи. Въ слѣдъ за тѣмъ идутъ росписи, съ начала Кіевскихъ Князей послѣ крещенія до Ростислава Мстиславича, потомъ Князей Новгородскихъ отъ Вышеслава Владимировича до Василя Темнаго, далѣе Митрополитовъ, Новгородскихъ Владыкъ и Новгородскихъ Посадниковъ. Послѣ этихъ перечней прерванная «Повѣсть» опять продолжается отъ крещенія до войны Ярослава съ Святополкомъ. Первый годъ этой войны, 1016, открывается краткимъ извѣстіемъ: «бысть сѣча

у Любча, и одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжалъ въ Ляхы»; это въ наиболѣе сжатомъ видѣ тотъ самый рассказъ, что мы находимъ въ различныхъ изводахъ «Повѣсти». Но далѣ летописецъ, какъ бы спохватившись, съ большею подробностію и близко къ «Повѣсти», передаетъ о предшествовавшихъ битвѣ подъ Любичемъ Новгородскихъ событіяхъ, о томъ, какъ Новгородцы, раздраженные насильственными поступками служившихъ Князю ихъ, Ярославу, наемныхъ Варяговъ, избили ихъ немалое число, и о Ярославовой мести за гибель своихъ вѣрныхъ слугъ, и о примиреніи Князя съ гражданами, подъ давленіемъ вѣстей изъ Кіева, гдѣ умеръ Владимиръ, а преемникъ его, Святополкъ, высылалъ убійцъ противъ братьевъ. Упомянувъ объ единодушномъ отвѣтѣ Новгородцевъ (на призывъ Ярослава къ войнѣ противъ Святополка): «А мы, Княже, по тебѣ идемъ», летописецъ, сходно съ «Повѣстію», описываетъ сборы Новгородцевъ въ походъ и самый походъ къ Любечу. Рассказъ о битвѣ переданъ у него, какъ мы видѣли, съ начала въ подлинныхъ (лишь съ небольшими измѣненіями) выраженіяхъ «Повѣсти», потомъ точными словами Синодальнаго списка. Но со словъ: «и бысть сѣча зла» начинаются явныя искаженія. «За руки емлюще сѣчаху и по долиемъ кровь течаше; мнози вѣрніи видяху ангели помогающе Ярославу»: слова эти читаются также въ различныхъ спискахъ Софійскаго Временника, но въ другой связи и не подъ 1016-мъ годомъ, по поводу Любецкой битвы, а подъ 1019-мъ, въ рассказѣ о битвѣ на Альтѣ съ Печенѣгами. Изъ дальнѣйшаго изложенія Академическаго текста видно, что въ немъ два событія: битва подъ Любечемъ и битва на Альтѣ произвольно слиты въ одно; что сказаніе Синодальнаго списка о награжденіи гривнами Новгородскихъ «воевъ» приводится Академическимъ въ непосредственную связь съ другимъ, извѣстнымъ намъ изъ Софійской летописи, сказаніемъ о томъ, какъ Ярославъ далъ людямъ «Уставъ» и «Правду», и что оба эти сказанія отнесены имъ къ 1016-му году, тогда какъ по Софійскому Временнику, какъ первое, такъ и второе, приурочены къ событіямъ 1019 года. Потомъ, въ слѣдъ за Русскою Правдою (краткаго извода), въ разсматриваемомъ текстѣ помѣщено опять нѣсколько извѣстій, сходныхъ съ тѣми, которыя мы читаемъ въ Синодальномъ, а подъ 1047-мъ годомъ извѣстіе «Повѣсти» о походѣ Ярослава на Мазовшанъ, и такъ далѣ, въ перемежку, то краткія отмѣтки, частію почерпнутыя изъ Синодальнаго, частію же такія, что имѣются и въ нѣкоторыхъ спискахъ

Софійской лѣтописи, то краткія же или (и) болѣе подробныя извѣстія, извлеченныя изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Только съ 1078-го года начинается, какъ выше было замѣчено, почти дословное сходство Академическаго текста съ Синодальнымъ, и только съ этого года можно, по моему мнѣнію, безошибочно отнести Академическій списокъ и его противни къ разряду лѣтописей Новгородскихъ. Все, что предшествуетъ означенному году, есть во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ крайне пестрая и плохо соображенная компиляція изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и изъ Новгородскихъ источниковъ (съ явнымъ преобладаніемъ первой надъ послѣдними), компиляція, приближающаяся къ типу лѣтописныхъ сводовъ въ родѣ Софійскаго, и на время происхожденія коей указываютъ, между прочимъ, иныя, попадающіяся въ ней, выраженія, на пр., Турки вмѣсто Торки, очевидно не чуждыя довольно поздней книжности.⁷⁹ Да едва ли будетъ слишкомъ большою смѣлостію съ нашей стороны, если мы составителя Академическаго текста сочтемъ, даже въ значительной части его труда, не компиляторомъ, а простымъ сокращателемъ другой, съ большимъ искусствомъ составленной, компиляціи, именно Софійскаго Временника по одному изъ древнѣйшихъ его изводовъ. По крайней мѣрѣ за годы: 945-й (а по новѣйшимъ спискамъ даже ab ovo) и слѣдующіе до крещенія Руси, и 990-й (послѣ росписей) по 1015-й, подобное отношеніе между обоими текстами слишкомъ очевидно, а за годы 1017-й (послѣ Русской Правды) по 1077-й можетъ также быть принято, хотя и съ оговорками. За первый изъ трехъ означенныхъ періодовъ въ Толст...мъ и Комм...мъ спискахъ имѣется только одно извѣстіе, или точнѣе одно разнорѣчіе извѣстія (о смерти Олега) въ излишкѣ противъ текста Софійскаго, за послѣдній же такихъ добавочныхъ извѣстій Академическаго текста, по сравненію съ Софійскимъ, не болѣе четырехъ, или пяти; за тѣмъ все остальное, что за помянутые три періода даетъ лѣтопись по Академическому и родственнымъ спискамъ, содержится и въ двухъ древнѣйшихъ спискахъ Софійскаго Временника, Карам...мъ и Обол...мъ (рукопись Обол. списана около 1481-го года), въ послѣднихъ же лѣтописнаго матеріала найдется несравненно больше, чѣмъ въ первыхъ. Если бы зависимость была обратная, т. е., Софійскаго текста отъ Академическаго, или если бы зависимости вовсе не было, то нельзя бъ было предположить, что въ Академическій текстъ за сравниваемые годы могло забрести поболѣе чуждыхъ Софійской лѣтописи отбѣтокъ и сказаній, нельзя бъ было не поду-

мать, такъ какъ въ текстѣ этомъ мы привыкли видѣть Новгородскую лѣтопись, что извѣстія эти были бы по преимуществу извѣстіями Новгородскими, попадаются же такого рода извѣстія, и при томъ въ высшей степени характеристическія (на пр., о Вадимѣ), въ сводахъ Никоновскомъ, Тверскомъ и иныхъ. Но ни чего подобнаго въ настоящемъ случаѣ не усматриваемъ: не есть ли это достаточно вѣскій доводъ въ пользу приведеннаго мнѣнія о взаимной связи текстовъ Софійскаго и Академическаго? Существуетъ, правда, и противоположное мнѣніе, и въ подкрѣпленіе его ссылаются на доказательства, изъ коихъ я разберу здѣсь самое главное. Выше упомянуто о сказаніи, относящемся къ порѣ крещенія Новгорода въ 989-мъ году: въ двухъ изводахъ этого сказанія замѣчается существенная разница. Въ Софійскомъ сказаніи, сброшенный въ Волховъ, по повелѣнію Владыки, Перунъ, «плывя сквозъ великій мостъ, верже палицу, ею же и нынѣ безумниѣ убивающесея утѣху творять бѣсомъ.» Этой черты въ Академическомъ спискѣ недостаетъ, и на ея-то отсутствіе указываютъ поборники Академическаго текста: полагаютъ, что подобной черты не могло вылиться изъ подъ пера Новгородскаго лѣтописца, такъ какъ черта эта заключаетъ въ себѣ насмѣшку надъ политическими правами Новгородцевъ, и видятъ въ ней позднѣйшую Московскую вставку. Но едва ли подобное заключеніе справедливо. Въ Новгородѣ, какъ и во всякомъ обществѣ съ свободными правами, всегда были люди съ особливою, даже одностороннею, рѣзкостію, осуждавшіе народныя движенія. Въ наше время такого рода людей величаютъ охранителями (консерваторами), людьми порядка: мы не знаемъ названія ихъ у древнихъ Новгородцевъ, но самый родъ несомнѣнно существовалъ. Отъ чего не предположить, что, занесенное въ Софійскую лѣтопись, народное преданіе возникло первоначально въ рядахъ подобныхъ ревнителей тишины? Всякую смуту, всякую котору въ людяхъ, древній Новгородскій лѣтописецъ любитъ приписывать непосредственному дѣйствию силы вражьей, а эта темная сила нерѣдко отождествлялась въ старину съ низвергнутыми языческими богами. Съ другой стороны, самообличеніе, самобичеваніе, не есть ли одно изъ самыхъ обыкновенныхъ и естественныхъ проявленій общественной мысли, и не въ особенноти ли свойственно оно нашему народу? А за тѣмъ, если бы даже въ приведенныхъ строкахъ Софійскаго сказанія мы принуждены были видѣть позднѣйшую вставку въ сказаніе древне-Новгородское, то вопросъ остался бы еще въ томъ, была ли вставка

эта непременно Московскаго издѣлія? Новгородцы время упадка (XV вѣка) имѣли достаточный поводъ къ тому, чтобы осуждать и съ желчною насмѣшкой порицать безобразныя и подѣ часъ безсмысленныя усобицы своихъ домашнихъ партій (эти «наводки» подкупленной однимъ Бояриномъ черни на дворъ другого, его личнаго врага, или политическаго противника, эти грабежи одной улицы жителями другой, эти битвы на мосту и т. п.), подобно тому, какъ однородныя явленія мѣстной жизни въ Псковѣ осуждались и оплакивались Псковичами, о чемъ свидѣтельствуетъ извѣстное элегическое мѣсто Псковскаго лѣтописца. Софійскій не отъ себя выдумалъ это сказаніе: оно могло быть заимствовано имъ изъ одной древней Новгородской лѣтописи XV вѣка, достовѣрные слѣды коей сохранились въ спискѣ конца XVI столѣтія, а въ спискѣ этомъ сказаніе читается слово въ слово какъ во Временникѣ. По этому, не прямѣ ли будетъ допустить, что составитель Академическаго текста и въ настоящемъ случаѣ, какъ по поводу сказаній о войнѣ между Ярославомъ и Святополкомъ, отнесся къ избранному имъ ближайшему подлиннику, былъ ли то Софійскій (что я считаю вѣроятнѣйшимъ), или же иной, на пр., тотъ Новгородскій временникъ XV вѣка, согласно своему обычаю, какъ писатель сократитель (эпитоматоръ)?

Самостоятельное значеніе первой половинѣ Академическаго текста, какъ отличной отъ Софійскаго компіляціи и, слѣдовательно, какъ источнику Новгородской исторіи, придаютъ единственно тѣ вставочныя статьи, что помѣщены въ немъ подѣ гг. 988-мъ и 1016-мъ. Я разумѣю росписи Князей, Митрополитовъ, Владыкъ и Посадниковъ, и краткую Русскую Правду. Относительно послѣдней, лежащей вообще внѣ задачи настоящаго исслѣдованія, я ограничусь двумя замѣчаніями, находящимися съ помянутою задачею въ болѣе, или менѣе, близкой и ощутительной, связи.

I. Я не скажу ничего новаго, когда стану утверждать, что Русская Правда ни въ краткомъ ея изводѣ по Академическимъ и родственнымъ спискамъ, ни въ болѣе пространныхъ по Кормчей и по спискамъ Софійскимъ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣми знаменитыми Ярославовыми грамотами, которыми Новгородцы такъ дорожили въ послѣдствіи, и что, сверхъ того, краткая Правда Академическаго текста не состоитъ на самомъ дѣлѣ ни въ малѣйшемъ соотношеніи съ извѣстіемъ, въ слѣдъ за коимъ она въ означенномъ текстѣ помѣщена: «дая имъ правду и уставъ

списавъ, глаголавъ тако: «По сей грамотѣ ходите, яко же писавъ вамъ, тако же держите», хотя, по видимому, въ намѣреніи списателя и было установить подобное соотношеніе. Сущность этихъ положеній давно уже была высказана Морошкинымъ, Барономъ Розенкампомъ, Г-мъ Калачовымъ, и до такой степени приобрѣла право гражданства въ наукѣ, что давнишній ученый споръ о значеніи и (вѣроятномъ) содержаніи тѣхъ Ярославовыхъ грамотъ, какъ извѣстно, утраченныхъ, почти даже не коснулся отношенія къ нимъ Русской Правды и вертится около совѣмъ иныхъ вопросовъ; ¹⁸ что же касается до Правды, то едва ли не господствующею въ наукѣ сдѣлалась та мысль, что Правда ни въ краткомъ, ни въ пространномъ, изводѣ, никогда не была памятникомъ законодательства, т. е., исходящимъ отъ верховной власти, общеобязательнымъ уставомъ, а имѣла значеніе не правительственнаго, для руководства судей изданнаго, сборника отдѣльныхъ законоположеній (на пр., Ярославовыхъ сыновей—отмѣна кровной мести, или Момохаха статьи о ростѣ), или даже примѣрныхъ приговоровъ, получившихъ, съ теченіемъ времени, болѣе, или менѣе, обширное приложеніе на практикѣ. * Даже сторонники противоположнаго взгляда рѣшаются приписать законодательному первоначину Ярослава только первыя семнадцать статей краткой Правды; но вѣроятнѣе, что и эти статьи не были законоположеніями, а составляли «Судъ Ярославль», т. е., какъ бы положенія (theses), извлеченныя изъ постановленныхъ имъ самимъ, или состоявшихся въ его пору, судебныхъ рѣшеній. Во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ сомнительно, чтобы статьи эти, обнимающія лишь отдѣльные случаи изъ среды частнаго права въ жизни первобытнаго общества, могли быть, какъ тщится увѣрить насъ лѣтописецъ, дарованы Новгородцамъ Княжескою властію, въ видѣ награды за вѣрную службу, или даже самимъ народомъ вытребованы у Князя въ годину испытаній. Какъ бы ни былъ низокъ уровень общества, такого рода даръ или рядъ (если въ грамотахъ видѣтъ послѣдствіе договора, или ряда) не могъ не захватить сферы права государственнаго, не коснуться взаимныхъ отношеній Князя и народа.

* «А въ Княжи тивунѣ 80 гривенъ, а коноухъ старый у стада 80 гр., яко установилъ Изяславъ о своемъ коноухѣ, его же убили Дорогобудьци. «По Ярославѣ съзкупивъшеся сынове его... и мужи ихъ... и отложиша убіеніе за голову, а иное все, яко же Ярославъ судилъ, такожде и сынове его оставише.»

Б. Съ другой стороны, хотя въ Академическомъ текстѣ Правды нѣтъ основанія видѣть льготную грамоту, данную Новгороду Великимъ Княземъ Ярославомъ, тѣмъ не менѣе ближайшая связь означеннаго текста съ Новгородомъ и съ Новгородскими отношеніями вполне достовѣрна. Относительно первыхъ семнадцати статей, т. е., такъ называемыхъ, Правды Ярославовой, существованіе подобной связи не можетъ даже подлежать спору: съ такою ясностію запечатлѣлись на нихъ особенности Новгородскаго быта и отличія его отъ быта остальной Руси. Укажу на два основныхъ основоположенія (principes) этой части Правды, изъ коихъ одинъ касается матеріальнаго права: онъ выраженъ въ ст. I, и устанавливаетъ, въ случаѣ убійства, одинаковую виру за голову, ¹⁰ къ какому бы званію ни принадлежалъ убитый: «Аще будетъ Русинъ, любо гридинъ, любо купчина, любо мечникъ, аще изгой будетъ, любо Словенинъ»; другой, изображенный въ ст. XIV, относится къ процессу: статья эта говоритъ объ изводѣ (судѣ), въ случаѣ за-пирательства обвиняемаго, предъ 12 гражданами. Въ пространной Правдѣ нѣтъ даже намекъ на такое установленіе; изъ другихъ источниковъ мы также не узнаемъ о существованіи чего либо подобнаго въ Южной, или Сѣверо-Восточной, Руси: только въ Новгородѣ встрѣчаемъ, такъ называемый, судъ одринъ, съ его 12-ю же членами, «по боярину и по житьему, отъ каждаго изъ пяти концовъ, и по приставу отъ стороны», и имѣемъ полное право видѣть въ этомъ, вполне устроенномъ судебномъ, учрежденіи лишь дальнѣйшее развитіе древняго извода краткой Правды. Не менѣе ясно ближайшее отношеніе къ Новгороду I статьи: о взысканіи съ убійцы за голову. Въ паралельной статьѣ пространной Правды выражено основоположеніе, прямо противоположное основоположенію равной защиты личности, что явственно изображено въ краткой. * Постановленія эти очевидно принадлежатъ одной и той же порѣ Ярославовой, такъ какъ въ спискахъ различныхъ изводовъ помѣщены въ одной статьѣ и въ одной связи съ опредѣленіями о родовой мести, ** въ послѣдствіи отиѣненной Яросла-

* «И положити за голову 80 гр., аче будетъ книжь, мужъ или тивуна князя, аче будетъ Русинъ, любо гридинъ, любо купчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изгой будетъ, любо Словенинъ, то 40 грив. положити за нь.»

** «Убьетъ мужъ мужа, то мститъ брату брата», и т. д.; «аще не будетъ што мста, то сорокъ гр.» и т. д. Сходно сему и въ др. изводахъ.

вѣчами: уже по одному этому надо думать, что они принадлежать разнымъ областямъ Русской земли. Демократическій духъ Новгородскихъ учреждений исключаетъ предположеніе, чтобы постановленія пространной Правды, въ которой размѣры вирь опредѣлены по званію убитаго, въ постепенности отъ 80 до 5 гривенъ, могли когда либо возымѣть дѣйствіе въ предѣлахъ Новгородскихъ; извѣстныя же намъ данныя дальнѣйшаго развитія Новгородскаго законодательства указываютъ на движущее его основоположеніе въ явленіяхъ прямо противоположнаго свойства: постепенность въ вирахъ, пеняхъ и т. под. допускалась по соображенію съ экономическимъ и общественнымъ положеніемъ обвиненнаго въ преступномъ дѣяніи. Такимъ способомъ исчислены, на прим., пени въ Новгородской судной грамотѣ: «съ боярина 50 р., съ житего 20, съ молодчого 10 р.» Зародышъ таковаго развитія можно, кажется, усмотрѣть въ постановленіи краткой Правды (ст. III): «Аще ли кто кого ударитъ батогомъ, либо жердью, 12 гривенъ; аще сего (т. е., пени въ 12 грив.) не постигнуть, то платити ему, ... * то ту конецъ.» По этимъ соображеніямъ первыя семнадцать статей краткой Правды со всѣми ея особенностями, либо прямо отвергаемыми пространною, либо чуждыми ей, безъ всякаго сомнѣнія всего ближе приурочиваются къ Новгороду. Нельзя безусловно сказать то же самое о слѣдующихъ статьяхъ краткой Правды (XVIII—XXXV).²⁰ Отношенія Южно-Русскія сказываются на пр., и въ той статьѣ, гдѣ говорится о приведеніи вора на Княжь дворъ (а не на изводъ по Новгородскому), а равно и въ той, гдѣ упомянуто о судѣ Изяслава надъ Дорогобужцами, убившими его конюха; другія отчасти непримѣнимы въ Сѣверной области, на пр., тѣ статьи, въ которыхъ установлены взысканія за убой, или за кражу воловъ. Въ совокупности этихъ, счетовъ также семнадцати, статей, можно, я полагаю, признать выборку изъ

* Въ текстѣ, по видимому, пропущена цифра, и еще нѣсколько; заключительныя же слова статьи по Акад. списку: «то ту конецъ», по содержанию своему, вѣжутся скорѣе съ мыслию, выраженною въ паралельной статьѣ пространной «Правды»: «не тѣря ли противу тому ударить». По этому я прочелъ бы означенную статью краткой Правды въ слѣд. видѣ: «Аще ли кто кого ударитъ батогомъ, либо жердью, либо пастью, или чашою, или рогомъ, или тылесвию, то 12 гр.; аще сего не постигнуть (т. е., по недостаточности обвиненнаго), то платити ему... (м е н ь ш е)... не тѣря ли противу тому ударить, и то ту конецъ.»

Южно-Русскихъ «судовъ» (послѣ Ярославовой поры), приложенную въ качествѣ какъ бы *ius subsidiarium* къ старой Новгородской Правдѣ, мѣстами пропущенную сквозь Новгородскую редакцію и даже дополненную мѣстными Новгородскими «судами». Черезъ подобную редакцію прошли, на пр., тѣ статьи, паралельныя коимъ находятся и въ пространной Правдѣ и въ кочкѣ Южно-Русскій терминъ «Княжь мужь» замѣненъ Новгородскимъ «огнищанинь»; статью же дополнительную, мѣстно-Новгородскаго происхожденія, представляется статья XX-ая краткой Правды (паралельную ей мы тщетно стали бы отыскивать въ пространной), статья, въ которой съ замѣчательною рѣзкостью сказалось отношеніе Новгородскаго общества къ дружинному элементу, къ огнищанамъ-боярамъ: ²¹ «Если будетъ убить огнищанинь за кражею въ клѣти, или кражею лошади, была (говядъ), или коровы, то убіеніе его, какъ убіеніе пса (въ пса мѣсто); такой же конецъ и тіуну («а тоже поконъ и тивуницу»). Это очевидно не Княжій судъ, а судъ народный, судъ извода мужей Новгородскихъ.

Указаній этихъ достаточно для того, съ ихъ помощію, опредѣлить занимаемое краткою «Правдою» мѣсто въ ряду матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ лѣтописи по Академическому и родственнымъ спискамъ. Когда компиляторъ означеннаго лѣтописнаго текста, дойдя до поры войны Ярослава съ Святополкомъ, слилъ, какъ выше объяснено, въ одно цѣльное повѣствованіе объ одномъ и томъ же событіи, отдѣльныя изъ разныхъ источниковъ и обнимающія при томъ не одну, а двѣ группы данныя 1016-го и 1019-го годовъ, тогда извѣстіе Софійскаго Лѣтописца о дарованіи «Устава» и «Правды» и самая «Правда» очутились у него не подъ 1019-мъ годомъ, какъ во Временникѣ, а уже подъ 1016-мъ годомъ, и въ связи не съ обще-Русскимъ дѣломъ (битвою на Альтѣ, а съ подвигомъ рѣшительно Новгородскимъ, каковымъ, по единогласному свидѣтельству лѣтописей, является бой подъ Любичемъ. Такая перестановка можетъ быть отчасти объяснена случайнымъ недоразумѣніемъ неискускаго писателя, но во всякомъ случаѣ пришлась, какъ нельзя болѣе кстати, для того, чтобы придать, вставленной имъ въ свою хронику «Правдѣ» Новгородской редакціи значеніе какого-то возмездія, или награды, Новгородцамъ отъ Князя Ярослава, что какъ нельзя болѣе чуждо Софійской лѣтописи, — обычному источнику лѣтописи по Академиче

скому тексту. Замѣчательно при этомъ отношеніе какъ той, такъ и другой, лѣтописи къ древней Новгородской (по списку Синодальному). Софійская, позаимствовавши изъ послѣдней сказаніе о раздачѣ гривенъ, въ слѣдъ за первымъ завоеваніемъ Кіева Княземъ Ярославомъ въ 1016-мъ году: «старостамъ по десяти гривенъ и смердамъ по гривнѣ, и Новгородцамъ по десяти гривенъ», самовольно перенесла это сказаніе въ 1019-й годъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, по своему отгѣнила его, подѣлавши изъ «смердовъ» и «старость» Синодального списка (въ которыхъ мы въ правѣ видѣть воевъ Новгородской земли, въ противоположеніи къ воямъ города Новгорода, къ «Новгородцамъ») какихъ-то своихъ (относительно Ярослава) «старость» и «смердовъ», т. е., воевъ со всѣхъ подвластныхъ этому Князю Русскихъ земель. Такимъ способомъ сказаніе о раздачѣ гривенъ приведено въ соотвѣтствіе съ внесеннымъ, въ слѣдъ за нимъ, въ Софійскую же Лѣтопись извѣстіемъ о дарованіи «Правды» и самою «Правдою» Софійской редакціи: такъ какъ «Правда», по свидѣтельству означенной лѣтописи, дана въ лицѣ тѣхъ Ярославовыхъ старость и смердовъ (вообще) и Новгородцевъ (какъ бы въ числѣ прочихъ) представителямъ всей Русской земли, то это Софійское извѣстіе и не могло явить характера исключительно Новгородскаго; равно и Софійская (пространная) Правда ни сколько не представляетъ такихъ особенностей, которыя приурочивали бы ее къ Новгороду преимущественно предъ другими землями. Напротивъ того лѣтописецъ по Академическому тексту, хотя и возвратилъ сказанію о раздачѣ гривенъ принадлежащее ему мѣсто подъ 1016-мъ годомъ и мѣстный Новгородскій отгѣнокъ но за то не въ примѣръ безцеремоннѣе, и даже вдвойнѣ произвольно, обошелся съ слѣдующимъ извѣстіемъ о «Правдѣ». * Относительно Софійскаго Временника, откуда от-

* Для удобства сличенія привожу всѣ три текста: По Соф. Врем. (подъ г. 1019): «И нача Ярославъ вои дѣлити, старостамъ своимъ по 10 гр., и смердомъ по гривнѣ, и Новгородцемъ по 10 гр., и отпусти я вся». По Акад. списку (подъ г. 1016): «и нача (Ярославъ) вои дѣлити, старостамъ по 10 грив., и смердомъ по гривнѣ, а Новгородцемъ по 10 гривнѣ всѣмъ, и отпусти ихъ всѣхъ». По Синод. списку (подъ г. 1016): «и нача вои свои дѣлити старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новгородцемъ по десяти всѣмъ, и отпусти я домовъ.» (По Соф. Врем.) «домовъ, и давъ имъ «Правду» и «Уставъ», списавъ грамоту, рече: «По сему ходите, яко же списавъ вамъ» (за тѣмъ слѣдуютъ Русская Правда (простр.) и Судебн. Царя Константина); (по Акад. списку) «домовъ. И дая имъ «Правду» и «Уставъ»

мѣтка эта имъ заимствована, писатель провинился въ томъ отношеніи, что перенесъ ее изъ 1019-го въ 1016-й годъ, и еще въ томъ, что придавъ помянутой отмѣткѣ несвойственный ей Новгородскій характеръ (о чемъ Софійскій и не думалъ), связавши слова: «по сей грамотѣ ходите» съ случившеюся у него подъ рукою, краткою Новгородскою «Правдой;» относительно же древней Новгородской лѣтописи вина компилятора заключается въ самой примычкѣ этой отмѣтки о «Правдѣ» къ сказанію о гривнахъ. Въ древнемъ Синодальномъ спискѣ помянутой отмѣтки недостаетъ, да и повѣствуется-то въ немъ, если хорошенько сообразить обстоятельства времени, не о награжденіи Новгородцевъ за вѣрную службу, за «великое исправленіе» (какъ сказано въ Степенной Книгѣ), одними ли гривнами изъ Княжеской казны, или же и льготными грамотами отъ щедротъ Князя, а о дѣлѣхъ Киевской военной добычи: «поча вои свои дѣлити», дѣлѣхъ, произведенномъ послѣ побѣды между Новгородскими войми, побѣдителями, вождемъ ихъ, Княземъ Ярославомъ. Отсюда видно, что, какъ тотъ, такъ и другой, лѣтописецъ не столько пользовались по отношенію къ порѣ 1016-го по 1019-й годъ, древле-Новгородскимъ лѣтописнымъ матеріаломъ, сколько исказили этотъ матеріалъ, каждый по своему, примѣняясь къ своей особенной задачѣ. Софійскій, задавшись мыслию составить сводъ извѣстій Русскихъ и Новгородскихъ съ преобладающимъ обще-Русскимъ значеніемъ, лѣтописецъ же по Академическому и родственнымъ спискамъ, изображая временникъ по преимуществу Новгородскій. Такъ, по крайней мѣрѣ, надо думать о послѣдненазванной компиляціи и о ближайшей ей задачѣ, такъ надо думать судя по второй половинѣ означеннаго временника, заключающей въ себѣ довольно близкое воспроизведеніе древняго Новгородскаго, и судя также по тѣмъ не искуснымъ приемамъ, посредствомъ коихъ писатель первой половины мѣстами потщился придать своему плохому сокращенію Софійскаго текста внѣшній видъ лѣтописи Новгородской. Не ради ли достиженія этой послѣдней цѣли, какъ бы втиснуто писателемъ въ составленную имъ хронику древнее Новгородское описаніе Любецкой битвы промежъ Софійскаго начала и Софій

списавъ, глаголавъ: «По сей грамотѣ ходите, яко же писавъ, тако же держите». (Слѣд. Правда краткой Новгородской редакціи) (по Синод. списку) «вся». (Вставочной статьи: «Русская Правда» недостаетъ, а слѣдуетъ непосредственно лѣтописная отмѣтка подъ г. 6525: «Иде Ярославъ къ Берестю.» и т. д.

снаго же искаженнаго конца? Не для той же ли цѣли вставлена на произвольно выбранномъ мѣстѣ Новгородская «Правда»? И не въ тѣхъ же ли видахъ помѣщены подъ 988-мъ годомъ выше упомянутыя росписи Князей и другихъ лицъ, составляющія, съ точки зрѣнія летописной, едва ли не самую замѣчательную особенность разсматриваемаго текста? Съ перваго взгляда росписи эти представляются (въ видѣ какъ бы указателей послѣдующаго изложенія, тѣмъ болѣе, что въ одной изъ нихъ росписи Князей, кромѣ именъ, есть еще краткія отиѣтки о событіяхъ; но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи убѣждаемся, что подобной связи между росписями и самою летописью по Академическому тексту не существуетъ, такъ какъ въ первыхъ упоминаются такія событія и имена, которыхъ въ летописи недостаетъ. Такъ, на пр., изъ росписи Новгородскихъ Князей мы узнаемъ о посаженіи Ярославомъ Владимировичемъ на Новгородскій столъ и смерти въ Новгородѣ Князя Ильи Ярославича, самое имя коего не встрѣчается въ другихъ источникахъ, также о Новгородскомъ княженіи и борьбѣ съ Всеславомъ Полоцкимъ Князя Мстислава Изяславича (въ XI вѣкѣ), и объ изгнаніи Новгородцами Князя Глѣба Святославича, въ послѣдствіи убитаго за Волокомъ; все даннаго не упоминаемъ въ самомъ текстѣ Академическаго списка и не знаемъ намъ изъ другихъ летописей. Еще загадочнѣе въ росписи Посадниковъ, на ряду съ знакомыми по летописямъ именами, десятна съ два другихъ именъ, о которыхъ съ достовѣрностію не знаемъ даже, къ какому времени ихъ приурочить. Во главѣ списка красуется имя Гостомысла Посадника, слово не ясный слѣдъ обсколокъ какого-то мѣстнаго сказанія. Это, по всей вѣроятности, старѣйшина Гостомыслъ позднѣйшихъ Московскихъ передѣлокъ. Очевидно, перечни эти, по крайней мѣрѣ, росписи Новгородскихъ Князей и росписи Новгородскихъ Посадниковъ, имѣютъ какую-то ближайшую связь съ нынѣ утраченною Новгородскою хроникой, бывшею въ рукахъ у составителя летописи по Академическому и родственнымъ спискамъ: фактически отиѣтки и имена въ росписяхъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, извлечены имъ изъ этой хроники. Если бы нашъ компиляторъ былъ хоть сколько нибудь педантъ, то онъ сдѣланную имъ выборку тѣхъ немногихъ извѣстій сумѣлъ бы размѣстить по годамъ въ своей летописи; но онъ, вмѣстѣ того, занесъ въ нее эти извѣстія въ видѣ вставки, передъ началомъ того отдѣла, къ которому они относятся. Содержаніемъ своимъ росписи указываютъ на прибли-

зительный объемъ заключавшагося въ утраченной хроникѣ повѣствованія. Повѣствованіе это, если, быть можетъ, и начиналось, по обычаю лѣтописей, ab ovo, но болѣе подробнымъ становилось послѣ времени крещенія, такъ какъ роспись Князей открывается именемъ перваго Новгородскаго Князя по крещеніи, Вышеслава Владимировича, а въ росписи Посадниковъ замѣчается скачокъ отъ сказочнаго Гостомысла къ Константину (Добрыничу), современнику Ярослава Мудраго; доходило же оно приблизительно до времени втораго княженія Мстислава Владимировича, на имени котораго прекращаются отмѣтки о событіяхъ; далѣе идетъ голый перечень именъ до Василія Темнаго. Достойно замѣчанія, что періодъ, обнимаемый этою первою половиною росписи Князей, почти совпадаетъ съ періодомъ тѣхъ безнадежно краткихъ и скудныхъ отмѣтокъ, что такъ досаждаютъ изслѣдователю на первыхъ страницахъ списка Синодальнаго. Видно по всему, что 'составитель позднѣйшаго сборника пользовался за этотъ періодъ такими источниками, которые по чему-то остались неизвѣстными прежнему писателю. Изъ той же ли самой лѣтописи, или изъ другой Новгородскаго же происхожденія, заимствовано извѣстіе Комм. и Толст. списковъ (противней Академическому) о смерти Олега въ Ладогѣ, подобно тому, какъ изъ Новгородскихъ же современниковъ, хотя едва ли изъ первыхъ рукъ, взяты и тѣ отрывочныя извѣстія, что изрѣдка попадаются по разнымъ лѣтописямъ и житіямъ, на пр., о Бравалинѣ, о Вадимѣ, о смерти Рюрика, о Св. Ольгѣ и т. под.: во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что компиляторъ Академическаго текста подѣлился съ нами далеко не всѣмъ, доступнымъ ему, древле-Новгородскимъ матеріаломъ. На это указываетъ самый пошибъ, какимъ писаны тѣ краткія отмѣтки въ росписи Князей; на это указываютъ еще болѣе тѣ неизвѣстныя имена, что попадаютъ въ росписи Посадниковъ: существовалъ же источникъ, существовала лѣтопись, въ которой значилось, что Посадникъ Петрята, или Посадникъ Маронѣгъ, въ такомъ-то году былъ выбранъ и въ такомъ-то смѣненъ. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ находятся, по видимому, въ довольно близкой и ощутительной связи съ знакомыми намъ изъ лѣтописей отношеніями и лицами Великаго Новгорода. Такъ, на пр., Посадникъ Улѣбъ росписи напоминаетъ собою Улѣба, вождя неудачнаго похода Новгородцевъ къ Желѣзнымъ Воротамъ; другія встрѣчаются въ отчествахъ Новгородскихъ дѣятелей XII-го столѣ-

тія. * Посадники Завидъ (I), Гюрата, Микула, судя по мѣстамъ, ими занимаемымъ въ нашей росписи, походятъ на отцовъ извѣстныхъ намъ изъ Синодальнаго списка Посадниковъ: Дмитра Завидовича Мирослава Гюрятинича, Костятина Микульчича, на родоначальниковъ тѣхъ знаменитыхъ Новгородскихъ фамилій, что въ послѣдствіи принимали такое вліятельное участіе въ дѣлахъ своего роднаго города. Нѣкоторые изъ тѣхъ старыхъ именъ, на пр., Гюряты (Роговичъ?) или Завида (I), современны столько же прославленной въ Новгородскихъ лѣтописяхъ, сколько мало извѣстной (благодаря скудости памятниковъ сохранившихся) порѣ Мстислава Владимировича (Мономашича 1087—1117 г.): они, по всей вѣроятности, принадлежатъ ближайшимъ совѣтникамъ и сотрудникамъ этого знаменитаго Князя. Было время, когда память этихъ людей была еще свѣжа въ народѣ, когда выдающіеся случаи изъ ихъ жизни и дѣятельности были занесены въ лѣтопись. И если одна изъ такихъ лѣтописей была, какъ надо думать, въ рукахъ у составителя Академическаго текста, то не въ правѣ ли мы поствѣтовать на компилятора за то, что онъ въ первой половинѣ своего труда такъ безжалостно исказилъ тотъ драгоцѣнный лѣтописный матеріалъ, которымъ онъ пользовался, сохранивши изъ него на память грядущихъ поколѣній, и то лишь начиная съ 1016-го года, одни только обрывки и клочки, а немалую часть его до 1016 года даже сполна выпустилъ за ничтожными извѣстіями?

И вотъ мы опять стоимъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ: что случилось съ Новгородскою начальною лѣтописью? По чему обезглавленъ Синодальный списокъ ея? По чему, если даже не

* Приведу по росписи рядъ именъ, соответствующихъ древнѣшему періоду Новгородской Исторіи: Гостомыслъ; Косятинъ (вѣроятно, Добрыничъ, современникъ Ярослава I); Остромиръ (современникъ Изяслава I); Завидъ (I, неизвѣстный, по видимому, отецъ упоминаемаго подъ г. 1118 Дмитра Завидовича); Петрита (неизвѣстный); Косятинъ (неизвѣстный); Миротѣгъ (неизвѣстный); Сава (неизвѣстный); Улѣбъ (не тотъ ли, что ходилъ къ Желѣзнымъ Воротамъ?); Гюрата (вѣроятно, Роговичъ); Микула (по видимому, отецъ Посадника Косятина Микулинича); Добрыня (ум. въ 1117 г.); Дмитръ (Завидовичъ † 1118); Косятинъ (Мойсеевичъ ок. въ 1119 г.); Завидъ (Дмитровичъ, упом. въ 1128 г.); Давило (пришелъ изъ Кіева 1129); Петрита (неизвѣстный); Иванъ (Иванко Навловичъ, убитый въ сраженіи съ Суздальцами при Ждановой Горѣ 1134; Мирославъ (Гюрятиничъ) и т. д.

придавать особаго значенія подобной же участи, постигшей Академической II списокъ, по чему составитель его такъ безощадно урѣзалъ и искажилъ тотъ древній лѣтописный матеріалъ, которымъ онъ пользовался?

Да и помимо Синодальнаго и Академическаго II списоковъ Новгородскихъ лѣтописей, безъ начальныхъ годовъ и съ разными урѣзками и искаженіями, дошли до насъ еще и другіе списки того же разряда: Толстовскій XX, ²² у котораго недостаегъ также конца, и Академическій I, отличающійся тѣмъ, что недостающіе листы замѣнены въ немъ баснословною повѣстью о началѣ Ногорода, сочиненною въ XVII вѣкѣ. ²³ Списки эти происхожденія, очевидно, позднѣйшаго: они принадлежатъ къ исходу XVI и началу XVII столѣтія. Сюда же слѣдуетъ отнести отрывокъ Новгородской лѣтописи, приплетенный къ Архивскому XX списку и обнимающій годы 7018—7077 (1511—1570), и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самый Архивскій XX списокъ исхода XVI столѣтія. Последний, хотя и открывается только 911-мъ годомъ, но въ строгомъ смыслѣ не принадлежитъ къ числу «обезглавленныхъ» или искаженныхъ списоковъ, за то онъ отличается нѣкоторыми достойными замѣчанія особенностями, къ которымъ мы теперь и обратимся.

5 Февраля, 1573, въ монастырѣ на Лисейей Горѣ обѣдную служилъ какой-то монахъ, по всѣмъ вѣроятностямъ изъ Новгородскихъ, но не принадлежащій къ помянутой обители. Кромѣ исполненія прямыхъ обязанностей своего званія, духовное лицо это занималось также лѣтописнымъ дѣломъ: розыскивалъ по Новгородскимъ церквамъ и монастырямъ уцѣлѣвшихъ отъ зуба времени древнихъ лѣтописцевъ, и составлялъ изъ нихъ сборникъ или сводъ. Лицо это было, по видимому, одинъ изъ писцовъ сохранившейся до нашего времени, такъ называемой, Новгородской II лѣтописи или Архивскаго XX-го списка: его рукою писаны послѣднія тетради сохранившейся рукописи. Прибыль онъ на Лисью Горю со стороны по слуху о находящихся въ монастырѣ лѣтописныхъ сокровищахъ: «Сказывали,» занесть онъ въ свой списокъ подъ тѣмъ самымъ, какъ выше значится, годомъ, мѣсяцемъ и числомъ, «что лѣтописецъ Лѣсицкій добри сполна», и, отслуживши обѣдную, зашелъ въ келью къ монастырскому Келарю, старцу Діонисію, у котораго смотрѣлъ «книги церковнаго лѣтописца». Не совсѣмъ-то обзоромъ своимъ остался онъ доволенъ: Лисевскій ману-

крипитъ оказался достоинствомъ ниже своей репутаціи: «ажо не свелна»; Владыки Новгородскіе были писаны въ немъ не всѣ, а только до Евѣмія († 1459); объяснялось это обстоятельство очень просто: тотъ списокъ, въ которомъ читалъ посѣтитель отца Діонисія, составленъ былъ въ 6958 (1450) году, при томъ самомъ Архіепископѣ Евѣміи, какъ можно было удостовѣриться изъ извѣстной въ концѣ списка приписи подъ означеннымъ годомъ: «Написана бысть сія книга лѣтописецъ въ обители Пречистой Рождества, на Лисы Горѣ, проведѣиємъ Дьякона инока Геронтія.» Нашему археологу XVI столѣтія пришлось удовольствоваться и этою находкою и, обрѣтенная имъ на Лисей Горѣ, монастырская лѣтопись вошла, какъ матеріалъ, въ составъ того сборника, въ изводѣ коего онъ участвовалъ. Въ сборникъ этотъ попала и выше упомянутая приписка 1450-го года, изъ коей мы узнаемъ, что охранявшаяся въ списокъ исхода XVI-го столѣтія Новгородская Лисей лѣтопись въ значительной долѣ своей есть воспроизведеніе памятника XV-го вѣка, подобно тому, какъ начальная (Смѣлострѣва) лѣтопись, извѣстная намъ по списку 1377-го года, есть воспроизведеніе памятника XII-го столѣтія. Но если Лисьегорскій временникъ не удовлетворилъ клирика, смотрѣвшаго его въ кельѣ у отца Діонисія въ 1573 году, по тому только, что временникъ этотъ недостаточно близко подходилъ къ означенной порѣ, то историкъ, или археологъ, XIX столѣтія остался бы, по всей вѣроятности, не вполне доволенъ имъ съ точки зрѣнія прямо противоположной: за чѣмъ, де, онъ не захватываетъ побольше старыхъ, давно минувшихъ, годовъ? Я полагаю даже, что если бы подлинная Лисьегорская лѣтопись могла быть въ настоящее время отыскана, то въ ней навѣрное не нашлось бы начальныхъ листовъ, и что еще въ то время, когда впервые заглянулъ въ нее посѣтитель Лисьегорскаго Келаря, листы эти уже были вырваны и уничтожены, подобно тому, какъ вырванными и уничтоженными оказываются начальныя тетради Синодальнаго списка. Дѣйствительно, въ Архивскомъ XX списокѣ не находится такихъ признаковъ (на пр., помѣты листовъ, какъ въ Синодальномъ), изъ коихъ можно бы было заключить, что уничтожилось начало самой рукописи: а между тѣмъ открывается она не заглавною статьей, не «ав. бго»; по обычаю лѣтописцевъ, а неважнымъ извѣстіемъ о появленіи въ 5419 (911) годахъ кометы: не означаетъ ли это, что Архивская рукопись сама была списана съ экземпляра невольнаго, начинавшагося съ поминутаго года? Далѣе, въ на-

шемъ списокѣ, въ слѣдъ за извѣстіемъ 911 года, читаемъ извѣстіе о крещеніи Новгорода (то самое, что и въ Софійскомъ Временникѣ, подъ годами 6499 (981): перерывъ разстояніемъ въ 80 лѣтъ; потомъ опять скачекъ въ 26 лѣтъ, и извѣстіе объ Ярославѣ подъ 6525 (1017) годомъ. Такіе скачки не совсѣмъ обычны въ нашихъ лѣтописяхъ: отсутствіе извѣстій не прерываетъ въ нихъ счета годовъ, выставляемыхъ обыкновенно въ последовательномъ порядкѣ, да и въ тѣхъ лѣтописяхъ, гдѣ подобнаго счета нѣтъ, такихъ громадныхъ пробѣловъ въ 80 и 26 лѣтъ не встрѣчается. Не ясно ли указываютъ и эти пробѣлы, и тѣ два отрывочныхъ извѣстія въ началѣ нашего списка, и этотъ 1017 г., съ котораго начинается болѣе непрерывное повѣствованіе (означеніе, близкое къ подобному же означенію (1016 года) Синодальнаго списка), не указываютъ ли всѣ эти особенности Архивской рукописи на то, что составитель ея списывалъ съ временника, у котораго уже во время списанія не доставало начальныхъ годовъ (приблизительно до вокняженія Ярослава I въ Кіевѣ), и что отъ уничтоженныхъ листовъ помянутаго временника (Лисьегорскаго) только случайно уцѣлѣли кое-какіе клочки, вошедшіе потомъ въ составъ Архивнаго списка. ³⁴

Мы упомянули, и частію обозрѣли, всѣ, намъ извѣстные, обезглавленные, урѣзанные и искаженные, списки Новгородскихъ лѣтописей, вмѣстѣ съ тѣмъ спискомъ, что, по всей вѣроятности, заключаетъ въ себѣ болѣе, или менѣе, близкую копію съ такой же обезглавленной, нынѣ же и вовсе утраченной, рукописи Лисьегорской, и должны откровенно сознаться, что очень мало придвинулись къ разрѣшенію представляемой ими загадки. Ни самые списки, ни другія лѣтописи, ни иные источники, не оставили намъ прямыхъ указаній къ объясненію столь поражающаго событія. Но едва ли должно оставаться хотя малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что простою случайностію это объяснено быть не можетъ. За отсутствіемъ прямыхъ свидѣтельствъ къ разрѣшенію загадки остается скользкій путь предположеній. Къ счастью для изслѣдователя, направленіе для подобныхъ догадокъ преподано ему всею исторіею Новгородскою, и поле для нихъ отведено не обширное.

Послѣ покоренія Новгорода Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ Москва держалась относительно вновь присоединеннаго края столько же искусной, сколько мало разборчивой на средства, политики, неуклонно стремившейся къ одной завѣтной

цѣли—къ уничтоженію всѣхъ слѣдовъ Новгородской самобытности и къ окончательному сплоченію Новгорода съ Москвою. Новгородскія учрежденія были упразднены и замѣнены Московскими; тысячи Новгородскихъ семействъ были сведены въ Московское Государство, и тысячи семействъ изъ Московскаго Государства поселены въ Новгородъ и въ землѣ Новгородской. Но наиболѣе характеристическая черта всѣхъ Московскихъ мѣропріятій того времени заключалась въ рядъ систематическихъ попытокъ, направленныхъ къ тому, чтобы вырвать изъ народнаго сознанія самую память о прошломъ, отгнать народную мысль отъ ея прежнихъ идеаловъ, исказитъ и перелицевать народныя преданія. Вѣчевой колоколъ былъ снятъ, привезенъ въ Москву и взнесенъ на колокольницу, «съ прочими колоколы звонити». Усердные слуги Московской системы не пощадили даже Новгородскую святыню: есть извѣстіе о свезеніи въ Москву иконъ изъ Новгородскихъ храмовъ; Москвою назначенные Владыки Новгородскіе дерзко и нагло глумились надъ останками своихъ предшественниковъ, избранныхъ народомъ Іерарховъ: * Даже въ распоряженіяхъ, относящихся къ внѣшнему благоустройству города, проглядываетъ мысль, враждебная старинѣ: такъ, на пр., въ 1508 году Князь Великій Василій Ивановичъ, приславъ въ Новгородъ Боярина своего..., «велѣлъ ему урядити въ Новгородѣ торги, ряды и улицы размѣрити по Московски.»¹⁵ Въ одномъ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ Новгородской лѣтописи подъ 7058 (1550) годомъ записано глухое и темное извѣстіе о томъ, какъ Царь Иванъ «поручалъ въ Новгородѣ» какіе-то «ряды,» и «рядовые грамоты собралъ въ казну:» знаменательное извѣстіе, уназывающее на безцеремонность, съ какою Московскія власти относились къ Новгородскимъ письменамъ,

* Новгород. III лѣт. подъ г. 6992 (1484) «Сергій... вниде въ монастырь (Михаила Архангела), и поиде изъ церкви на паперть, и сказали ему гробъ Святителя Моисея, строителя монастыря того. Онъ же... повелѣ... гробъ скрыти Святителя; священникъ же... рече Арх. Сергію: «Не подобаетъ Святителю Святителя скрывать.» Сергій же рече съ горлостію, «яко приде къ гражданомъ яко плѣннымъ: «Кого, сего смердовича и смотрѣти!» Сергій преступилъ, по видимому, границу: ни побѣжденные Новгородцы, ни сами побѣдители, Москвичи, не снесли подобнаго отношенія къ Православной Святынь. Сергія потомъ удалили со святительства подъ благовиднымъ предлогомъ: говорили, будто у него помутился умъ, и Московскій лѣтописецъ не преминулъ завести по этому поводу напраслину на Новгородцевъ, что они «волшебствомъ испорчили Владыку.»

даже къ юридическимъ актамъ частныхъ лицъ (а мы не въ правѣ считать порушенные въ 1550-мъ году ряды за что либо иное, на пр., за договоры политическіе, такъ какъ ряды или договоры Новгорода, какъ политическаго тѣла, съ Московскими Князьями давнымъ давно были порушены «Московскимъ Правительствомъ» если такого рода письма почему либо не нравились Москвѣ. Что случилось съ этими «рядовыми грамотами»? Что случилось съ упомянутыми выше грамотами договорными Новгорода и Князей (помимо тѣхъ немногихъ, что случайно уцѣлѣли въ аркивазъ и выше 1261-го года не восходятъ)? Что случилось съ вѣчными грамотами, на существованіе которыхъ есть положительныя указанія въ источникахъ? Что случилось, наконецъ, съ основнымъ актомъ Новгородскихъ вольностей, знаменитую грамотой Ярослава? Не уже ли исчезновеніе, во многихъ случаяхъ безслѣдное, всѣхъ этихъ памятниковъ было, или даже могло быть, дѣломъ простаго случая? Думаемъ, что нѣтъ, и думаемъ такъ въ виду приведенныхъ примѣровъ того коненія, что было поднято Москвою противъ Новгородскихъ воспоминаній. Отсюда недалеко уже до предположенія, что обезглавленіе и искаженіе Новгородскихъ лѣтописей могло быть точно также дѣломъ Московской политики. Въ чемъ, какъ не въ историческихъ письменахъ, довѣло вразить на смерть историческія воспоминанія? Достойно замѣчанія, что объ древнѣйшія Новгородскія лѣтописи: одна, уцѣлѣвшая въ подлинномъ Синодальномъ спискѣ, болѣе гражданская и политическая, другая, Лисьегорская, вошедшая въ составъ позднѣйшаго списка, преимущественно церковная, сохранились для насъ, начиная все съ той же поры 1016 — 1017 года. Подъ этимъ же 1016-мъ годомъ встрѣтились намъ тѣ странныя неровности Академическаго II и родственныхъ списковъ. Словно одна и та же мысль руководила искажителями Новгородскихъ лѣтописей, словно повѣствованіе о событіяхъ и за этотъ годъ и за предшествующіе годы было имъ по чему либо въ особенности нелюбое.

Мысль объ уничтоженіи въ лѣтописныхъ памятникахъ «неудобныхъ» слѣдовъ Новгородскаго прошлаго, мысль о пересмотрѣ Новгородской лѣтописи и передѣлкѣ ея подъ ладъ превозможшихъ надъ мѣстной стариной новыхъ Московскихъ понятій, легко могла родиться и созрѣть въ Московскомъ обществѣ XVI столѣтія. Въ вѣдрахъ этого общества, для воспринятія и взлелѣванія подобной мысли, издавна была уготована нравственная и умственная почва,

сулившая, со временемъ, обильные плоды. «Понеже оубо тайну царскую подобаетъ хранить, дохвально, безобидно есть и вельми полезно есть хранящимъ ю, да нѣкимъ же цевѣдома будетъ, да не инако будетъ царское повелѣніе; дѣла же Божіи и чудеса его преславныя, творима святыми его, подобаетъ вездѣ и повсюду и всяко съ высокими проповѣданіемъ и извѣщаніемъ сия проповѣдати въ общую пользу и спасеніе всѣмъ христоименитымъ людемъ.» Въ этихъ немногихъ словахъ старинной «Повѣсти объ Антоніѣ Римлянинѣ» выразился съ большою ясностію, сложившійся у книжниковъ того времени, взглядъ на свойство и задачи ихъ общественнаго служенія. Зарокъ ненарушимаго молчанія налагался на мысль общественную въ области «тайны царской» т. е., дѣлъ мірскихъ, додѣтъ Государства и гражданскаго общества. Въ дѣлѣ эту тайну надлежало власти, власти же оповѣщать о ней во всеобщее извѣстіе, мѣра и степень оповѣщенія точно также не могли зависѣть отъ частнаго произвола. За тѣмъ на духовную жизнь общества предоставлялась обширная область «дѣлъ Божіихъ.» Но границы этихъ двухъ областей не были опредѣлены съ точностію, для же соприкасались между собою на слишкомъ многихъ точкахъ. Вотъ по чему мы наталкиваемся порой какъ бы на чью-то стороннюю руку даже въ Житіяхъ Святыхъ, въ особенности подвижниковъ Русской Церкви. Въ одной лѣтописи, подъ 1537 годомъ, ²⁶ встрѣчаемъ любопытное извѣстіе о томъ, какъ въ Новгородѣ составлено было новое Житіе блаженнаго Михаила Саллоса, извѣстнаго юродиваго, спасавшагося въ Клопскомъ монастырѣ незадолго до паденія Новгородской независимости. Въ лѣтописи сказано, что Житіе это составлено на основаніи древнихъ Новгородскихъ матеріаловъ; но, хотя матеріалы эти, подобно столь многимъ памятникамъ Новгородской письменности, не дошли до насъ, мы изъ самой же лѣтописи узнаемъ, что новымъ жизнеописателемъ Клопскаго юродиваго древня сказанія распространены и «ветхая» въ нихъ «поновлены.» Въ лѣтописи говорится еще, что трудъ предпринятъ новымъ писателемъ Житія «по благословенію Архіепископа Макарія,» знаменитаго творца нашихъ Четій Миней; но писатель этотъ былъ свѣтскаго званія человекъ, слуга Московскаго Великаго Князя, Боярскій сынъ, Василій Михайловичъ Тучковъ, и самъ Владыка, благословляя Тучкова на «духовное дѣло» и вручая «книги древнихъ писателей», напутствовалъ его увѣщаніемъ, повторяющимъ знакомый намъ напѣвъ: «тайну цареву храни, а дѣла Божія ясно проповѣждь.» Мы не имѣемъ повода

думать, чтобы Тучковъ презрѣлъ такимъ увѣщаніемъ, хотя составленное имъ и сохранившееся до нашего времени Житіе блаженнаго Михаила испещрено чертами, имѣющими связь съ политическими дѣлами и отношеніями. Рука и пошибъ Великокняжескаго слуги замѣтны и въ тонѣ, какимъ Житіе написано, и въ выборкѣ преданій, приуроченныхъ народною памятію къ имени Клопскаго угодника. Ему приписываются пророчества о паденіи Великаго Новгорода, пророчества, произнесенныя Михаиломъ и въ самый годъ рожденія Великаго Князя Ивана Васильевича и (будто бы) въ 1470 году, * за нѣсколько лѣтъ до погрома. Тучковъ, «поновляя ветхая» своихъ источниковъ, вложилъ, по поводу этихъ пророчествъ, такіе обороты рѣчи въ уста Новгородскаго подвижника, что едва ли могли быть вычитаны имъ въ Новгородскихъ сказаніяхъ: «Безумніи (воскликаетъ у него Блаженный, обращаясь къ Посаднику Немиру и къ Новгородцамъ), како сему (Великому Князю) противитися хочете, иже преже рожденія речено о немъ, яко сему обычай ваша премѣнити.» Мы не знаемъ, за утратою Новгородскихъ изводовъ сказанія, какъ относились къ подвижнику сами Новгородцы, и въ какомъ обликѣ этотъ «угодникъ Великихъ Князей Московскихъ» запечатлѣлся въ ихъ народной памяти; но достойно замѣчанія, что въ древнѣйшихъ Новгородскихъ лѣтописяхъ (I и II) о Михаилѣ Клопскомъ нѣтъ и помину, и что предсказанія объ Иванѣ Васильевичѣ, «разорителѣ Новгородскихъ обычаевъ», недостаетъ въ двухъ болѣе древнихъ, чѣмъ Тучковская, хотя и не чуждыхъ Московскаго вліянія, редакціяхъ Житія. Черта эта впервые занесена въ сказаніе о Клопскомъ юродивомъ лишь при посредствѣ Московскаго Боярскаго сына, а за тѣмъ уже перешла въ свѣтскія лѣтописи позднѣйшаго состава.

Вторгаясь въ сопредѣльную область «Божіихъ дѣлъ», въ слѣдствіе ли неясности межевыхъ признаковъ, или по другимъ причинамъ, «тайна царская» по понятіямъ вѣка, дѣлала все таки болѣе, или менѣе, произвольные захваты. Напротивъ того область этой «тайны» простиралась вполне естественно и законно не только по злобу дня, на ближайшіе насущные интересы государственной жизни народа, но также и на даль прошлаго, на сколько, по крайней мѣрѣ, это прошлое находилось въ осязательной связи съ

* Когда блаженнаго Михаила и въ живыхъ уже не было, такъ какъ онъ умеръ въ 1456 г. Слѣд. Ключевскаго, «Житія Святыхъ», стр. 212.

настоящимъ. Въ пору своихъ послѣднихъ пререканій съ Новгородцами, на канунѣ окончательнаго переворота, Великій Князь Иванъ Васильевичъ держалъ при себѣ искуснаго Дьяка, Степана Боролатого. Этотъ Бородатый былъ, по видимому, природный Новгородецъ: лѣтопись называетъ его Архіепископскимъ Дьякомъ, а въ санѣ Архіепископа въ древней Руси былъ облеченъ одинъ только Новгородскій Владыка: но въ то же время былъ онъ чело-
 вѣкомъ преданнымъ, или предавшимся, Московскому «разорителю Новгородскихъ обычаевъ.» Великій Князь взялъ его съ собой, когда въ первый разъ походомъ пошелъ на Великій Новгородъ: онъ долженъ былъ помянуть Новгородцамъ «ихъ давнія неправды, какъ они въ древнія времена измѣняли Князьямъ.» Кромѣ оружія ратнаго, Иванъ Васильевичъ задумалъ побороть Новгородъ и его собственнымъ нравственнымъ оружіемъ, которымъ Новгородцы такъ упорно и такъ долго отстаивали свою самобытность противъ Москвы: имя этому оружію было старина. На старину ссылались Новгородцы, защищая свою вольность и свое право; на старину сталъ ссылаться и Иванъ, въ подкрѣпленіе притязаній своей власти, своего «Государства» по отношенію къ Новгороду, «Государства,» котораго за «Господиномъ» Великимъ Княземъ отказывались даже признавать граждане, не вѣдавшіе инаго Государя, кромѣ самаго Великаго Новгорода. Но ссылаться на старину въ пользу недавней Москвы противъ древняго, Великаго Новгорода, не значило ли это прибѣгать къ натяжкамъ, одностороннимъ толкованіямъ, произвольнымъ извращеніямъ лѣтописей, грамотъ, договоровъ? Не значило ли это извлекать, вычитывать изъ древнихъ писемъ, посредствомъ цѣлаго ряда болѣе, или менѣе, ловко подстренныхъ лжеумствованій, тотъ смыслъ, котораго въ тѣхъ писменахъ не было, но который хотѣли видѣть въ нихъ Московскіе политики? Не въ томъ ли и состоялъ, примѣненный къ древнимъ хроникамъ, въ угоду Великому Князю, пріемъ Дьяка Степана, умѣвшаго, по простодушному выраженію современника, и «древними лѣтописцы воротити?» Князь Московскій повелъ на Новгородъ свои крѣпкіе полки, и — не устояли противъ нихъ Новгородскія дружины: по такъ ли крѣпки будутъ лжеумствованія Дьяка Степана противъ силы Новгородскихъ воспоминаній и противъ свидѣтельства Новгородскихъ писемъ? Въ разгаръ борьбы его нехитрыя измышленія сослужили свою добрую службу: означало ли это, что въ послѣдствіи, когда Новгородъ палъ и Московское Государство въ немъ окончательно водворилось, измышленія эти, за ненадобностію, подлежали сдачѣ

въ архивъ? Очевидно, что этого не было, или, по меньшей мѣрѣ, могло и не быть. Очевидно, что въ Московскіе расчеты должна была входить посильная поддержка того призрака, будто побѣда Москвы надъ Новгородомъ означала побѣду старины надъ новшествами. Очевидно также, что нравственная почва, породившая въ данное время лжемудрованія Бородатого, могла пригодиться и въ послѣдствіи для возвращенія однородныхъ и еще горшихъ плодовъ. Съ паденіемъ Новгорода лѣтописи и инія Новгородскія письмена не подпали ль подъ Московскую руку и, въ слѣдъ за попытками голословныхъ извращеній, не наступила ли очередь прямыхъ, матеріальныхъ искаженій въ означенныхъ письменахъ? При этомъ могли имѣться въ виду не какія либо временныя цѣли, но прочное искорененіе самой памяти о старинѣ; а для осуществленія подобной задачи надлежало прибѣгнуть къ средствамъ самымъ уничтожительнымъ, къ самому широкому примѣненію къ лѣтописямъ «царской тайны» этого, какъ мы видѣли, основнаго закона нашей письменности Московскаго періода.

Въ семьѣ Русскихъ лѣтописей позднѣйшаго состава уцѣлѣлъ до нашего времени въ значительномъ количествѣ экземпляровъ одинъ лѣтописный сборникъ, въ извѣстіяхъ котораго помянутое выше стремленіе къ искаженіямъ Новгородскаго прошлаго выразилось съ особливою рѣзкостью и выпуклостію: я разумѣю, такъ называемый, Софійскій Временникъ. Мы видѣли, что въ древности, по мѣрѣ выдѣленія Русскихъ земель изъ механически сплоченнаго единогодержавства первыхъ Рюриковичей, возникали мѣстные лѣтописи; въ послѣдствіи же, въ слѣдъ за возобладаніемъ Москвы надъ прочими областями, и въ особенности надъ Новгородомъ, въ лѣтописномъ дѣлѣ становится замѣтнымъ объединительное направленіе, параллельное политическому стремленію къ единству. Софійскій Временникъ есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ крупныхъ образцовъ новаго направленія. Въ немъ Новгородскія событія перемѣшаны съ Кіевскими, Суздальскими, Московскими, старые Новгородскіе временники побывали въ рукахъ у Софійскаго сводщика и попали въ надежныя руки. Сводъ составленъ не безъ нѣкотораго искусства: извѣстія, заимствованныя изъ разныхъ источниковъ, приведены въ соглашеніе, противорѣчія по возможности устранены, шероховатости сглажены. Но характеръ и значеніе Софійскаго свода опредѣляется преимущественно отношеніемъ его заимствованій къ лѣтописямъ болѣе

древняго состава. Между тѣмъ какъ извѣстія о дѣлахъ Южной и Северо-Восточной Руси, при переходѣ на страницы Софійской редакціи, не потерпѣли, помимо неизбѣжныхъ сокращеній, особеннаго урона, между тѣмъ какъ Временникъ, почерпая свѣдѣнія свои объ этихъ дѣлахъ изъ недоступныхъ въ настоящее время источниковъ, пополняетъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, и даже исправляетъ, знакомые намъ пересказы, Лаврентьевскій и Ипатскій, и на часть извѣстій Новгородскихъ выпала въ немъ совсѣмъ иная доля. За сверхдвухсотлѣтній періодъ (съ 1116 по 1333 годъ), за весь періодъ, охватываемый подробнымъ повѣствованіемъ Синодальнаго списка, извѣстія этого разряда по Временнику могутъ быть сличены съ подлинными извѣстіями древне-Новгородскими, и въ итогѣ такого сличенія получится въ новѣйшей лѣтописи цѣлый рядъ поразительныхъ искаженій древняго лѣтописнаго матеріала, искаженій далеко не случайныхъ, но явно проникнутыхъ однимъ и тѣмъ же намѣреніемъ, одною и тою руководящею мыслию. Будучи выдѣлены изъ общей массы сообщаемыхъ Софійскою лѣтописью данныхъ и нанизаны на хронологическую нить, всѣ эти сказанія и отиѣтки, съ мнимо-Новгородскимъ содержаніемъ, представляють по внѣшности нѣчто довольно схожее съ Новгородскою, нѣсколько, сокращенною противъ Синодальнаго текста, хроникою; но, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, повсюду въ ней, въ каждомъ отдѣльномъ извѣстіи, видна Московская рука, и въ цѣломъ замѣтенъ Московскій пошибъ. Самый слогъ показываетъ отиѣны противъ древняго Синодальнаго списка, и не только въ языкѣ, въ несходственныхныхъ по выраженію, хотя по существу своему синонимныхъ, реченіяхъ и оборотахъ, но также въ понятіяхъ и въ томъ умственномъ складѣ сдѣвателя, что сказывается въ употребляемыхъ имъ формахъ и образахъ рѣчи. Въ древнемъ текстѣ Новгородскіе послы идутъ къ Князьямъ по дѣламъ Великаго Новгорода съ «поклономъ», много съ «молбою»; послѣднее выраженіе я встрѣчаю одинъ только разъ подъ 1281 годомъ; по Временнику: «поклоитъ» вольныхъ людей замѣняется рабски униженнымъ Московскимъ «челобитьемъ». ²⁷ Вычитавши изъ древней лѣтописи извѣстіе о томъ, какъ Новгородцы въ 1154 г., показали отъ себя путь Князю Давыду, сыну Ростислава Мстиславича, «заче не створи нивъ ряду, нѣ болѣ раздвря», Софійскій писатель не понялъ, или не захотѣлъ понять, чисто Новгородскаго значенія этой рѣчи, въ которой говорится о народномъ негодованіи противъ Кіевскаго Князя, нарушившаго,

разорвавшаго «свой рядъ» (договоръ) съ Новгородомъ, ²⁸ и, вмѣсто «ряда», поставилъ вполнѣ бессмысленно «наряда» (порядка, тишины), словно Новгородцы за то вознегодовали и возстали на Давыда и его отца, что Князья эти не умѣли держать ихъ въ повиновеніи, и тѣмъ давали потачку народнымъ смутамъ. Въ другомъ мѣстѣ (подъ 1161 г.) Софійскій сводщикъ не счелъ нужнымъ воспроизвести въ точности реченія, которымъ древній лѣтописецъ Новгородскій отгѣнилъ характеръ одного изъ тѣхъ соглашеній, въ какія нерѣдко по поводу Новгорода и въ ущербъ ему вступали между собою Князья различныхъ линій: случилось, что Князь вводился на Новгородскій столъ не на основаніи «ряда» съ гражданами, а на всей своей волѣ, въ слѣдствіе сдѣлки между старшими вліятельнѣйшими Князьями. Но подобной сдѣлки или стачки о Новгородѣ помимо Новгорода (какъ бы *de nobis sine nobis*) лѣтописецъ свободной общины не счелъ бы за правильный «рядъ;» по тому-то въ древнемъ (Синодальномъ) спискѣ и читаемъ мы извѣстіе о томъ, что Князья, Ростиславъ и Андрей, «уладились» между собою и ввели въ Новгородъ Святослава (Ростиславича); Софійскій же, не задумываясь, на мѣсто этого, не лишенаго отгѣнка насмѣшки и укоризны «уладися,» поставилъ «урядися.» Еще характеристичнѣе Софійскія перелицованія Новгородскихъ событій, когда событія приходились Суздальщинѣ, или Московщинѣ, не по душѣ. Въ большей части Софійскихъ списковъ Новгородскій рассказъ о неудачномъ походѣ Андреевой рати подъ Новгородъ (въ 1169 г.) замѣненъ крайне одностороннимъ и до негѣности пристрастнымъ рассказомъ Лаврентьевской лѣтописи, столь неумѣстно (въ описаніи пораженія и бѣгства Суздальцевъ), заканчивающимся словами: «за грѣхы (Богъ) навелъ и наказалъ (Новгородцевъ) по достоянію рукою благовѣрнаго Князя Андрея;» и даже въ тѣхъ двухъ спискахъ (Карамз.-мъ и Обол.-мъ), въ которыхъ мѣстное повѣствованіе сохранено, допущены въ немъ характеристическія урѣзки, исключены, на пр., черты, отмѣчающія стойкость и мужество Новгородцевъ. ²⁹ По поводу изгнанія Новгородцами (въ слѣд. 1170 г.) Князя Романа Мстиславича, Софійскій писатель помѣщаетъ у себя, противъ политическихъ обычаевъ Новгородскихъ, грубую и сальную выходку самага не обычнаго въ нашихъ лѣтописяхъ тона. * Въ извѣстіи подъ 1180

Сл. Н. С. Р. Лѣт. т. V, Соф. I лѣт. подъ г. 6678, стр. 164, въ разнотченіи б.

годомъ, по поводу размирья между Новгородцами и Великимъ Княземъ, Всеволодомъ Большое Гнѣздо, успѣшное для первыхъ (по тексту Синодальному) дѣло съ Суздальцами на рѣкѣ Вленѣ: «убиша ихъ Новгородьци не о трехъ стѣхъ, а сами здорови вси воротишася,» представлено по спискамъ Софійскимъ въ видѣ пораженія: «и убиша Новгородьци 300,» а вынужденное отступление Всеволода выставляется какъ подвигъ Христіанскаго благосердія. Но самыя замѣчательныя изъ Софійскихъ разночтеній мы видимъ подъ 1255 г., въ разсказѣ объ изгнаніи Новгородцами Князя Василя Александровича и возникшихъ въ слѣдъ за тѣмъ препирательствъ съ отцомъ Василя, знаменитымъ Невскимъ витяземъ, и подъ г. 1314 въ извѣстіи о размирьѣ Новгородцевъ съ Дмитріемъ Александровичемъ Тверскимъ и призваніи на столъ Князя Юрія Даниловича Московскаго. Въ первомъ эпизодѣ выступаютъ на сцену дѣйствій въ Новгородѣ соперничающія партіи «вячшихъ» или «лучшихъ» людей и «меньшихъ.» Вячшіе стоятъ за Князя Александра и его сына, меньшіе или черныя превозмогли на вѣчѣ, показали путь Василю, и призвали изъ Пскова брата Александра, Князя Ярослава Ярославича. Александръ, отстаивая права сына, выступилъ ратью полъ Новгородъ; Князь Ярославъ бѣжалъ. Но Новгородцы, съ Посадникомъ Онаньею, выставили противъ Суздальцовъ полки свои, конный и пѣшій. Ожидали, что Александръ потребуеъ выдачи своихъ вороговъ. Тогда меньшіе створили вѣче у Св. Николы, цѣловали другъ къ другу крестъ: «всѣмъ стати за одинъ, либо животъ, либо смерть, за правду Новгородскую, за свою отчину.» Въ такихъ вырѣженіяхъ содержаніе вѣчеваго приговора передано древнимъ лѣтописцемъ; въ Софійскомъ же пересказѣ съ этого уже мѣста начинаются искаженія, слова «за свою отчину» выпущены не спроста: Новгородъ и земля Новгородская, съ точки зрѣнія Московско-Новгородскаго писателя, были «исконными отчинами Князей», а не народа... Далѣе, по свидѣтельству Синодальнаго списка, вячшіе задумали воспользоваться обстоятельствами на тотъ конецъ, чтобы устроить Новгородское

Выходки этой недостаетъ въ спискахъ Карамъ.-мъ и Обол.-мъ, отличающихся вообще меньшею враждебностію къ Новгороду и большею внимательностію къ явленіямъ внутреннимъ, преимущественно церковной его жизни. Словно редактировалъ ихъ, хотя и подъ диктовку Москвы, природный Новгородецъ.

правительство по своему хотѣнію, въ видахъ своей партіи: «бысть въ вятскихъ совѣтъ воля, яко побити меншии, а Князя въвести на своей волѣ;» но Софійскій искажитель древняго Новгородскаго текста на свой ладъ воспроизвелъ эти слова: «бысть же въ вятскихъ совѣтъ благъ;» сказано у него, «яко побѣдити меншиа, а Великаго Князя ввести на всей его волѣ;» о чемъ Новгородцы ни той, ни другой, партіи, безъ сомнѣнія, и не думали. Когда предводитель вятскихъ, Михалко Степановичъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ Новгородскихъ гражданъ, сынъ, внукъ и правнукъ Посадниковъ, бѣжалъ изъ города къ Юрьеву монастырю съ тою цѣлю, какъ не со всемъ ясно сказано въ лѣтописи, чтобы своимъ полкомъ ударить на меньшихъ (надо думать, что Михалко хотѣлъ увлечь за собою стоявшихъ у церкви Рождества конниковъ, въ числѣ коихъ служили богатые люди, и съ ними напасть на пѣшую чернь, что стала противъ Городища), и когда Князь Александръ послалъ на вѣче своего Боярина съ требованіемъ выдать ему, Онанью, то Новгородъ спасла отъ большой бѣды лишь мужественная стойкость меньшихъ и благоразумная умѣренность Посадника Онаньи. Отсутствіе при этомъ имени отчества показываетъ въ Посадникѣ « homo novus,» а вражда требовавшихъ его смѣщенія оптиматовъ—главнаго руководителя меньшихъ. Онанья своимъ вліяніемъ на народъ остановилъ чернь, бросающуюся было грабить дворы «крестопреступниковъ;» къ Михалку же тайно послалъ, обратно, для переговоровъ, какого-то Якуна, и хотя лѣтописецъ ничего не говоритъ объ исходѣ посольства, мы тѣмъ не менѣе въ правѣ догадываться, что послѣдствія этого важнаго шага были для Новгорода благоприятны: по тому ли, что посланецъ склонилъ честолюбиваго Боярина отстать отъ своего преступнаго намѣренія, по тому ли, что Михалко не обрѣлъ себѣ пособниковъ, такихъ же дѣятельныхъ и рѣшительныхъ, какъ онъ самъ, или же по другимъ причинамъ во всякомъ случаѣ не видно, чтобы Михалкомъ и сторонниками его, вятскими, приступлено было къ исполненію измѣнническаго замысла. А между тѣмъ весь расчетъ Александра основывался на предвидѣніи междоусобія въ самомъ Новгородѣ: когда къ нему прибыли послы, Владыка Далмать и Тысяцкій Клинь, съ поклономъ и съ Новгородскимъ словомъ, то Князь принялъ и отпустилъ ихъ немилостиво, по прежнему настаивая на выдачѣ Онаньи схватить послѣдняго входило также въ виды Михалковой, предачной Великому Князю, партіи. Но граждане крѣпко стали за свою правду; три дня Князь Алек-

сандръ тщетно прождалъ изъявленія покорности, въ четвертый рѣшился на уступку: «Пусть Онанья посадничества лишится, а я вамъ гнѣва отдамъ».... «И лишися (т. е., отрекся) посадничества Онанья,» сказано далѣе въ древней Новгородской лѣтописи, «и миръ взяли на всей Новгородской волѣ.» Въ Софійской не только ничего не говорится о добровольномъ отреченіи Онаньи, но тщательно опущена черта, что миръ состоялся по Новгородскому хотѣнію. Въ другомъ эпизодѣ, подъ г. 1314, Новгородскимъ столомъ править Князь Михаилъ Ярославичъ Тверской, на Городищѣ сидятъ его Намѣстники. Но Михаилъ поѣхалъ въ Орду за ярлыкомъ отъ новаго Хана, Узбека, на Владимирское Великое Княженіе. Въ отсутствіе Князя, недовольныя правленіемъ его Намѣстниковъ, Новгородцы стакнулись съ соперникомъ Михаила, Юріемъ Даниловичемъ Московскимъ. И вотъ съ Москвы отъ Юрія пріѣзжаетъ въ Новгородъ Князь Федоръ Ржевскій. Намѣстниковъ Тверскаго Князя хватаютъ, сажаютъ за Приставы на Владычинъ дворъ. Съ Тверью размирье: Новгородцы съ Княземъ Федоромъ идутъ на Волгу пустошить Тверскую волость, на встрѣчу имъ выступаютъ Тверичи съ Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ. Что же далѣе? По древнему Новгородскому (Синодальному) списку Новгородцы «докончаша съ Дмитріемъ миръ и послаша по Князя Юрья (который, хотя въ сущности уже княжилъ и Намѣстника своего, Ржевскаго, держалъ въ Новгородѣ, но за размирьемъ не былъ еще торжественно возведенъ на Новгородскій столъ); звали же Юрья «на всей Новгородской волѣ;» а предъ великимъ заговеньемъ пріѣхалъ Князь Юрій въ Новгородъ на столъ съ братомъ Аванасемъ, и «ради были Новгородцы своему хотѣнію». Не совсемъ такъ происходило дѣло по свидѣтельству списковъ Софійскихъ: «на всей волѣ Новгородской» состоялся, согласно тѣмъ спискамъ, не новый «рядъ» со вновь избраннымъ Княземъ, Юріемъ, изъ линіи Московскихъ владѣтелей, а мирный договоръ послѣ размирья съ сосѣдственнымъ Княземъ, Дмитріемъ Тверскимъ; да и по поводу пріѣзда въ Новгородъ Князя Юрія въ Софійскомъ текстѣ ничего не сказано о томъ, что Новгородцы были «рады своему хотѣнію,» словно тутъ о хотѣніи ихъ не было, и не могло быть, рѣчи. Я назвалъ эти два примѣра Софійскихъ искаженій самыми замѣчательными на томъ основаніи, что въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отразились Московскія представленія о характерѣ отношеній, какъ взаимныхъ между различными Новгородскими партіями, такъ и каждой партіи къ Великимъ Князьямъ, а также Мос-

ковскія понятія о значеніи особенностей древне-Новгородскаго политическаго строя. Вліяніе Суздаля, а за тѣмъ Москвы, опиралось въ Новгородѣ на партію вѣчшихъ, преимущественно богатыхъ купцовъ, производившихъ торгъ на Низу: добрыя отношенія къ Сѣверо-Восточной Руси были для этого разряда Новгородскихъ гражданъ самымъ жизненнымъ вопросомъ. Но вѣчшіе были такіе же Новгородцы, какъ и меньшіе: унаслѣдованный отъ отцовъ и дѣдовъ распорядокъ родной земли былъ дорогъ первымъ столько же, сколько и послѣднимъ,—явленіе тѣмъ болѣе понятное, что на часть вѣчшихъ естественно выпадала въ Новгородскомъ обществѣ и государствѣ самая значительная доля вліянія и власти. Какой ни будь Михалко Степановичъ очевидно хлопоталъ о томъ, чтобы, съ помощію Суздальцевъ, утвердить въ Новгородѣ преобладаніе аристократической партіи, средствами же партіи свое личное значеніе и господство. Подобныя побужденія для дѣятелей и ихъ дѣлъ какъ нельзя болѣе сродны внутреннему, свободному теченію политической жизни въ обществахъ, подобныхъ Новгородскому: они нашли себѣ достаточно внятнѣйшій отголосокъ въ древнемъ памятникѣ Новгородскаго лѣтописанія. Но побужденія эти до такой степени чужды позднѣйшей, Московскимъ духомъ навіянной, Софійской переработкѣ древле-Новгородскаго временника, что самыя названія партій, «вѣчшихъ и меньшихъ» утратили въ ней свой первоначальный смыслъ: «меньшіе» — это буйная, непокорливая, мятежная, чернь, враждебная Князю по тому, что ей ненавистенъ всякій твердый порядокъ; «вѣчшіе, —» это благоразумные, благомыслящіе, граждане, тѣ, что держатъ «совѣтъ благъ» и сознательно стремятся къ утвержденію власти и порядка въ глубоко потрясенномъ обществѣ на единственно прочныхъ, по Московскимъ понятіямъ, началахъ, на всей волѣ Князя-Государя. Еще болѣе преднамѣренными и съ извѣстнымъ направленіемъ (такъ какъ они насквозь проникнуты стремленіями мгновения, въ которое возникли) представляются Софійскія искаженія въ другомъ изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Юрій былъ первый Московскій Князь, что вступилъ къ Новгороду въ прямыя непосредственныя отношенія, и былъ онъ при томъ не только Княземъ на всей Новгородской волѣ, но Княземъ въ слѣдствіе народнаго движенія, ниспровергнувшаго власть его предшественника. Таково было первое сближеніе Москвы съ Новгородомъ. Два вѣка спустя, когда знаменитѣйшимъ изъ Князей Московскаго Дома въ конецъ были «разорены Новгородскіе обычаи», такое, какъ сказали бы въ наше время, «революціонное»

начало этихъ отношеній не могло быть съ руки Мосновскимъ политикамъ: отсюда стремленіе по возможности замаскировать это начало, эту неудобную связь «Новгородской воли» съ именемъ Новгородскаго и Московскаго Князя, Юрія; отсюда, подмѣченная въ Софійскомъ текстѣ, попытка приурочить эту «волю» къ имени Дмитрія Тверскаго, и тѣмъ самымъ, если можно такъ выразиться, перенести ее изъ запретной сферы Государственнаго права въ безразличную, или даже наиболѣе пригодную для нея, область права Международнаго, такъ какъ Юрій, законный Новгородскій князь, конечно, и по Московскимъ понятіямъ обязанъ былъ по-сильно блюсти Новгородскую правду, Новгородское хотѣнье въ мирныхъ докончаніяхъ съ сосѣдями. И не въ однихъ только эпизодахъ съ Невскимъ и съ Юрьемъ Московскимъ Софійскій текстъ, перифразируя древній Новгородскій, тщательно выбрасываетъ за край изъ рассказовъ о сношеніяхъ Новгорода съ Князьями всякіе намеки на ряды, на случаи Новгородскаго хотѣнія: примѣры такихъ пропусковъ нерѣдко, преимущественно въ извѣстіяхъ XIII и XIV столѣтій. * Прибавимъ къ сему нѣкоторыя другія особенности Софійскихъ списковъ за характеризуемый періодъ (1116-й по 1383-й), на пр., крайне рѣдкое упоминаніе внутреннихъ Новгородскихъ событій, какъ-то смѣна Посадниковъ и Тысяцкихъ и т. под., или же излюбленный писателями приемъ, заключающійся въ какомъ-то притворномъ невѣдѣніи особенностей Новгородскаго быта и въ произвольной замѣнѣ почина Новгородскаго починомъ Княжескимъ: ** и мы, по тщательномъ сличеніи всего этого отдѣла Софійской лѣтописи съ уцѣлѣвшимъ Синодальнымъ отрывкомъ, составимъ себѣ приблизительное понятіе о томъ, въ какой степени Софійскій сводчикъ выполнилъ свою частную задачу, состоявшую въ передѣлкѣ на Московскій

* Сл. подъ г. 6787 по Синод. списку (Новгор. I): «Испроси Князь Дмитрій у Новгорода поставити городъ Копорью, шедъ самъ и сруби и», съ Соф. В. «Кн. Дмитрій Александровичъ сруби городъ Копорію.» Далѣе, подъ г. 6791 (Новгор. I):... «сътвориша миръ (Новгородци съ Дмитріемъ) на всей волѣ Новгородской;» послѣднихъ словъ нѣтъ въ Софійскихъ спискахъ. Подъ г. 6840: «Князь Иванъ (Калита) приде изъ Орды и възверже гнѣвъ на Новгородъ...; «и взя Торжекъ и Бѣжичскій Верхъ, чрезъ крестное цѣлованіе.» Въ Софійскомъ текстѣ послѣднихъ словъ недостаетъ.

** Сл. Новг. I лѣт. съ Соф. I (т. III и V Полв. Собр. Р. Лѣт. подъ гг. 6797 и 6832.

ладъ всего Новгородскаго прошлаго. И едва ли, по таковомъ сличеніи, не прійдемъ мы къ выводу, что весьма небольшое осталось бы въ памяти исторіи отъ помянутаго прошлаго, если бы случайно не сохранился Синодальный текстъ древней Новгородской лѣтописи. Ибо въ спискахъ Софійскихъ мы очевидно стоимъ лицомъ къ лицу не съ самостоятельными сказаніями, а съ тщательнымъ подборомъ пригодныхъ, для извѣстной сводщику цѣли, лѣтописныхъ отмѣтокъ, и съ преднамѣренною перетасовкой отдѣльных чертъ въ древнихъ разсказахъ. Спрашивается: какой смыслъ и какое значеніе могли бы представлять подобныя перелицованія, если бы, послужившіе для нихъ матеріаломъ, древніе Новгородскіе тексты не были самыми виновниками искаженій обречены на уничтоженіе? Развѣ тексты эти, если бы они были сохранены, не должны были пріобрѣсти значеніе уликъ противъ искажителей? И не отъ того ли, что преднамѣренное истребленіе древнихъ Новгородскихъ писемъ дѣйствительно имѣлось въ виду, и что къ нему было приступлено, не отъ того ли изъ числа всѣхъ памятниковъ древняго Новгородскаго лѣтописанія, случайно уцѣлѣлъ одинъ только Синодальный списокъ, тогда какъ списки Софійскіе сохранились во множествѣ? ³⁰

За утратою начальныхъ годовъ Синодальной рукописи мы лишены возможности произвести для періода до 1016-го, или даже до 1116-го года (такъ какъ первыя сто лѣтъ помянутаго списка содержатъ лишь самыя краткія отмѣтки), такое же сличеніе между позднѣйшею Софійскою лѣтописью и древнимъ Новгородскимъ повѣствованіемъ, какое мы пытались сдѣлать для періода съ 1116-го по 1333-й годъ. Тѣмъ не менѣе, съ помощію нѣкотораго домысла и немногихъ осторожныхъ наведеній, мы въ состояніи указать на нѣкоторые примѣры перелицований и за предшествующую пору. Тѣ краткія отмѣтки, коими открывается для насъ Синодальный списокъ, имѣютъ, по крайней мѣрѣ, ту цѣну, что намекаютъ на существованіе лѣтописнаго дѣла въ Новгородѣ въ XI вѣкѣ и въ началѣ XII-го; сверхъ того мы имѣемъ положительное свидѣтельство нѣкоторыхъ списковъ о весьма раннемъ началѣ Новгородскаго лѣтописанія, а одно изъ тѣхъ свидѣтельствъ восходятъ до поры, современной насажденію въ Сѣверной области Христіанской Вѣры. ³¹ По этому трудно допустить, чтобы за весь начальный періодъ до 1116-го года не существовало въ древности иныхъ лѣтописныхъ сказаній Новгородскаго происхожденія,

помимо отрывочныхъ извѣстій Синодальной рукописи, да еще немногихъ, по другимъ лѣтописямъ разсѣянныхъ, извѣстій и отмѣтокъ. Нельзя при томъ не признать подобнаго же характера краткихъ погодныхъ записокъ и за остальною, начиная съ 1116 го года, Новгородскою лѣтописью по списку Синодальному, такъ какъ записанныя въ немъ извѣстія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ имѣютъ значеніе связныхъ и обстоятельныхъ разказовъ: подробно назвали мы эту часть Новгородскаго временника лишь по сравненію съ его (сохранившимся) началомъ. Лѣтописныя повѣствованія, въ родѣ тѣхъ, которыя занесены въ тексты Лаврентьевскій и Ипатскій, безъ сомнѣнія, велись и въ Новгородѣ и, по нѣкоторымъ признакамъ, внутреннимъ и вѣшнымъ, мы имѣемъ, кажется, право допустить предположеніе, что въ составъ «Сильвестровой» Повѣсти вошелъ, по крайней мѣрѣ, одинъ отрывокъ подробнаго Новгородскаго повѣствованія: подробный и исполненный драматизма разказъ о событіяхъ, скупивающихся вокругъ знаменитой битвы при Колакшѣ (въ 1096 г.), въ послѣдствіи одного изъ самыхъ славныхъ воспоминаній Новгородскаго прошлаго, воспоминанія, гражданае которымъ гордились и на которое при случаѣ любили ссылаться. Въ краткомъ Новгородскомъ лѣтописцѣ (по Синодальному списку) относящееся сюда извѣстіе передано такими словами:.... «Въ то же лѣто, зимѣ, побѣди Мстиславъ съ Новгородцы Ольга на Кулацыкѣ, въ великое говѣніе.» Тоже самое слышится въ разказѣ «Повѣсти,» въ подробномъ повѣствованіи борьбы изъ за удѣловъ между Владиміромъ Всеволодовичемъ Мономахомъ и его двоюродными братьями, Святославичами, преимущественно съ Олегомъ. Новгородское происхожденіе этого разказа явствуетъ уже изъ того, что Новгородцамъ съ Княземъ ихъ, Мстиславомъ Владимировичемъ, приписывается самое дѣятельное и рѣшающее участіе въ борьбѣ,—рѣшающее не только въ смыслѣ матеріальной силы, которую Новгородцы своимъ вѣпательствомъ придали сторонѣ Мономаховой, но и въ значеніи нравственной, двигающей силы, такъ какъ многія событія, и въ особенности заключительный конецъ этой войны, дѣлаются вполне понятными только съ точки зрѣнія Новгородскихъ выгодъ. Кромѣ того въ самомъ текстѣ сказанія содержится довольно явственный вѣшній признакъ, пріурочивающій его къ Сѣверному городу. Я разумью заключительныя слова: «Мстиславъ поиде Новгороду, въ свой градъ, молитвами преподобнаго Епископа Никиты,» слова съ такимъ очевидно мѣстнымъ значеніемъ и колоритомъ, что они едва

ли могли быть первоначально записаны не въ Новгородѣ и не Новгородцемъ. Но самое важное въ этомъ отношеніи мгновение составляютъ нѣкоторыя другія особенности повѣствованія, столь рѣзко отличающагося своимъ тономъ отъ остальныхъ, вошедшихъ въ составъ «Повѣсти», матеріаловъ: крайне рѣдкій въ нашихъ временникахъ, независимый и нелицепріятный, судъ лѣтописца надъ дѣяніями Князей, друзей и недруговъ, надъ высокоумными Олегомъ, котораго онъ, по поводу гордаго отказа ити въ Кіевъ «на порядъ, предъ Епископы и предъ Игумены, и предъ мужи... и предъ людьми градскими», укоряетъ «за смыслъ буй и словеса величавы,» и надъ самимъ Владимиромъ, въ лицѣ его сына. Изяслава, порицаемаго за несправедливый захватъ Ольговой отчины, Муромъ; сюда же относятся повѣствовательныя приемы писателя: Княжья дума, Княжій починъ, не заслоняютъ у него думы и почина народыхъ; Смольняне, Муромцы, Суздальцы, Ростовцы являются какъ самостоятельныя земскія силы, съ ихъ сочувствіями и несочувствіями, съ ихъ вѣчами и приговорами, * избранный и любимый народомъ, молодой Новгородскій Князь, выступаетъ въ походъ, «съдумавъ съ Новгородци,» и, побѣдивъ Олега на Колакшѣ, «мирится», помимо Князя, съ его подданными: Рязанцами, Муромцами, между тѣмъ какъ бездомный вождь кочевой дружины, Олегъ, покуда держитъ верхъ въ землѣ Ростовской, умѣетъ только «омирать» людей, у однихъ отнимая достояніе, у другихъ свободу. Самая умѣренность Мстислава-побѣдителя по отношенію къ побѣжденному Олегу, посредничество Новгородскаго Князя отъ своего и отъ имени мужей Новгородскихъ ** за бывшаго Черниговскаго предъ отцомъ своимъ, Мономахомъ, обѣщаніе возвратитъ отнятыя волости, наконецъ статьи Любецкаго договора, такъ неожиданно благоприятныя для Святославичей, объясняются прежде

* «Олегъ приде Смолинску и не пріаша его Смольняне» (П. С. Р. Д. т. I, стр. 98). «Олегъ вниде въ городъ Муромъ, и пріаша ѿ горожане... Суздальци дашася ему... Ростовци в дашася ему.» (Олегу. Тамъ же, стр. 108).

** «Азъ (Мстиславъ) съ дружиною пошлю къ отцу» и т. д. Въ Новгородѣ дружина издавна приобрѣла характеръ болѣе чѣмъ въ остальныхъ Княжествахъ земскій, осѣдлый: еще Ярославъ, говоря о нарочитыхъ мужахъ Новгородскихъ, называлъ ихъ дружиною, и въ настоящемъ случаѣ рѣчь Мстислава къ Олегу означала что за него вступятся предъ Мономахомъ не только онъ, Мстиславъ, но и дружина, то есть, нарочитые Новгородцы.

всего Новгородскими вліяніями: такъ и въ послѣдующія времена потомки бойцовъ при Колакшѣ дорожили найиаче двумя, равно для нихъ важными, условіями Русскаго быта,—миромъ и нарядомъ въ Русскихъ областяхъ, какъ условіемъ своего благосостоянія чрезъ развитіе торговли, и равновѣсіемъ силъ между различными вѣтвями Рюрикова Дома, какъ условіемъ своей независимости и внутренней свободы. Что жъ стало изъ этого повѣствованія, на которомъ такъ явственно запечатлѣлась Новгородская рука, подъ рукою Софійскаго сборщика? Намъ поражаетъ краткость Софійскаго извѣстія, по сравненію съ тѣмъ древнѣйшимъ, да еще то обстоятельство, что Новгородцы упомянуты въ числѣ побѣдителей Ольга Святославича только за урядъ съ Ростовцами и Бѣлозерцами. Битва при Колакшѣ утвердила за Мономаховымъ племенемъ обладаніе Русскимъ Сѣверовостокомъ, и это ближайшее слѣдствіе ея, столь важное, по своимъ отдаленнымъ послѣдствіямъ, и въ концѣ концовъ для Новгорода столь гибельное, было достигнуто благодаря преимущественно мужественнымъ усиліямъ самихъ же Новгородцевъ; но Софійскій лѣтописецъ счелъ за нужное умалить значеніе подобной заслуги Новгорода предъ Мономахомъ и его потомствомъ. Припомнимъ, что въ годину расчетовъ между Новгородомъ и Москвою, пресловутый Дьякъ Степанъ точно также умолчалъ о Новгородскомъ радѣніи Князьямъ. Да и помимо сказанія о войнѣ Ольга Святославича съ Мстиславомъ Владимировичемъ видны въ текстѣ начальной Софійской лѣтописи слѣды искаженій: выше, въ другой связи, нами уже было указано на самый крупный подобный примѣръ въ Софійскомъ повѣствованіи о Любецкомъ боѣ.

Выше же было замѣчено, что Софійскій и другіе позднѣйшіе своды, составныя части коихъ въ значительной долѣ состоятъ на лицо, даютъ намъ отчасти ключъ къ уразумѣнію тѣхъ приемовъ, къ которымъ вообще прибѣгали наши сводчики при выборкѣ изъ древнѣйшихъ памятниковъ лѣтописнаго матеріала. Когда вычитанныя такимъ сводчикомъ въ его источникахъ древнія повѣствованія содержаніемъ своимъ не подавали повода къ преднамѣреннымъ искаженіямъ, то способъ заимствованій отличался нерѣдко крайнею простотою и незамысловатостію приемовъ. Примѣръ тому мы видимъ въ Софійской передачѣ сказаній, касающихся хода Любецкой битвы; ибо умышленныя перелицованія Софійскаго спасителя относятся не столько къ событіямъ самаго

сраженія (выиграннаго Ярославомъ, какъ по Новгородскимъ, такъ и по Кіевскимъ, преданіямъ), сколько къ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ боя. По этому въ описаніи сѣчи у Софійскаго лѣтописца никакой преднамѣренности не видно; состоитъ же оно изъ ряда отдѣльных предложеній, взятыхъ то изъ древняго Новгородскаго, то изъ древняго Кіевскаго, текстовъ и какъ бы сшитыхъ вмѣстѣ или низанныхъ на одну и ту же нить безъ большой послѣдовательности и даже не безъ повторенія нѣкоторыхъ, по содержанію между собою сходныхъ, хотя и различныхъ по выраженію, частностей. * Но если въ данномъ случаѣ нельзя обвинить сводщика въ умышленномъ искаженіи текстовъ, то нельзя также отрицать и того, что излюбленный имъ способъ записыванія и сопоставленія древнихъ извѣстій могъ бы какъ нельзя лучше пригодиться и для иныхъ, съ точки зрѣнія исторической правды, менѣе безобидныхъ цѣлей: мы видѣли, на какую потребу этотъ же самый способъ, точно такія же шивки Новгородскихъ и Кіевскихъ (второй руки) сказаній, и по поводу все того же, къ Любецкому столкновенію примыкающаго, ряда событій, употреблены въ дѣло сводщикомъ текста Академическаго, гдѣ задача компилятора состояла не во взаимномъ пополненіи одного текста другимъ, а въ подборѣ ихъ съ предвзятою мыслию... Здѣсь, по поводу новаго упоминанія о Любецкомъ боѣ, мы принуждены высказаться въ немногихъ словахъ на счетъ тѣхъ побужденій, въ слѣдствіе коихъ такъ часто въ предлагаемомъ изслѣдованіи возвращаемся все къ тому же событію, стараясь по возможности освѣтить его съ различныхъ сторонъ. Дѣло въ томъ, что едва ли за весь древній періодъ Русской исторіи можно указать на иной рядъ событій съ значеніемъ, равнымъ борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ, и при томъ на такой, въ лѣтописной передачѣ коего сказала бы съ равною силою, присущая столь многимъ изъ нашихъ лѣтописей, склон-

* П. С. Р. Л-й, т. V, Соф. I лѣт., стр. 131: «Въ л. 6524. Приде Ярославъ...» и такъ далѣе какъ въ Кіевской «Повѣсти,» съ незначительными разночтеніями до словъ... «съ бояры своими» (въ Новгор. «съ дружиною своею»). Далѣе какъ въ Новгор. л.: «и нача Днѣпръ меравути (выше, согласно съ Новгор., уже сказано было, «бѣ бо въ заморозъ») до словъ: «яко въ ночь велить сѣщися.» За тѣмъ: «Ярославъ заутра»... какъ въ «Повѣсти,» до словъ... «противу собѣ (на сѣчу).» Въ слѣдъ за тѣмъ: «И рече Ярославъ...» какъ въ Новгор. до словъ... «повивайте главы свои убрусомъ.» Заключ. опять словами «Повѣсти:» И съступишася на мѣстѣ... до: «сѣде Киевѣ на столѣ.»

ность къ произвольному обращенію съ источниками. Сравнительно мы знаемъ довольно многое объ этихъ происшествіяхъ, но послѣдовательная между ними связь, благодаря недомолкамъ и искаженіямъ, въ лѣтописяхъ сохранившихся, для насъ еще менѣе ясна, чѣмъ относительно другихъ событій, подробности коихъ даже и вовсе не извѣстны. При этомъ достойно замѣчанія, что краткія Новгородскія отмѣтки Синодальнаго списка, при всей скудости, содержатъ въ себѣ нѣсколько дополнительныхъ къ «Сильвестровскому» повѣствованію чертъ; то же самое слѣдуетъ замѣтить о нѣкоторыхъ отмѣткахъ Софійскаго списателя, находящихся у него въ излишкѣ противъ древнѣйшаго текста «Повѣсти» и почерпнутыхъ, вѣроятно, изъ источниковъ Новгородскихъ. Извѣстія эти, хотя частію противорѣчатъ «Повѣсти», тѣмъ не менѣе заслуживаютъ полного довѣрія, такъ какъ они подтверждаются и уясняются свидѣтельствами иностранныхъ повѣствователей (по счастью, имѣющихся на лицо для этой поры повѣствователей, отчасти вполне современныхъ, на пр., Титмара, отчасти же такихъ, что пользовались донесшимися изъ глубокой древности сказаніями (Скандинавскими). Такъ, извѣстіе Синодальнаго списка, что Святополкъ, послѣ Любечскаго боя бѣжалъ къ союзникамъ своимъ, Печенѣгамъ, а не къ Ляхамъ, какъ сказано въ «Повѣсти», поддерживается разсказомъ Саги объ Эймундѣ, одномъ изъ Норманскихъ витязей Ярослава, съ тою только разницею, что, незнакомые древнимъ Скандинавамъ, Печенѣги, обозначены въ Сагѣ подъ громкимъ и столько же знаменитымъ на Сѣверѣ, сколько неопредѣленнымъ, названіемъ Біармійцевъ. Съ этими-то Біармійцами (Печенѣгами Новгородской лѣтописи) Святополкъ, сказано въ Сагѣ, приступилъ къ «городу Ярослава» вскорѣ послѣ того, какъ послѣдній «сталъ владѣть обоими Царствами». Два царства въ текстѣ Саги суть, безъ сомнѣнія, Новгородъ, прежній удѣлъ Князя Ярослава, и Кіевъ, гдѣ онъ сѣлъ послѣ Любеча; городъ же, который осаждали и предъ которымъ потерпѣли пораженіе союзники Святополка, по всей вѣроятности, тотъ же Кіевъ, о чемъ мы съ полною достовѣрностію узнаемъ изъ современнаго Нѣмецкаго лѣтописца, Титмара. Послѣдній былъ около того времени Епископомъ въ Межиборѣ (Мерзебургѣ) стоялъ близко ко двору своего родича, Римско-Нѣмецкаго Императора Генриха II, и былъ посвященъ во многія тайны тогдашней политики: свѣдѣнія о Руси при Владимирѣ и Ярославіи занесены имъ въ свою хронику по поводу составившагося союза противъ Польскаго Короля, Болеслава, меж-

ду Кіевскимъ Княземъ и Императоромъ. Въ Октябрѣ, 1017 года, спустя полгода послѣ Любецкой битвы, Ярославъ, по словамъ Титмара, предпринялъ, во исполненіе даннаго Генриху обѣщанія, походъ въ Польшу, приступилъ къ какому-то Польскому городу, но, не взявши его, принужденъ былъ отступить во своя си; я усматриваю неясный слѣдъ этого событія въ извѣстіи Новгородскаго лѣтописца подъ тѣмъ же 6525 (1017) годомъ: «Ярославъ иде къ Берестію». Тогда-то, въ скоромъ времени по возвращеніи Ярослава изъ Польскаго похода, ²⁸ Печенѣги, по уговору Поляковъ, стали осаждать Кіевъ, много падѣлали зла, пожарами истребили часть города, но не одолѣли отчаяннаго сопротивленія гражданъ. Это, безъ сомнѣнія, то же самое событіе, на которое указываетъ Эймунова Сага, говоря о походѣ Біармійцевъ, и о которомъ повѣствуетъ Софійская лѣтопись подъ тѣмъ же 6525 (1017) годомъ: «Пришли Печенѣги къ Кіеву, и сѣча была у Кіева: едва къ вечеру одолѣлъ Ярославъ Печенѣговъ, и бѣжали они, посрамленные. Ярославъ же заложилъ великій градъ Кіевъ, и золотыя врата и церковь Святыя Софіи». Предпринятая Княземъ постройки должны быть разсматриваемы какъ послѣдствія тѣхъ пожаровъ, что не только, по свидѣтельству Титмара, причинены были Печенѣжскимъ набѣгомъ, но и по словамъ нашей древнѣйшей «Повѣсти» (не вѣдающей про набѣгъ) истребили въ тотъ годъ Кіевскія церкви. Въ «Повѣсти» очевидно что-то пропущено: по соображенію же всѣхъ, какъ своихъ, такъ и чужихъ, извѣстій, слѣдуетъ, кажется, допустить, что Святополкъ послѣ Любеча бѣжалъ сначала къ Печенѣгамъ; что, въ его интересѣ и въ слѣдствіе подстрекательства со стороны Польскаго Короля, раздосадованнаго вмѣшательствомъ Ярослава въ распрю его съ Генрихомъ II, былъ предпринятъ Печенѣгами ихъ первый походъ подъ Кіевъ, и что лишь въ слѣдъ за новою неудачей, изгнанный Кіевскій Князь прибѣгнулъ къ помощи своего Польскаго тестя. Но для нашей цѣли не столько важно установленіе, на основаніи Русскихъ и иностранныхъ источниковъ, достовѣрнаго преданія (традиціи), сколько указаніе въ нашихъ лѣтописныхъ памятникахъ явственныхъ слѣдовъ двойнаго повѣствованія объ этихъ событіяхъ двухъ вполне самостоятельныхъ сказаній. Въ одномъ изъ этихъ сказаній—Кіевскомъ, дошедшемъ до насъ въ изводѣ древнѣйшихъ текстовъ «Повѣсти», опущены самыя существенныя обстоятельства изъ полуторогодового промежутка, истекшаго между битвою подъ Любичемъ и бѣгствомъ Святополка въ Польшу; отъ втораго—же, Новгород-

скаго, сохранились одни только клочки въ отрывкѣ, съ котораго начинается уцѣлѣвшая часть Синодальнаго списка, и въ отрывочныхъ же извѣстіяхъ, помѣщенныхъ подъ г. 6525 (1017), какъ въ помянутой рукописи, такъ и въ спискахъ Софійскихъ: въ послѣднихъ, сверхъ того, свѣдѣнія, почерпнутыя изъ древнихъ Новгородскихъ временниковъ, примкнуты на угадъ и съ нарушеніемъ хронологіи, къ тексту начальной (Кіевской) лѣтописи, первый походъ Печенѣговъ подъ Кіевъ къ побѣгу ихъ союзника «въ Ляхы»... Данныя, которыми располагаетъ современный изслѣдователь, недостаточны для того, чтобы вполне удовлетворительно объяснить подобныя умолчанія. Нѣкоторыя изъ такихъ умолчаній произошли, быть можетъ, въ слѣдствіе случайной ошибки писателя, на пр., въ слѣдствіе неправильнаго перемѣщенія лѣтописныхъ извѣстій изъ одного года въ другой. Такъ, въ «Повѣсти» рассказъ о нападеніи Печенѣговъ изъ 1017-го года перенесенъ въ 1036-й; съча съ ними происходила, согласно «Повѣсти,» на полѣ, внѣ града, «идѣ же стоитъ нынѣ Святая Софія, Митрополя Русская,» и самое основаніе послѣдней приурочивается къ г. 1037-му, хотя, поболѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ лѣтописей Новгородской и Софійской, закладка храма должна быть отнесена къ порѣ 1017 года. Подобныя перестановки не рѣдкость въ нашихъ лѣтописяхъ; но далеко не всякій разъ перестановки и умолчанія и другія искаженія могутъ быть объяснены случайными недоразумѣніями писателей, по отношенію же къ событіямъ 1015 по 1019 гг., всѣ эти крупныя и мелкія погрѣшности «Повѣсти временныхъ лѣтъ,» и отрывочность Софійскихъ извѣстій Новгородскаго происхожденія, неизбѣжно наводятъ на мысль, что здѣсь-то сведщикамъ нашихъ лѣтописей и понадобилось иное скрыть, а иное, пожалуй, и не въ томъ видѣ передать на память потомства, какъ оно въ дѣйствительности происходило. Мы обязаны по этому поводу предупредить читателя, что не только для возстановленія текстовъ, но и для полнаго уразумѣнія связи между ихъ уцѣлѣвшими обломками, мы располагаемъ лишь весьма немногими, и при томъ сомнительными, или же обыкновенно выдаваемыми за сомнительныя, данными, да въ добавокъ еще двумя, тремя, повелительно просящимися подъ перо изслѣдователя догадками. Мы читаемъ, на пр., въ начальной «Повѣсти», что Ярославъ выступилъ въ походъ свой противъ Святополка, какъ мститель за убіеніе братьевъ Бориса, Глѣба, Святослава, но убійца ихъ, Святополкъ, былъ также братъ Новгородскому Князю: и вотъ рассказъ «Повѣсти» какъ будто

тщится убѣдить насъ въ томъ, что благочестивому местнику за братоубійство не привелось бы, въ свою очередь, предстать на судъ исторіи братоубійцею же. Однажды случилось, что этотъ самый Князь, Ярославъ, поднялъ преступную брань противъ родного отца, но въ тотъ часъ, по выраженію лѣтописца, «Богъ не власть дѣи волю радости», и престарѣлый Владиміръ, разболѣвшись, умеръ до рати. Нѣчто подобное произошло, по лѣтописному сказанію, и теперь: три года длилась обильная перипетіями борьба между Святполкомъ и Ярославомъ, трижды ступились на Лѣтъ, въ дѣнь послѣдняго рѣшительнаго боя, Печенѣжскіе наемники одного брата съ земскими войми другого, наконецъ побѣда осталась за Ярославомъ, и Святополкъ бѣжалъ. На Русской почвѣ повѣствованіе застаётъ его въ послѣдній разъ у Берестья, близъ Польской границы, немощнаго, несомаго отроками на посылкахъ: страхъ обуялъ его: ему чудится, будто за нимъ поспѣваетъ погоня; гонимый Божьимъ гнѣвомъ, онъ, гдѣ-то на чужбинѣ, «между Чехи и Лехи, злѣ испроверже животь свой; есть могила его и до сего дне, исходить же отъ нея сирадь золь.» Сколько мы ни привыкли ставить на высоту историческаго значенія чуть ли не каждую строку нашего начальнаго лѣтописца, тѣмъ не менѣе едва ли, при настоящемъ положеніи исторической науки, отыщется хоть одинъ критикъ, который удовлетворился бы этимъ сказаніемъ «Повѣсти»; едва ли эта крайняя неопредѣленность, смутность разсказа и попадающіяся въ немъ черты съ мистическимъ содержаніемъ, не должны быть разсматриваемы, какъ столько же доказательствъ его недостоверности. И что это за пустыня «между Чехи и Лехи»? Чешскія ли горы, какъ полагалъ Карамзинъ? Но по этимъ горамъ проходила пограничная черта между двумя владѣніями, и никакой промежуточной области посреди ихъ не было. Давно уже было указано на тождество реченія «между Чехи и Лехи» съ шутивною Польскою поговоркою, смыслъ коей равносильна нашему «Богъ вѣсть гдѣ и какъ.» А когда человѣкъ пропадаетъ безъ вѣсти, то внезапное исчезновеніе его подастъ обыкновенно поводъ къ различнымъ слухамъ, толкамъ, разсказамъ, пересудамъ, болѣе, или менѣе, изукрашеннымъ вымыслами, или даже совсѣмъ придуманнымъ. И вотъ одинъ изъ такихъ разсказовъ, помимо извѣстнаго по лѣтописи, донесся къ намъ о погромѣ Святополка изъ сѣдой, глубокой старины. Норманнъ Эймундъ былъ, по словамъ саги, близкій къ Ярославу человѣкъ и въ ратномъ дѣлѣ и въ совѣтѣ. Разъ онъ говоритъ Ярославу: «Конца не будетъ раз-

мирю (ofridi), пока вы, оба брата, останетесь въ живыхъ.» Намекъ былъ достаточно ясенъ; не менѣе понятенъ показанъ Эймунду и отвѣтъ Князя: «Не мнѣ наущать кого бы то ни было на бой съ нимъ грудь на грудь; не стану и порицать, если оуъ будетъ убитъ.» Послѣдствіемъ разговора между Княземъ и его мужемъ было то, что Эймундъ съ товарищами схватили Святополка въ засадѣ и убили его. Повѣсть и сага (и это достойно замѣчанія), неожиданно сближаются между собою въ томъ смыслѣ, что устраненіе Святополка съ поприща его дѣяній происходитъ, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ, случаѣ, на большой дорогѣ, во время похода; въ сагѣ его влекутъ на колесницѣ, въ «Повѣстия» несутъ на носилкахъ: это какъ бы пограничное мгновение между событіемъ и вымысломъ, переходъ изъ области исторіи въ область причудливаго сказанія. Заключение эпизода по сагѣ можетъ до нѣкоторой степени послужить объяснительнымъ комментариемъ къ происхожденію нашего лѣтописнаго сказанія... Эймундъ показалъ Ярославу голову его врага: лицо Князя покрылось яркимъ румянцемъ... «Подвигъ совершили мы, Норманны, сказалъ Эймундъ, а ты, Князь, вели прилично схоронить брата!» «Опрометчивое дѣло сдѣлали вы,» былъ отвѣтъ Ярослава: «такъ вѣдайтесь же съ нимъ, какъ знаете!» Норманны отвезли тѣло убитаго Святополка къ себѣ, на подворье: тогда погребеніе его сдѣлалось извѣстнымъ многимъ лицамъ. Многимъ, но не всѣмъ. Не означаетъ ли это, съ одной стороны, что, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, при Княжьемъ дворѣ находили нужнымъ скрыть истину о печальномъ исходѣ Святополка, и съ другой, что, не только между Норманнами, но и между Русскими, должны были сложиться различныя сказанія объ его смерти, и что, подобно тому, какъ въ Скандинавіи записанъ былъ рассказъ со словъ кого, либо изъ вернувшихся на родину товарищей Эймунда, точно также и на Руси различныя повѣствованія могли быть переданы письму и войти въ послѣдствіи въ составъ временниковъ, пынѣ утраченныхъ? Мы далеки отъ мысли, чтобъ придавать значеніе безусловной истины всему, что сообщаетъ о заключительномъ погромѣ побѣжденнаго Князя Эймундова сага; ³³ но она тѣмъ не менѣе имѣетъ свою цѣнность, какъ слѣдъ или эхо тѣхъ толковъ, что когда-то ходили въ народѣ объ этомъ таинственномъ событіи. Да едва ли, по сличеніи саги съ нашимъ сказаніемъ, можно еще усомниться, что послѣднее есть также отзвукъ подобныхъ толковъ, сложившихся въ средѣ наиболѣе приближенной къ Ярославу, а

по тому наиболѣе ему благоприятныхъ. Полумистическая молва, съ самаго начала пущенная въ обращеніе объ этомъ событіи, обогатилась, съ теченіемъ времени, новыми мистическими придатками: къ Ярославу, во время послѣдняго боя противъ окаяннаго братоубіицы, сказаніе приставило въ пособники небесныя силы, и до небесъ превознесло память о Князѣ, что былъ «совершенно умомъ, храборъ на рати и христіанъ, чтяше самъ книги.» Вчитываясь въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» за весь періодъ, главнымъ дѣятелемъ котораго является Князь Ярославъ, легко убѣждаешься, что лѣтописецъ въ развитіи этого выдающагося характера, какъ дѣятеля историческаго, признаетъ и съ достаточною ясностію отмѣчаетъ извѣстное опредѣленное мгновеніе внутренняго нравственнаго перелома, мгновеніе ближе обозначасмое порей смерти Св. Владимира: при жизни отца Ярославъ, непокорный сынъ, корыстный, жестокій и коварный (въ эпизодѣ избіенія Новгородскихъ мужей) властитель; послѣ отцовой смерти, словно просвѣтленный подъятымъ на себя подвигомъ отщепенія за братьевъ, вдругъ становится типомъ идеальнымъ, Княземъ что «нарекъ Бога», и за то Богомъ взысканъ: это, однимъ словомъ, Ярославъ Мудрый. Такой искусственный приѣмъ (вообще не чуждый Русскому лѣтописанію, а въ нашей обиходной характеристикѣ Ивана Грознаго даже цѣликомъ, только въ обратномъ смыслѣ, перешедшій со страницъ лѣтописи на страницы исторіи), такой приѣмъ очевидно исключаетъ, для всего втораго періода Ярославовой дѣятельности, всякое осужденіе, всякія темныя, или только сомнительныя, черты. Но исключается ли предположеніе о болѣе строгомъ, цѣльномъ и естественномъ, изображеніи Ярославова характера въ томъ параллельномъ повѣствованіи, достовѣрные слѣды коего сохранились въ лѣтописяхъ Новгородскаго состава? Мы видимъ, что Ярославъ, по древнему Новгородскому сказанію, обязанъ первой побѣдой надъ братомъ не столько личной своей доблести, или мужеству Новгородцевъ, которыхъ такъ щедро надѣляетъ ихъ начальній лѣтописецъ, или же заступничеству небесныхъ силъ, которыя Академическимъ писателемъ еще при Любечѣ вводятся на сцену событіи, сколько военной хитрости, тайнымъ сношеніямъ съ непріятельскимъ станомъ, подкупу и измѣнѣ. Трезвый, спокойный и уже ни сколько не мистическій взглядъ Новгородскаго лѣтописца на характеръ борьбы между братьями, служить, я полагаю, до извѣстной степени ручательствомъ, что Новгородское повѣствованіе, сохранилось оно до нашего времени въ

не искаженномъ и неурѣзанномъ видѣ, дало бы образъ Ярослава Владимировича въ иныхъ, болѣе близкихъ къ жизни, очертаніяхъ, чѣмъ онъ предсталъ предъ нами въ мертвенно риторическомъ сказаніи «Повѣсти» и въ стереотипной характеристикѣ Софійскаго Временника. Разыскивая, въ доступныхъ намъ памятникахъ, разрозненные части этого наиболѣе древняго и подлиннаго повѣствованія, мы не далеко уйдемъ отъ истины, высказавши предположеніе, что въ составъ его, помимо выше упомянутаго сказанія о Любецкой битвѣ, входили еще, съ одной стороны, близкой къ сказанію «Повѣсти», разсказъ о народной встанн въ Новгородѣ противъ Варяговъ, и о послѣдствіяхъ этой встанн, съ другой же какое ни будь, несходное съ «Повѣстію» сказаніе объ окончательномъ погромѣ Святополка, быть можетъ, даже содержаніемъ своимъ приближающееся къ тому, что помѣщено въ Эймундовой сагѣ. Нельзя, по крайней мѣрѣ, отрицать, что, въ числѣ всѣхъ, извѣстныхъ намъ, лѣтописныхъ и внѣ лѣтописныхъ, проявленій Ярославовой личности, этотъ, почти постоянно тусклый образъ изъ нашего отдаленнаго прошлаго, только въ трехъ мгновеньяхъ, въ трехъ положеніяхъ, обрисовывается болѣе явственно и съ несомнѣнными признаками болѣеи жизненности и правды: это на первомъ планѣ Ярославъ, лестію заманивающій на Ракомъ нарочитыхъ Новгородскихъ мужей, и предающій ихъ лютой смерти, въ отместку за убитыхъ народомъ Варяговъ; далѣе Ярославъ, хитро и ловко въ собственномъ Святополковомъ станѣ разставляющій сѣти своихъ тайныхъ связей съ Кіевскими мужами къ уловленію безпечнаго врага; наконецъ тотъ же Ярославъ, дающій Эймунду ту загадочную отвѣдь. Нельзя также отрицать, что помянутые три мгновенья логически и психически какъ нельзя болѣе вяжутся между собою, что дѣянія и слова съ такимъ характеромъ могли исходить отъ одной и той же личности, и что обнаружившіяся въ тѣхъ словахъ и дѣяніяхъ нравственные черты явно принадлежать одному и тому же типу. Повѣствованіе, ближайшее къ порѣ и къ истинѣ событія, или къ психологической правдѣ изображаемаго характера, а такимъ, безъ сомнѣнія, могло быть Новгородское повѣствованіе о Новгородскомъ Князѣ, сѣвшемъ на Кіевскій столъ благодаря Новгородской поддержкѣ, подобное повѣствованіе, очевидно, должно было заключать въ себѣ лишь такіе разсказы, что, во взаимной между собою связи, представляли внутреннюю цѣльность и внутреннее единство. Эти свойства и эта связь несомнѣнно принадлежать тремъ выше упомянутымъ эпизодамъ Ярославова княженія. Одинъ изъ нихъ занесенъ

на страницы лѣтописи подлинно Новгородской, другой носить на себѣ всѣ признаки Новгородскаго чекана, хотя съ нѣкоторою примѣсью чуждых Новгороду примѣсей, относительно же третьяго мы только, за отсутствіемъ на немъ такихъ внѣшнихъ примѣтъ, не рѣшаемся высказать окончательнаго сужденія. Что же' сталося изъ этого Новгородскаго повѣствованія о событіяхъ 1015—1019 г. подъ перомъ составителя нашей начальной «Повѣсти» и позднѣйшихъ сводщиковъ Софійскихъ? Мы видимъ это частію изъ предшествующаго изложенія, частію же узнаемъ изъ ближайшаго по сохранившимся текстамъ знакомства съ однимъ изъ выше упомянутыхъ эпизодовъ, именно съ первымъ, о Новгородской встаніи на Варяговъ. Разсказъ «Повѣсти» объ этомъ событіи происхожденія очевидно Новгородскаго; инныя частности, на пр., о дворѣ Поромони, гдѣ заговорщики избили Варяжскую дружину, или о Ракомѣ, куда удалился Ярославъ, служатъ тому порукою: частности эти, изобличающія близкое знакомство съ мѣстными отношеніями, не иначе могли попасть въ лѣтопись, какъ только при посредствѣ мѣстнаго же источника. Но такой характеръ подлинности и туземности принадлежитъ, я полагаю, исключительно первой половинѣ сказанія: отъ возникновенія ссоръ между Варягами и Новгородцами до «изсѣченія» послѣднихъ Ярославомъ. Далѣе разсказъ представляется какъ бы сотканнымъ изъ различныхъ нитокъ, по излюбленному способу нашихъ лѣтописцевъ. Въ ту же ночь (т. е., въ ночь послѣ избіенія Варяговъ), какъ увѣряетъ лѣтописецъ, вѣсть пришла къ Ярославу изъ Кіева отъ сестры его о смерти Владимира, о вокняженіи Святополка и о мученическомъ концѣ Бориса. Тогда будто бы Ярославъ созвалъ на вѣче остальныхъ Новгородцевъ, всенародно принесъ покаяніе въ своемъ безумномъ поступкѣ, умолялъ о забвеніи; потомъ утеръ слезу и сказалъ на вѣчѣ: «Отецъ мой умеръ, а Святополкъ избиваетъ братью...» Новгородцы же будто бы отвѣчали Ярославу: «Хотя, Князь, братья наши изсѣчены тобой, а мы можемъ постоять за тебя.» Въ этомъ странномъ разсказѣ, что ни слово, то явная психологическая нелѣпность; но поражаетъ въ немъ не столько общая несообразность разсказа: иной разсказъ не болѣе какъ легенда, а легендой приходится иногда дорожить изслѣдователю, какъ отраженіемъ давняго прошлаго въ памяти и въ мысли народной, при чемъ сомнительныя черты такого сказанія могутъ быть отнесены на счетъ его легендарности.. Но допустимъ даже, что Ярославъ въ сказаніи могъ на другой же день послѣ крова-

ваго Ракомскаго переворота отважиться на психичемки едва мыслимый поступокъ и за помощію противъ врага прибѣгнуть къ жестоко оскорбленнымъ имъ гражданамъ; допустимъ, что опять таки въ сказаніи могъ совершиться такой быстрый и крутой переходъ за одну ночь, отъ ненависти и озлобленія къ безусловной готовности на всякія жертвы, какой слышится въ Новгородской отповѣди Ярославу; допустимъ все это: мы за всѣмъ тѣмъ наткнемся въ этой части сказанія на такую черту, что не только не объясняется (по нашему мнѣнію мнимою) сказочностію, но прямо противорѣчитъ самому предположенію о сказочности разсказа. Я разумѣю основу его: «Ты насъ обидѣлъ, но ты намъ Князь, и мы за тобою:» основа эта чужда сказанію, такъ какъ она не соотвѣтствуетъ простотѣ и непосредственности древнихъ отношеній между властными и подвластными; это скорѣе изъясненіе общаго Государственнаго основоположенія и, конечно, не дѣло сказанія проводить общія основоположенія. Но если это не исторія и не сказаніе, такъ что жъ это такое? Среднее основоположеніе, мы это видѣли, проводится съ замѣчательною послѣдовательностію и полнотою чрезъ лѣтопись Софійскую, и мы, быть можетъ, въ правѣ догадываться, что въ разсказѣ Кіевской «Повѣсти» о тѣхъ Новгородскихъ, событіяхъ 1015 года, основоположеніе это точно также руководило перомъ Южнаго лѣтописца. Это то самое основоположеніе, что сказалось въ извѣстномъ воззваніи къ чужимъ Князьямъ: «Приидите княжить и воладѣть нами», этой начальной, основной темѣ всего (сохранившася) Русскаго лѣтописанія. Но въ разсказъ о первомъ призывѣ Князей помянутая тема взята не изъ народнаго преданія, котораго древній подлинный текстъ потерянъ для насъ, вмѣстѣ съ начальною Новгородскою лѣтописью, а равно вопреки, мнѣнію нѣкоторыхъ, не изъ глубины народнаго самосознанія (о которой намъ въ сущности ничего не извѣстно), вкралось же основопобужденіе (мотивъ) это въ лѣтописное сказаніе (ибо для такого вывода у насъ подъ рукою есть данныя) при посредствѣ вскормленныхъ на Византійскихъ образцахъ писателей монаховъ изъ круга Римско-Византійскихъ понятій о происхожденіи и характерѣ верховной власти. Мы, конечно, не хотимъ сказать этимъ, что Русскому лѣтописцу было доподлинно извѣстно содержаніе ст. 6-й тит. 2-го кн. 1-й Юстиніановыхъ Институтовъ; * но, встрѣчаясь со случа-

* Instit. I, tit. 2, § 6: «...populus ei (т. е., principi) et in eum omne suum potestatem et imperium concessit.»

ями призванія Князей и въ древнемъ Новгородскомъ сказаніи и чуть ли не въ каждодневной практикѣ Русской политической жизни, лѣтописецъ естественно старался подвести всѣ подобныя явленія подъ типъ паралельныхъ (или казавшихся ему таковыми) явленій изъ жизни своихъ учителей — Византійцевъ. Такъ могло случиться, что подъ перомъ Кіевскихъ и Суздальскихъ писателей древній Русскій Князь по выбору и по ряду сталъ мало по малу облекаться въ принадлежности избранной Царской власти по Византійскому образцу. Только древней Новгородской лѣтописи такіе приемы и такіе взгляды, какъ мы въ томъ имѣли случай убѣдиться изъ сличенія текстовъ Синодальнаго и Софійскаго, вообще довольно чужды, и мы имѣемъ даже нѣкоторый поводъ думать, что въчевой приговоръ Славянъ Ильменскихъ о призваніи Князей въ не сохранившемся подлинномъ Новгородскомъ текстѣ звучалъ нѣсколько иначе, чѣмъ въ текстахъ уцѣлѣвшихъ, текстахъ, вышедшихъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ... Въ спискахъ Ипатскаго извода сохранился, какъ кажется, довольно явственный слѣдъ древняго сказанія, такъ какъ, согласно тѣмъ спискамъ, Славяне и ихъ союзники, совѣщаясь о строѣ земскомъ, рѣша въ собѣ: «поищемъ собѣ Князя, иже бы володѣлъ нами и рядилъ по ряду (т. е., согласно договору, который мы съ нимъ заключимъ), по праву (т. е. по закону, или обычаю).» Чѣмъ моложе лѣтопись, тѣмъ въ текстѣ народнаго приговора становится примѣтнѣе переходъ отъ означенія договорныхъ, для вновь призываемаго Князя, обязательствъ къ простому изъясненію нравственнаго его долга судить право. Такъ въ Лаврент. (выше, въ началѣ статьи, приведены основанія, по коимъ мы Ипатскій текстъ считаемъ старше Лаврентьевскаго) сказано: «иже бы судилъ по праву.» Въ Софійскомъ: «иже бы рядилъ ны и судилъ въ правду;» въ другихъ, еще болѣе позднихъ, текстахъ, Рюрикъ и его братья даже прямо призываются за тѣмъ, чтобы «володѣти и царствовать» народомъ. По Ипатской лѣтописи заключительныя слова въ рѣчи пословъ: «приидите княжить и володѣти нами» не вяжутся, по своей безусловности, съ выше приведеннымъ текстомъ приговора. Но мы, быть можетъ, не будемъ слишкомъ далеки отъ истины, если выскажемъ предположеніе, что въ древнемъ Новгородскомъ не искаженномъ текстѣ, изъ коего сущность сказанія, безъ сомнѣнія, заимствована, подобное соотвѣтствіе между приговоромъ и рѣчью пословъ, и при томъ въ смыслѣ приговора, существовало, и что старое Новгородское сказаніе, переходя изъ лѣтописи въ лѣтопись и, постепенно обогащаясь

новыми, идущими въ разрѣзъ со всѣмъ содержаніемъ его, придатками, лишь мало по малу принимало извѣстныхъ намъ обличій Кіевского, Суздальскаго и Московскаго типа. Не случилось ли нѣчто подобное съ текстомъ древняго сказанія о Новгородскихъ событіяхъ въ 1015-мъ году? Достойно замѣчанія, что въ разсмотрѣнномъ нами текстѣ лѣтописи по спискамъ Академическому и родственнымъ, текстѣ такого писателя, который несомнѣнно пользовался древле-Новгородскимъ матеріаломъ, извѣстная намъ, изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», отповѣдь Новгородцевъ: «Аще, Княже, братья наша изсѣчена» и т. д., замѣняется простою рѣчью: «а мы, Княже, по тебѣ идемъ», въ предшествующемъ же изложеніи этого, крайне неискуснаго сводщика, съ особливою ясностію выступаетъ сшивка составныхъ частей сказанія: «Се слышавъ (о смерти Владимира) Ярославъ, събра Новгородца избытъкъ и сътвори вѣче на полѣ, и рече къ нимъ»; далѣе слѣдуетъ покаяніе, а за тѣмъ: «и рече имъ на вѣчѣ: «Братіе, отецъ мой умерлъ есть, а Святополкъ княжить в Кіевѣ: хощу на нь поити, потягните по мнѣ!» Спрашивается, откуда бы взялось это двукратное: «и рече на вѣчѣ», если бы одно изъ открывающихся этими словами предложеній не было простою вставкой? По тщательномъ соображеніи всѣхъ вѣроятностей, я позволяю себѣ высказать предположеніе, что разсматриваемое сказаніе состоитъ изъ двухъ отрывковъ, отдѣльныхъ частей двухъ вполне самостоятельныхъ сказаній Новгородскаго типа; что къ первому, не оконченному, отрывку о Новгородской встаніи и ея послѣдствіяхъ, механически примкнуть писателемъ второй отрывокъ, начинающійся собственно со словъ: «приде (къ Ярославу) вѣсть изъ Кіева отъ сестры его, Передславы», отрывокъ, вступительныя слова коего: «въ ту же ночь» по всей вѣроятности, лишь прибавлены для установленія связи съ предыдущимъ, и что въ послѣднемъ отрывкѣ на часть Ярославовой рѣчи, въ которой онъ приноситъ всенародное покаяніе въ своей випѣ, а также, находящаяся въ строгой логической связи съ этимъ покаяніемъ, отповѣдь Новгородцевъ (по текстамъ «Повѣсти»), не болѣе, какъ произвольныя, намѣренныя вставки въ подлинный Новгородскій текстъ, который и безъ этихъ вставокъ вполне самостоятеленъ и ясенъ. * Съ достовѣрностію нельзя опредѣлить, какъ

* Выбросивши вставку, текстъ восстанавливается въ такомъ видѣ: «И се слышавъ (вѣсть отъ Предславы Ярославъ) завтра събра Новгородци... и сътво-

и чѣмъ въ подлинномъ Новгородскомъ сказаніи заканчивался эпизодъ съ народною встанью въ Новгородѣ, съ избіеніемъ Варяговъ и съ мезью Ярослава, но мы имѣемъ, быть можетъ, нѣкоторый поводъ и основаніе догадываться, что въ связи съ этимъ эпизодомъ состоитъ дарованіе Новгородцамъ Княземъ Ярославомъ Владимировичемъ одной изъ тѣхъ знаменитыхъ и загадочныхъ грамотъ, что извѣстны въ исторіи подъ наименованіемъ Ярославовыхъ. Въ давнемъ прошедшемъ Новгорода нѣтъ ничего несомнѣннаго состоянія, что нѣсколько такихъ грамотъ съ весьма важнымъ для Новгородцевъ содержаніемъ, были когда-то даны Ярославомъ, и нѣтъ ничего недостовѣрнаго поры (1016-го или 1019-го г.), къ которой обыкновенно, ссылаясь на произвольно толкуемыя позднѣйшія свидѣтельства, относятъ происхожденіе старшаго изъ помннутыхъ актовъ; ибо, съ одной стороны, упоминаніе въ древнемъ Синодальномъ спискѣ, по поводу событій позднѣйшаго времени, о грамотахъ, какъ о краеугольномъ камнѣ Новгородской свободы, служитъ несомнѣннымъ подтвержденіемъ, какъ существованія, такъ и значенія ихъ и вѣрности; съ другой же то обстоятельство, что означенный лѣтописецъ умолчалъ о нихъ по поводу событій 1016 по 1019 г., подкрѣпляетъ истину нашего положенія, что старшая изъ тѣхъ грамотъ дана была Новгородцамъ не за «великое исправленіе» на Ярославовой службѣ въ помннутую пору, а въ слѣдствіе какихъ либо иныхъ побужденій и въ иное какое либо время Ярославова княженія. Болѣе вѣроятія заслуживаетъ, быть можетъ, другое извѣстіе позднѣйшихъ лѣтописей о какой-то грамотѣ, данной въ 1037 году Ярославомъ, по случаю вокняженія въ Новгородѣ сына его, Владимира, грамотѣ, по коей устанавливалось Новгородцамъ: «платити дани» (какъ сказано во Временникѣ), или по чѣмъ «ходити» (какъ болѣе обще выражено въ сохранившейся достоверный слѣдъ древняго повѣствованія росписи Академическаго текста): въ извѣстіи этомъ, подвергнувшись, при передачѣ Софійскимъ писателемъ, обычному перелицованію въ Московскомъ смыслѣ, дозвоительно видѣть осколокъ какого-то договора, состоявшагося между Новгородцами и Ярославомъ при назначеніи Князя Владимира на Новгородскій столъ. ³⁴ Что же касается до первой Ярославовой грамоты, то

ри вѣче... и рече къ нимъ... Братіе, отецъ мой умеръ есть, а Святополкъ княжить в Кіевѣ: хошу на нь повити, потягните по мнѣ!» И рѣша ему Новгородьци: «А мы, Княже, по тебѣ идемъ.»

слѣдуетъ замѣтить, что о дарованіи ея въ 1016-мъ, или 1019-мъ, году умалчивается не одинъ Синодальный списокъ, но и выше упомянутая роспись, и что отмѣтки текстовъ Академическаго, подъ 1016-мъ, и Софійскаго, подъ 1019-мъ: «дая имъ правду и уставъ списавъ» и проч., отнесены писателями не къ какой либо хартии съ политическими льготами, а къ различнымъ изводамъ Русской Правды, содержаніе коей не даетъ намъ ни малѣйшаго повода къ тому, чтобы признать въ ней одну изъ утраченныхъ грамотъ Ярослава Владимировича. За тѣмъ, о времени происхожденія помянутой грамоты, служившей, по всей вѣроятности, первообразомъ какъ для ряда 1031 года, такъ и для всѣхъ послѣдующихъ рядовъ между Новгородомъ и Князьями, съ полною достовѣрностію можно сказать лишь одно, а именно, что время это слѣдуетъ во всякомъ случаѣ искать внѣ предѣловъ повѣствованія, обнимаемаго сохранившимися листами Синодальной рукописи, т. е., ранѣе 1016 года, такъ какъ, при всей краткости и неполнотѣ отмѣтокъ за періодъ съ 1016 по 1111 годъ, Новгородская лѣтопись по означенному списку несомнѣнно сохранила бы, судя по содержанію ея остальныхъ извѣстій, память о такомъ выдающемся событіи, когда бъ оно случилось въ пору послѣ Любецкаго боя. Если жс первая грамота дана была Новгородцамъ до 1016, то всего естественнѣе приурочить ее къ событіямъ предшествующаго 1015 года, когда въ Новгородѣ кипѣла смута и когда Князь отъ гнѣва народнаго принужденъ былъ искать убѣжища за городомъ. Многія подробности этого событія въ нашихъ источникахъ, безъ сомнѣнія, преувеличены: едва ли, на пр., избіеніе на Ракомѣ нарочитыхъ Новгородскихъ мужей могло имѣть все то значеніе и тѣ разиѣры, что приписываются этому дѣлу сохранившимися пересказами: по свидѣтельству одной лѣтописи (Академической) многіе изъ приглашенныхъ Княземъ Новгородцевъ бѣжали изъ Ракома, и бѣжали, безъ сомнѣнія, въ Новгородъ, который въ то время находился еще во власти возставшаго народа. Очевидно, что при такихъ условіяхъ возстановленіе Ярослава на Князьемъ столѣ не иначе могло совершиться, какъ съ согласія гражданъ, а согласіе могло быть приобрѣтено лишь цѣною уступокъ тѣмъ, или другимъ, требованіямъ народнымъ. Не тогда ли впервые состоялись ряды между Новгородомъ и его Княземъ, ряды, положившіе конецъ довольно насильственному строю, что издавна господствовало въ Сѣверной области, строю, достовѣрные слѣды коего сохранились въ лѣто-

писяхъ и другихъ источникахъ? * Когда, въ слѣдъ за тѣмъ, въ Кіевѣ умеръ Владимиръ, а Святополкъ началъ избивать братью, то возстановленіе Ярослава на Новгородскомъ столѣ было, по всей вѣроятности, дѣломъ уже совершившимся, и если Новгородцы оказали своему недавнему обидчику, въ борьбѣ его съ Святополкомъ, такую сильную поддержку, то, для уразумѣнія и оцѣнки такого знаменательнаго явленія, мы, по счастью, не нуждаемся въ вычурныхъ и натянутыхъ измышленіяхъ «Повѣсти,» ни въ плачѣ и всенародномъ покаяніи Ярослава, ни въ непонятномъ воодушевленіи и немыслимой отповѣди Новгородцевъ. Дѣло, по сличеніи съ имѣющимъ за себя всѣ внутренніе признаки достовѣрности, извѣстіемъ Эймундовой саги, объясняется несравненно проще: Святополкъ потребовалъ отъ брата уступки нѣкоторыхъ изъ его волостей, Новгородцы же во всѣ времена крѣпко стояли за цѣлость своей области. Отсюда рѣшимость ихъ выступить въ бой подъ Ярославовымъ стягомъ, отсюда ихъ отповѣдь (по Академическому), столько же краткая, сколько выразительная, на Княжескій зовъ: «А мы, Княже, по тебѣ идемъ.»

Не выдавая за непремѣнную истину высказанныхъ догадокъ относительно содержанія утраченныхъ Новгородскихъ повѣствованій о событіяхъ 1016—1019 гг., мы тѣмъ не менѣе склонны думать, что сдѣланнаго нами сличенія между различными источниками вполне достаточно для того, чтобы за уцѣлѣвшими обломками тѣхъ повѣствованій признать характеръ глубоко отличной противъ выразившагося въ пересказахъ не только Софійской лѣтописи, но и «Повѣсти временныхъ лѣтъ,» болѣе древнихъ изводовъ, на пр., Лаврентьевской и Ипатской. Къ одинаковому предположенію можно, кажется, прійти и относительно начальнаго преданія нашихъ лѣтописей о призваніи Князей... Для позднѣйшей поры укажемъ на отношенія Лаврентьевскаго краткаго извѣстія о Липецкомъ боѣ въ 1216 году, къ подробному Новго-

---

* Князья Новгородскіе, не полагаясь на добровольную поддержку со стороны народа, поддерживали свою власть съ помощію сильной наемной рати. По той же причинѣ Св. Владимиръ бѣжалъ изъ Новгорода къ Варягамъ, когда на Югѣ произошла неблагоприятная для него переменна... Намеки на взаимное недовѣріе и недовольства между Княземъ и Новгородцами встрѣчаются и въ сагахъ, на пр., въ сагѣ Св. Олава, по поводу разсказа объ оказанной Княземъ и Книгиною поблажки Норманну, уличенному въ убійствѣ.

родскому повѣствованію о томъ же событіи: изъ перваго выпущены побудительныя причины, какъ въ семейной враждѣ между Суздальскими Князьями, сыновьями Всеволода Большое Гнѣздо, такъ и къ борьбѣ Новгорода въ союзѣ со старшимъ Всеволодовичемъ, Константиномъ, противъ младшихъ, Юрія и Ярослава, въ ложномъ свѣтѣ, какъ послѣдствіе изгнанія, представлено Суздальскимъ лѣтописцемъ добровольное въ предшествовавшемъ году удаленіе (временное) на Югъ Новгородскаго Князя, Мстислава Мстиславича; ни единымъ словомъ не упомянуто о попыткѣ Ярослава Всеволодовича подчинить, засѣвши въ Торжкѣ, Новгородъ своему хотѣнію; умолчано о возвращеніи Мстислава, о блестящей и рѣшающей роли его, и съ нимъ Новгородцевъ, въ послѣдующихъ событіяхъ, и даже въ самой боѣ подъ Липинцами выведены одни только Всеволодовичи: нельзя, однимъ словомъ, въ болѣе лживомъ и тускломъ образѣ представить это громкое и славное событіе, чѣмъ то сдѣлано лѣтописцемъ, котораго разсказъ воспроизведенъ у Лаврентія. Въ другихъ лѣтописяхъ Суздальскаго извода (на пр., Троицкой, сказаніе коей повторяется въ Софійскомъ Временникѣ), хотя не обойдено участіе въ боѣ Мстислава съ Новгородцами, но весь разсказъ носить характеръ какой-то военной реляціи, политическое же значеніе борьбы и одержанной Мстиславомъ побѣды оставлено въ тѣни, хотя побѣда Новгородскаго Князя на цѣлыхъ два съ половиною вѣка отстрочила торжество въ Сѣверной области Суздальскихъ порядковъ надъ Новгородскими. Такимъ образомъ еще задолго до паденія Новгородской независимости, описанные нами приемы Московскаго лѣтописанія относительно Новгородскихъ событій не вполне были чужды предшественникамъ Московскихъ временниковъ, лѣтописцамъ Суздальскимъ, и даже Кіевскимъ: такъ глубоко во всемъ строѣ гражданскаго общежитія, выразительницею коего является лѣтопись, съ давнихъ поръ коренилось нерасположеніе (антагонизмъ) между Новгородомъ и остальною Русью. Существенная разница между искаженіями Лаврентія съ одной, и Софійской лѣтописи съ другой, стороны заключается лишь въ томъ, что первая въ большей части случаевъ ограничивается простыми умолчаніями, послѣднія же, сверхъ того, прибѣгаютъ къ прямымъ перелицованіямъ и перетасовкамъ.

Сохранившіеся до нашего времени обезглавленные (см. выше) списки, отрывки и клочки Новгородскихъ лѣтописей при-

надлежать большею частію (или, выражаясь точнѣе, за единымъ исключеніемъ списка Синодальнаго) порѣ сравнительно поздней, такъ какъ они возникли послѣ покоренія Новгорода Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ. Къ этой же порѣ должны быть отнесены и всѣ безъ изъятія Новгородскіе списки, дошедшіе къ намъ безъ ущербъ. Обстоятельство это такого свойства, что, по видимому, колеблетъ состоятельность высказаннаго нами предположенія... Какой, казалось бы, интересъ могли имѣть занимавшіяся лѣтописнымъ дѣломъ лица въ систематическомъ истребленіи, или порчѣ такихъ памятниковъ, которые, судя по порѣ ихъ происхожденія, едва ли служили слишкомъ опасными истолкователями Новгородской старины? Въ какую пору могли быть предприняты подобныя экзекуціи и надъ старыми пергаминами и надъ новѣйшими списками? Не одновременно же, со снятіемъ и свезеніемъ въ Москву вѣчевого колокола, такъ какъ подобное предположеніе включало бы въ себѣ для большей части рукописей вопіющій анахронизмъ? Съ какого повода, съ какою ближайшею практической цѣлію, Московскіе политики, которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя попрекнуть отсутствіемъ практическаго смысла, могли совершить такое на первый взглядъ бесполезное, непрактическое, дѣло? И если допустить преднамѣренное истребленіе, или порчу, Новгородскихъ лѣтописей даже новѣйшаго состава, то какъ же могло случиться, что иные списки миновала невзгода, и что они дошли до насъ безъ ущербъ?

Но эти и подобныя сомнѣнія не могутъ въ концѣ поколебать предположенія, принятаго нами для объясненія явленія, инымъ способомъ необъяснимаго. Безъ ущербъ сохранились списки Новгородскихъ лѣтописей либо очень поздняго состава (XVII и XVIII столѣтій), либо хотя и древнѣйшіе (впрочемъ, не древнѣе XVI вѣка), но при томъ такіе, начало коихъ составляетъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ,» поздній (Московскій) изводъ, наиболѣе близкій къ Воскресенскому, самому въ Московскомъ смыслѣ безобидному изъ ея текстовъ, продолженіе же состоитъ изъ свода извѣстій Кіевскихъ, Суздальскихъ, Московскихъ, Новгородскихъ и пр., сшитыхъ вмѣстѣ по Софійскому образцу, съ, отчасти тождественными, отчасти однородными, искаженіями въ извѣстіяхъ Новгородскихъ. * Съ другой стороны, чѣмъ вѣроятнѣе безслѣдная

* Редакція Полн. Сбор. Русск. Лѣт. 1864 взовалась этими списками, неправильно

утрата многихъ Новгородскихъ списковъ, заключавшихъ въ себѣ подробныя повѣствованія о Новгородскихъ событіяхъ, тѣмъ меньшею становится вѣроятность ихъ случайнаго исчезновенія. Я не утверждаю того, чтобы утраченные, или изувѣченные списки (даже древнѣйшіе) были подвергнуты истребленію, или порчѣ, немедленно по взятіи Новгорода Иваномъ III, не утверждаю, между прочимъ, и по тому, что списки эти, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, должны были, прежде ихъ уничтоженія, послужить еще цѣлямъ Московской политики: я разумѣю тѣ объединительныя попытки въ Русскомъ лѣтописаніи, за образецъ коихъ слѣдуетъ признать Софійскій Временникъ. Но для того, чтобы привести къ концу задуманное дѣло объединенія, даже въ памятникахъ минувшаго, нужно было только на время пощадить Новгородскія лѣтописи. Потомъ, когда дѣло было сдѣлано, онѣ становились бесполезными, и даже вредными. Къ чему было сохранять память о старинѣ, о ненавистной Москвичамъ старинѣ Новгородской? А старина вносила въ лѣтописи, на которыя въ древности ссылались у насъ, какъ на юридическіе документы? Въ силу господствовавшихъ взглядовъ въ Русскомъ обществѣ того времени, чѣмъ старше оказывалась старина, тѣмъ она была почтеннѣе, а тамъ, гдѣ она свидѣтельствовала въ пользу Новгорода противъ Москвы, тѣмъ съ Московской точки зрѣнія опаснѣе. Вотъ по чему, по всей вѣроятности, рука истребителей прежде всего принялась за начальныя страницы Новгородскихъ лѣтописей, и разорвала ихъ въ клочки. Не на этихъ ли начальныхъ страницахъ положены были Новгородскія повѣствованія о важнѣйшихъ событіяхъ въ постепенномъ развитіи внутренняго Новгородскаго быта, Новгородскія преданія о началѣ Новгорода и Русскаго Государства, преданія, въ которыхъ отразились политическія представленія Новгородскаго общества о характерѣ от-

---

слывшими подъ названіемъ Новгородскихъ, при изданіи, такъ называемой Новгор. IV глѣт. Подробное сличеніе этой послѣдней съ подлинно Новгородскою я считаю излишнимъ. Отмѣчу здѣсь, для проведенія такой паралели, тѣ самые годы, что уже послужили для сравненія текстовъ Софійскаго съ Синодальнымъ: 6661—1154, 6668—1161, 6677—1169, 6677—1169, 6678—1170, 6763—1255, 6777—1269, 6784—1276, 6787—1279, 6789—1281, 6822—1314, 6840—1332. Отмѣны подъ этими годами противъ Синодальнаго списка состоятъ отчасти въ пропускахъ наиболѣе характеристическихъ чертъ, отчасти въ прямыхъ искаженіяхъ, тождественныхъ, или однородныхъ, съ Софійскими.

ношеній народа къ Княжеской власти? И не были ли эти представленія предметомъ постоянной и непримиримой ненависти со стороны Москвичей? По однороднымъ и еще болѣе понятнымъ соображеніямъ могли быть уничтожены заключительные Новгородскіе акты той полуторавѣковой тяжбы, что съ такимъ ожесточеніемъ велась между Новгородомъ и Москвою: повѣствованій о послѣднихъ тридцати четырехъ годахъ Новгородской независимости (1444 — 1478) не сохранилось. Не отъ того ли весь Новгородскій эпизодъ въ древней Русской исторіи представляется намъ по источникамъ подлинно Новгородскимъ какою-то загадочною притчею безъ начала и конца, какъ бы безъ достаточной причины къ бытію (*raison d'être*) и съ тѣмъ большею причиною, по содержанию и смыслу сохранившихся Московскихъ сказаній о Новгородскомъ погромѣ, къ исчезновенію, къ небытію? Наконецъ мишенью для подъятаго Москвою преслѣдованія противъ Новгородскихъ лѣтописаній могли также послужить нѣкоторые изъ списковъ, составленныхъ послѣ покоренія Новгорода. Такъ отъ похода XVI вѣка дошелъ къ намъ одинъ любопытный отрывокъ лѣтописи Новгородскаго типа съ краткими извѣстіями за шестьдесятъ лѣтъ помянутаго столѣтія (1510—1570): этотъ достойный замѣчанія документъ всѣмъ содержаніемъ своимъ и тономъ свидѣтельствуетъ о томъ, кекъ упорно, не взирая на гоненія и казни и на совершившееся политическое объединеніе съ Московскимъ Государствомъ, древній духъ Великаго Новгорода все еще держался и порою съ достаточною ясностію высказывался даже въ сухихъ и блѣдныхъ отмѣткахъ лѣтописца: чертами робкой любви къ Москвѣ и невольнаго сучувствія къ ея жертвамъ, и благоговѣнія предъ Новгородскою святынею. *

Московскія гоненія противъ Новгородскихъ лѣтописей начались еще при Иванѣ III, послѣ покоренія Новгорода, или вѣрнѣе послѣ составленія правительственной, Новгородско-Московской, лѣтописи Софійскаго Временника, продолжались при Василиѣ Ивановичѣ и окончились не прежде, какъ при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Выше было указано на параллельное существованіе въ

---

* См. въ отрывкѣ (приплетенномъ къ Архив. XX списку) извѣстіе о битвѣ подъ Оршею съ рассказомъ о томъ же событіи въ лѣт. по Воскрес. списку (П. С. Р. Л. т. III, Допол. къ Новгор. II лѣт. и т. VIII, лѣт. Воскр.). См. также извѣстія отрывка подъ гг. 7037, 7042 и 7045.

древнемъ Новгородѣ какъ бы двухъ разрядовъ лѣтописей, гражданской и церковной, образцы, или слѣды, коихъ сохранились въ лѣтописи по Синодальному списку въ Лисьегорскомъ временникѣ: Московская рука могла сначала коснуться лишь того разряда памятниковъ, что непосредственно находился въ ея вѣдѣніи, т. е., гражданской, быть можетъ, правительственной лѣтописи Великаго Новгорода. Какъ ни конеченъ былъ переворотъ 1478 года, имъ не были окончательно поражены общественныя особенности Новгородскаго быта: Новгородское Государство было разбито въ дребезги, но общественность Новгородская, хотя и изувѣченная переселеніями, была только больна, при смерти, и постепенное вымирание ея продолжалось цѣлое столѣтіе. Многочисленное, богатое и вліятельное, Новгородское духовенство содѣйствовало, изъ нерасположенія къ союзу съ Латинскою Польшею и съ полулатиненною Литвою, торжеству Московской политики; но послѣ покоренія оно же, въ слѣдствіе естественнаго отпора, сдѣлалось самымъ усерднымъ хранителемъ Новгородскихъ преданій. Изъ рядовъ духовенства выходило глухое противодѣйствіе Московскимъ властямъ: Москва укрощала эти отпорныя поползновенія, налагая на Новгородскій клиръ пятую поставляемыхъ ею Святителей. Но съ духовенствомъ Москвѣ труднѣе было справиться, чѣмъ съ мірскими сословіями древняго Новгорода: въ тотъ благочестивый вѣкъ оно во всѣхъ слояхъ Русскаго общества находило слишкомъ сильную поддержку. Приведенный нами случай съ Архіепископомъ Сергіемъ не повторился при его преемникахъ, и изъ поры XVI столѣтія дошли до насъ извѣстія о томъ, какъ обрѣтались и торжественно чествовались въ Новгородѣ священные останки тѣхъ самыхъ «смердовичей» прежняго времени Новгородскихъ Владыкъ, что за полъ вѣка предъ тѣмъ были презрѣны и поруганы Владыкою изъ Москвичей. Вокругъ духовенства собирались послѣдніе остатки свѣтскихъ сословій: Владычніе Бояре, прямыя преемники и потомки прежнихъ Софьянъ. Ихъ, по крайней мѣрѣ, еще не потревожила Москва; они еще уцѣлѣли послѣ казней и выселеній. Въ этой средѣ, духовной и отчасти свѣтской, могли еще держаться Новгородскія преданія. Своими свѣтскими особенностями среда эта могла повліять и на пришлое населеніе, на, водворенныхъ въ Новгородѣ при Иванѣ III, гостей Московскихъ, посадскихъ и служилыхъ людей, могла привить къ нимъ свои понятія, вовлечь ихъ въ кругъ своихъ мнѣній и интересовъ, могла способствовать къ новому возбужденію общественнаго духа. ³⁵ Въ вѣдѣніи у духовнаго кли-

ра находилось не въ малой долѣ и лѣтописное дѣло. Этимъ объясняется, что сохранились слѣды лѣтописей XVI столѣтія (Новг. II и III), на которыхъ въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ на Софійскомъ Временникѣ, отразились Московскія вліянія; но отъ того же могло произойти, что нѣкоторые изъ тѣхъ временниковъ постигли напасти, одинаковыя съ обрушившимися на Синодальный списокъ.... Бѣда надвинулась и на эти позднѣйшіе памятники Новгородской старины, и на нихъ наложила свою тяжелую руку.

Съ 1552 года паствою Новгородскою правилъ Архіепископъ Пимень, бывшій «клирикъ честныхъ обители Кирилова монастыря съ Бѣлоозера». Хотя и чужеземецъ, подобно всѣмъ, начиная съ поры покоренія, предшественникамъ своимъ, новый Владыка съ самаго начала полюбился Новгородцамъ: его молитвѣ и предстательству народъ вѣнчалъ въ заслугу прекращеніе свирѣпствовавшего въ Новгородѣ мороваго повѣтрія. Пимень умѣлъ щадить народное чувство, и съ благоговѣніемъ лѣстившимъ этому чувству, умѣлъ относиться къ глубоко чтимой Новгородцами мѣстной святынѣ, связанной для нихъ со столь многими воспоминаніями прошлаго.³⁴ Но не полюбился Пимень грозному Царю, Ивану Васильевичу. Царь, обвинилъ его въ преступныхъ сношеніяхъ съ Польскимъ Королемъ, въ намѣренія предать Новгородъ во власть Сигизмунда Августа. Подозрѣніе имѣло послѣдствіемъ достопамятный походъ Царя Ивана съ его опричиною на поработанный, безоружный и безсильный, Новгородъ. Неслыханныя мученія и лютыя казни выпали на долю злополучныхъ обывателей: приказныхъ и торговыхъ и всякихъ градскихъ людей, Владычныхъ Бояръ, а наипаче старцевъ монастырскихъ, да бѣлыхъ Поповъ и Діаконовъ, до пяти сотъ лицъ духовнаго чина, были поставлены на правезъ и потомъ на смерть избиты палицами. Монастырскія же и всякія церковныя казны Царь велѣлъ занечатать, и всякія церковныя драгоценности послать на себя, а остальную казну да монастырскіе и церковныя обиходы предалъ на разграбленіе своей опричинѣ и воинскимъ людямъ. Въ связи съ извѣстіемъ объ этомъ «Государевомъ розгромѣ» у лѣтописца записано: «Въ лѣто 1078 взялъ Государь по монастыремъ грамоты къ себѣ, къ Москвѣ, жалованныя, по всѣмъ». Такъ какъ мѣра эта не сопровождалась отнятіемъ церковныхъ недвижимыхъ имуществъ, то она могла имѣть одну только цѣль: порвать также и эту, одну изъ послѣднихъ, нитей, связывавшихъ Новгородъ съ памятію объ его прошедшемъ. Не од-

новременно ли съ Государевымъ разгромомъ, или съ отобраніемъ монастырскихъ грамотъ, Царскіе слуги пособирали въ Новгородскихъ храмахъ древніе церковные временники, и отослали ихъ въ Москву? А въ Москвѣ для нихъ уготовано было мѣсто, гдѣ «составлялись памяти, что писать въ лѣтописецъ.»³⁷ Такъ, рука объ руку, и каждое въ свой чередъ, шли: дѣло искаженія, и дѣло истребленія, древнихъ памятниковъ. Въ Новгородѣ, между тѣмъ, два года спустя послѣ посѣщенія грознаго Царя, упомянутый нами писецъ Архивскаго списка ходилъ по монастырямъ разыскивать старыхъ лѣтописцевъ, и радъ былъ, хотя и съ полугоря, своей Лисьегорской находкѣ.

Если говорить о случайности, то не счастливому ли только случаю обязаны мы тѣмъ, что, послѣ столькихъ погромовъ, все таки уцѣлѣли коекакіе памятники древней Новгородской письменности, хотя памятники эти такого свойства, что болѣе раздражаютъ пытливость изслѣдователя, чѣмъ въ состояніи удовлетворить ее?...

Случалось, что народы, въ тысячелѣтнемъ плаваніи своемъ по океану исторіи, выбрасывали за край корабля, словно ненужный грузъ, свое прошедшее: такъ поступилъ древній Римъ въ пору установленія цезаризма; такъ, въ противоположномъ смыслѣ, поступила Франція, въ концѣ прошедшаго столѣтія. На Русской почвѣ крутыхъ поворотовъ отъ стараго къ новому случилось даже нѣсколько: Русскимъ людямъ не разъ приходилось искоренять свою старину, во всемъ ея виѣшнемъ и внутреннемъ укладѣ, и не однажды происходили у насъ замѣны сложившихся издавна бытовыхъ формъ иными формами, и понятій, издавна въ народѣ господствовавшихъ о свойствахъ, способахъ и цѣляхъ гражданскаго обществія, взглядами противоположными. Нѣтъ надобности отрицать законъ органическаго развитія обществъ для того, чтобы признать дѣйствительность такого, въ глаза бьющаго, явленія. Старое изживаетъ свой вѣкъ, и мѣсто его заступаетъ новое; въ Русскомъ обществѣ неизбѣжны и вполне естественные переходы отъ старины къ новизнѣ совершались по большей части въ формѣ переворотовъ и переломовъ, вопреки, а, можетъ быть, и въ слѣдствіе, нашей пресловутой косности, какъ бы отъ того, что двигать по новымъ путямъ эти громадкія массы подъ стать приходилось только мощному хотѣнію самовластителя, или же почину мудраго преобразователя. Периодическія «перемѣны обычаевъ» — вотъ лозунгъ,

вотъ, сдается мнѣ, существенное содержаніе Русской Исторіи за тысячелѣтній періодъ. Такъ было въ пору крещенія, такъ происходило по отдѣльнымъ Княжествамъ въ періодъ быстрого вымиранія древнихъ вѣчевыхъ порядковъ, когда на Сѣверовостокѣ Ростовъ Великій утратилъ первенство въ борьбѣ со своимъ Клязьминскимъ пригородомъ и съ Суздальскими «самовластцами», или когда внутренняя самыбытность Смоленска была потоплена въ крови «лучшихъ мужей»; едва замѣченный исторіею процессъ, котораго насильственность и внезапность становится тѣмъ не менѣе очевидною и изъ случайныхъ отбѣтокъ лѣтописи и изъ общаго явленія, повсюднаго, кромѣ Новгорода и земли Новгородской, прекращенія вѣчевой жизни на самомъ канунѣ Татарскаго нашествія; такъ, спустя два съ половиною вѣка, случилось съ Новгородомъ и съ его отдѣлившимися пригородами... Точно также, въ другомъ порядкѣ явленій, основанная на развалинахъ удѣльно-вѣчеваго строя, Москва словно была сдвинута съ насиженного мѣста и направлена къ новымъ задачамъ и цѣлямъ могущественною волею Петра; и наконецъ, въ наши дни, на нашихъ глазахъ, совершается съ Русскимъ народомъ новый переломъ, новая «перемѣна обычаевъ.» Мы говоримъ это не въ осужденіе нашему прошедшему, и еще менѣе въ укоризну нашему настоящему, съ его несомнѣнно свѣтлыми начинаніями и дѣлами: пути исторіи до безконечности разнообразны, и въ общемъ выводѣ историческая жизнь Русскаго народа представляетъ, при неизбѣжныхъ, во всякомъ развитіи, колебаніяхъ и остановкахъ, цѣлый рядъ поступательныхъ движеній. Но, съ другой стороны, нельзя также не признать, что инныя движенія сопровождались у насъ страшною ломкою жизни, что наши мимовольныя стремленія въ невѣдомое не всегда бывали удачны, и что инныя блага, осуществлявшіяся посредствомъ беззавѣтнаго истребленія всѣхъ слѣдовъ прошедшаго, не разъ покупались цѣною такихъ страданій и жертвъ, что итоги послѣднихъ значительно превышали итоги пріобрѣтенныхъ выгодъ. Такимъ, по всѣмъ извѣстіямъ, болѣе чѣмъ сомнительнымъ благомъ представляется въ нашемъ прошедшемъ установленіе Государства послѣднихъ Рюриковичей: послѣдствіе, добытое ненасытными стяжаніями, коварнымъ расчетомъ, хитрою и влобною политикою мелкихъ удѣльныхъ Князей и необузданнымъ своеволіемъ того Грозваго, имя котораго давно уже сдѣлалось нарицательнымъ въ лѣтописяхъ деспотизма. Мы не миримся въ исторіи съ тѣмъ мнимо философскимъ, въ сущности же грубо фагалистическимъ, взглядомъ, что, съ своей сто-

роны, такъ легко мирится съ любимымъ законченнымъ явленіемъ, и во всемъ, что исторически совершилось, какъ бы оно безобразно ни было, признаетъ законнѣйшій плодъ пройденнаго развитія. Но дѣло Иоанновъ не выдерживаетъ критерія даже и такой, черезъ чуръ снисходительной, теоріи: Государство, ими созданное, не имѣетъ за себя даже оправданія прочности, такъ какъ не прошло было и четверти вѣка со дня кончины его грознаго завершителя, какъ оно рухнуло, терзаемое смутами, подъ ударами внѣшнихъ враговъ. Самое освобожденіе Русской земли отъ нашествія Поляковъ не было, и не могло быть, дѣломъ разбитой въ дребезги Государственной власти: заслуга подвига всецѣло принадлежитъ неимовѣрнымъ усиліямъ, воспрянувшего отъ вѣковой спячки, народа, паралельному явленію съ тѣми стояніями за свободу и правду, которыми за болѣе древній періодъ отмѣчены страницы Новгородской исторіи. А когда потомъ, въ слѣдъ за побѣдою надъ Поляками, власть, со свѣжею династією во главѣ, была восстановлена, и когда власть эта, въ слѣдствіе давней отвычки Русскихъ людей отъ постоянной политической дѣятельности, опять облеклась въ издавна имъ знакомыя формы, то это новое, единодушнымъ народнымъ выборомъ и къ великому общественному служенію призванное, единовластіе перваго Романова и его потомковъ только по внѣшнему обличію напомнило собою то насильственное самовластіе Московскихъ Князей, что создано было промыслами и захватами. Приравнивать другъ къ другу оба эти явленія было бы, по меньшей мѣрѣ, великою несправедливостію по отношенію къ періоду Русской исторіи, открывающемуся 1613 годомъ. Все значеніе Иоанновъ въ развитіи нашихъ судебъ сводится къ тому, что они, въ пользу своего личнаго и династическаго интереса, порѣшили, вѣками тянувшуюся въ древней Руси, тяжбу между двумя противоположными типами правительственнаго строя: властію Князя и властію народнаго вѣча; что они въ монархическомъ смыслѣ «перемѣнили обычай» Русской земли, и расправою съ Новгородомъ, Псковомъ и Вяткою, упразднили въ народѣ навыкъ къ политическому почину, вмѣстѣ съ орудіями и способами гражданской самодѣятельности. То была новизна, но новизна новизнѣ розь, и исторія не въ правѣ отрѣшиться отъ нравственной оцѣнки руководившихъ нововводителями побужденій и употребленныхъ ими въ дѣло средствъ, не въ правѣ уже по тому, что такого рода оцѣнка въ большей части случаевъ совпадаетъ съ оцѣнкою въ тѣсномъ смыслѣ историческою, съ оцѣнкою прочности и плодо-

творности явленій. При нашихъ древнихъ Суздальскихъ, и потомъ Московскихъ, Князьяхъ перемѣны совершались въ голомъ и грубомъ интересѣ «самовластія»; о томъ же, какими путями и способами осуществлялись замыслы Московскихъ политиковъ, свидѣтельствуеетъ не одна мрачная страница Русской Исторіи. Такъ, трехсотлѣтняя борьба Суздаля и Москвы противъ Новгорода походила на медленное вымариваніе голодомъ Сѣвернаго населенія, поставленнаго, по отношенію къ своимъ противникамъ, въ самыя невыгодныя географическія условія: стоило только сосѣдному Князю «взвергнуть гнѣвъ» на Новгородъ и измѣною, среди мира, захватить Новый Торгъ, чрезъ который шли на Сѣверъ Низовые запасы,—и угроза голодной смерти висѣла надъ вольными людьми, и приходилось имъ либо съ натугою всей силы народной спѣшить на выручку своего пригорода, либо кунами откупаться отъ Князя насильника. Такъ, и въ предлагаемомъ трудѣ имѣлось въ виду изобразить въ краткомъ очеркѣ картину еще иныхъ, болѣе утонченныхъ, способовъ, что въ различныя времена были обращаемы противъ Новгорода Княжескимъ «самовластіемъ»—обзоръ тѣхъ систематическихъ отрицаній, которымъ подвергались со стороны Москвичей правовыя основы Новгородскихъ вольностей, тѣхъ преднамѣренныхъ умолчаній о Новгородскихъ особенностяхъ и, послѣ переворота 1478 года, тѣхъ безпощадныхъ, доходившихъ до истребленія, или перелицованія, Новгородской письменности, приемовъ борьбы, что были направлены Москвою противъ Новгородскихъ воспоминаній. Такъ, мы, быть можетъ, въ правѣ догадываться, что подобныя же средства были пущены въ ходъ и противъ другихъ городовъ съ вѣчевымъ значеніемъ, на прим., на Сѣверо-Востокѣ противъ Ростова Великаго. Но вырвать изъ памяти народа его прошедшее и упразднить народную жизнь въ важнѣйшихъ органахъ и проявленіяхъ гражданскаго общежитія, не значить ли это, до известной степени, обезличить народъ, заставить жить его какою-то смутною жизнію со дня на день безъ опредѣленнаго представленія о пройденномъ имъ пути, безъ отчетливаго пониманія своего настоящаго, безъ ясно сознанныхъ цѣлей въ будущемъ? Не есть ли это, на ряду съ другими условіями нашего развитія, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, одинъ изъ источниковъ нравственнаго безсилія, нашей дряблости, нашего застоя? Постепенное, на долгій періодъ времени, оскудѣніе нашей жизни въ умственномъ и гражданскомъ отношеніяхъ, безповоротно началось со дня паденія Новгорода: еще

Общѣ медленное обновленіе ея открывається съ зари 1612 года. Когда, возстановленная, послѣ бурь и погромовъ смутнаго времени и принявшая отъ поры Іоанновъ наслѣдіе приемовъ, если не цѣлей, ихъ внутренней политики, государственная власть пришла наконецъ (при Петрѣ) къ сознанію собственнаго безсилія, даже въ ближайшей сферѣ своихъ обыденныхъ потребностей и нуждъ, то у народа и общества не оказалось въ наличности ни способовъ, ни силъ, помимо сыраго матеріала, на удовлетвореніе преобразовательныхъ стремленій: за идеями, за образцами, даже за людьми, по неволѣ довелось прибѣгнуть къ чужеземцамъ, и преобразование, на первый разъ для цѣлей исключительно практическихъ, было осуществлено путемъ прямыхъ заимствованій съ Запада. На Западной же почвѣ возникли и созрѣли тѣ человѣчныя задачи и идеи, въ общеніи съ коими правительственная власть приступила въ наши дни къ обширнѣйшимъ преобразованіямъ во всѣхъ сферахъ общежитія. Содержаніе предпринятыхъ, и частію уже осуществленныхъ преобразованій указываетъ на ихъ конечныя цѣли, какъ-то: на подъемъ народнаго благосостоянія, на подъемъ народнаго духа, мысли и дѣла. Будутъ ли отысканы въ самомъ обществѣ условія и задатки для такого подъема, будетъ ли найдена формула для установленія прочнаго и свободнаго взаимодействія между правительственными и общественными силами, между правительственною и общественною мыслию, и правительственнымъ и общественнымъ дѣломъ, въ томъ загадка и задача будущаго.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Редакція новаго изданія Русскихъ Лѣтописей отрѣшилась, какъ извѣстно, отъ этого приѣма, и дала намъ наконецъ полные тексты Лаврентьевскій и Ипатскій, не выдѣливъ произвольно, такъ называемаго Нестора. Тѣмъ не менѣе значеніе Лаврентьевскаго текста все еще господствуетъ въ наукѣ. Такъ, на прим., подъ лѣтописнымъ разказомъ о призваніи Князей все еще разумѣется преданіе, записанное у Лаврентія: другія редакціи сказанія либо обходятся молчаніемъ, либо, если порою и ссылаются на нихъ изслѣдователи, то не иначе, какъ съ оговорками.

2. «И нынѣ, господа отцы и братіе, оже ся гдѣ буду описахъ, или переписахъ, или не дописахъ, чтите, исправивая Бога дѣла» и т. д. (по-сѣловіе Лаврентія въ П. С. Р. Л., т. I, стр. 209).

3. Въ Синод. харат. спискѣ Новгородской лѣтописи, старшемъ на полъ вѣка, чѣмъ рукопись Лаврентія, заимствованныя изъ Киевской «Повѣсти» извѣстія очевидно перешли въ текстъ изъ элементовъ редакціи, сохранившейся въ Ипатской рукописи, какъ-то: «6614 избиша Половчи на Дунаи;» «6615: трисеса земля» (Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. III, стр. 5). Извѣстій этихъ и подробностей извѣстій въ Лавр. текстѣ недостаеетъ. Текстъ начальныхъ тетрадей помянутаго Новгородскаго списка относится, по мнѣнію редакціи Полн. Собр. Русск. Лѣт., къ XIII стол., но, судя по извѣстію, помѣщенному подъ г. 6652 (1144): «...постави мя попомъ арх. Нифонтъ,» начало этихъ первыхъ тетрадей списано съ рукописи еще древнѣйшей.

4. Лавр. I, 89: «Въ се же лѣто (6597) иде Янъка... (здѣсь, въ спискѣ, пробѣлъ, который, по сличеніи съ Ипатскимъ, восполняется словами: «въ Греки, дщи») Всеволожа, и арече на я прежде.» Тѣ же самыя слова читаемъ въ спискѣ Ипатскомъ; и тамъ же, подъ г. 6694, описаніе, пропущеннаго Лаврентіемъ, случая: «Всеволодъ зражи церковь Св. Андрея... створи у церкви тоя монастырь, въ немъ же пострижеса дщи его дѣвою, именуема Янъка.»

5. Мстиславъ Даниловичъ, Кн. Галицкій, «вописахъ естъ въ лѣтописецъ,» по свидѣтельству Галицко-Волынской лѣтописи, «воромолу мятежныхъ жителей г. Бреста» (П. С. Р. Л. т. II г. 6797, стр. 225). Другое извѣстіе въ этомъ родѣ въ Никоп. Лѣтоп., V, 29, Далѣе: «Въ лѣто 7080, Февраля 5 дня, смотрилъ (лѣтописецъ) въ монастырь (Лисьегорскомъ) книги лѣтописца церковнаго» (П. С. Р. Л. т. III, Новг. II). Весь этотъ Временникъ (Новгор. II лѣтопись) имѣетъ характеръ преимущественно церковной хроники, составленной на основаніи древнѣйшихъ однородныхъ матеріаловъ. Подобный же, отличный отъ свѣтскихъ хроникъ, характеръ представляютъ списки, вошедшіе въ составъ Новгор. III, лѣтописи. За свидѣтельство въ пользу древности обычая

вести при церквахъ погоднымъ записки о разныхъ событіяхъ можно такъ принять Сильвестрову припись (по Татищ. редакціи).

6. П. С. Р. I. т. II, стр. 65.

7. П. С. Р. I. т. III, Новгород. I лѣт., л. 6662: «възнегодоваша Новгородци, зане не створи имъ ряду, въ боги раздѣра...» л. 6668: «Приша Новгородци Ростиславци Святослава и поправиша ѿ в Ладугу, а княгыню въпустиша въ монастырь,... а дружину его въ погребѣ въсажаша.»

8. П. С. Р. I. (Ипатьев.) 6693 (стр. 132) и 6703 (стр. 147).

9. П. С. Р. I. т. IV, Псковск. лѣт., л. 6370 (стр. 174): «А о Псковѣ градѣ отъ лѣтописанія не обрѣтается воспоминаемо, отъ кого созданъ бысть,... тожко увѣдохомъ, яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали Князи Рюрикъ съ братьею»... Если бы въ древности велась Псковская лѣтопись, то въ ней найденное было бы помѣщено сказаніе о началѣ города.

10. Преимущественно въ Новгородскихъ.

11. «Аще хоцеша все увѣдати, почти лѣтописца старого Ростовскаго» (Посл. Симова къ Поликарпу въ Память. XII в. 256).

12. Т. е., за періодъ, обнимаемый Кіевскою начальною лѣтописью, такъ какъ за послѣдующія два, или три, столѣтія Новгородская лѣтопись составляетъ одинъ изъ обильнѣйшихъ и важнѣйшихъ источниковъ Русскаго историческаго вѣдѣнія.

13. П. С. Р. I. (Новгор. I) 6652 г.; сл. прим. 3. Указанія на еще болѣе древнее начало лѣтописнаго дѣла въ Новгородѣ видать не безъ основанія въ опискѣ, помѣщенной подъ г. 6538 въ Новгород. II лѣт. (П. С. Р. I. т. III, стр. 121): «Преставися Архіепископъ Акимъ Новгородскій, и бѣше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше.» Слова эти могли быть первоначально записаны современникомъ Ефрема (около половины XI стол.).

14. Существуетъ еще одинъ списокъ, сходный съ Акад. II, и Толстовскимъ IX, такъ называемый Коммиссіонный, относимый палеографами къ XVI стол.

15. Т. е., та часть, въ которой содержится краткая Русская Правда, по поводу коей Ровенкамнѣ и высказалъ свое мнѣніе. См. Обзор. Корич. кн. 1-го изд., стр. 221, и 2-го изд. стр. 143.

16. «Не нужно имѣть много свѣдѣній въ палеографіи, чтобъ, взглянувъ на упомянутую (Акад. II) рукопись, убѣдиться.... что она... относится къ XV, в.» (Н. Калачова. послѣд. о Русск. Правдѣ, стр. 16).

17. Еще одно замѣчаніе по поводу языка Академической рукописи. Составитель ея, подобно Софійскому, пишетъ по Московски: Святославичъ, Ольговичъ, а не по Новгородски: Святославиць, Ольговиць, какъ Синодальный. При томъ формы древняго языка ему еще болѣе чужды, чѣмъ Софійскому лѣтописцу; такъ, на пр., у Софійскаго Князя идутъ Кыеву, Новгороду (по древнему, съ дат. падеж.), а у Академическаго уже совсѣмъ по новому: въ Кіевъ, въ Новгородъ. Появляются также образчики поновленія и вѣтѣватаго распространенія въ слогѣ, при скудости и сокращенности самаго содержанія, на пр., въ разсказѣ о крещеніи Св. Ольги и т. под.

18. Одни видятъ въ нихъ политическій уставъ (Г. Бѣляевъ и Костомаровъ), другіе уставъ о даянхъ (Г. Соловьевъ). Новѣйшую попытку Г. Хлѣбникова (Общ. и Госуд. въ до-Монгольскій періодъ Русск. Исторія), отвергающаго поминутое въ текстѣ мнѣніе Г. Калачова и его предшественниковъ, и старающагося придать значеніе *л г о т н о й г р а м о т ы* краткой Ярославовой Правдѣ, въ которой, на ряду съ двумя другими грамотами того же Князя, Уставомъ о земскихъ дѣлахъ и Уставомъ о даянхъ, онъ склоненъ видѣть основаніе Новгородской вольности, нельзя признать за вполне удавшуюся. Мнѣніе это главнымъ образомъ вытекаетъ изъ догадки Г. Бѣяева, что Правда Ярославова давала Новгородцамъ льготу отъ судебныхъ пошлинъ, такъ какъ въ ней о пошлинахъ въ пользу Князя ничего не говорится. Но отсюда можно вывести лишь то заключеніе, что пошлинъ съ суда, помимо вирь, во времена Ярославовы даже въ заводѣ не было. Вирь же еще при Св. Владимирѣ поступали въ пользу Князя. Подъ льготою слѣдуетъ разумѣть отміну стѣснительнаго установленія: но во всей Ярославовой Правдѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на что либо подобное.

19. Существуетъ мнѣніе (Г. Хлѣбникова), что въ Новгородской землѣ по Ярославовой Правдѣ вирь на Князя не было, а высказывалась только пеня въ пользу родныхъ убитаго: въ подтвержденіе ссылаются на отсутствіе самаго слова *вира* въ первыхъ 17 статьяхъ краткой Правды. Но слова этого нѣтъ и въ параллельныхъ статьяхъ пространной, болѣе, или менѣе, чуждой Новгороду: значить ли это, что во времена Ярославовы *вира* не взималась на Князя, ни въ сѣверныхъ, ни въ южныхъ областяхъ? При Ярославѣ существовала должность *вириника*, и *уроки* (размѣры вознагражденія) *вириникамъ* были установлены Ярославомъ же (ст. 36 краткой Правды). Нѣтъ повода думать, чтобы учрежденіе *вириниковъ* не было введено и въ Новгородской землѣ, гдѣ, какъ съ достовѣрностію извѣстно, вирь взимались въ первой половинѣ XII вѣка. Г. Хлѣбниковъ думаетъ, что онѣ были введены послѣ Ярослава, но откуда это видно?

20. Послѣднія двѣ статьи (XXXVI и XXXVII) заключаютъ въ себѣ уроки *вириникамъ* и *мостникамъ*, и приписываются (послѣдняя не во всемъ объемѣ) Ярослану.

21. Слово «огнищанинъ» въ старину было однозначашимъ съ словомъ «тридинъ», передѣланымъ изъ Скандинавскаго *hirdmen*, что означаетъ «мужей огнища (Княжескаго), двора», или короче «дружины». Въ послѣдствіи Славянскимъ терминомъ стали обозначать старшихъ членовъ дружины, Боларъ. Самый терминъ въ скоромъ времени пришелъ въ забвеніе и замѣненъ терминомъ «Боларинъ».

22. Въ уцѣлѣвшихъ листахъ заключаются Новгородскія извѣстія съ 1383 по 1418 годъ. См. Предислов. къ Новгород. IV лѣт. въ Полн. Собр. Р. Лѣт. т. IV, стр. VII.

23. Тамъ же стр. V.

24. П. С. Р. Л. т. III, Новгород. II лѣт. гт. 6419, 6499, 6525 (стр. 121), 6988 (стр. 141), 7080 (стр. 169).

25. Карамзин. Истор. Госуд. Росс. т. VII, прим. 365.

26. Полн. Сибр. Русск. Лѣт. т. VI, стр. 301.

27. Сл. т. V, Соф. I лѣт. подъ гг. 6777, 6784 и 6789, и паралельные годы Новгород. I (т. III, II. С. Р. I-й).

28. «Зане не створи нмъ рада, нъ богъ раздѣра,» что я перевожу: «такъ какъ онъ не выполнилъ договора, а больше разорвалъ (его). «Раздѣра» не родит. падежъ отъ «раздоръ» (въ древнемъ происхожденіи этого слова можно, кажется, усомниться), а 3-е лицо единст. ч. прошед. вр. глагола «раздѣрати,» какъ и въ другомъ извѣстіи подъ г. 6633 (въ описаніи опустошеній, произведенныхъ въ Новгородѣ бурей), по тому же Синод. списку. Къ тому же въ древнемъ языкѣ о переходитъ въ ѓ, а « въ ѓ.

29. Сл. Новгород. I лѣт. подъ 1169 г.: «Новгородьци же сташа твердо о князѣ Романѣ... и о посадницѣ Якунѣ... и къ вечеру... князь Романъ съ Новгородьци, силою крестною,» и т. д., съ крайне блѣднымъ пересказомъ Новгород. IV лѣт. въ т. IV, II. С. Р. I., стр. 12.

30. Можно представить возраженіе противъ предположенія о преднамѣренномъ истребленіи древнихъ Новгородскихъ списковъ, такъ какъ вторая половина Акад. текста (начиная съ 1078 г.), сохранившася въ трехъ противныхъ, заключаетъ въ себѣ довольно близкое воспроизведеніе Синодальнаго, чего, казалось, не должно бѣ было случиться, если бы сохраненіемъ Синодальной рукописи мы обязаны были одному лишь случаю. Но, во 1-хъ, уничтоженіе подлинныхъ Новгородскихъ лѣтописей произошло не за одинъ разъ, какъ мы стараемся доказать въ своемъ мѣстѣ (въ самомъ текстѣ предлагаемаго труда); во 2-хъ, Акад. текстъ, хотя и ближе къ древнему Новгородскому, чѣмъ Софійскій, тѣмъ не менѣе далеко не чуждъ преднамѣренныхъ искаженій: такъ, на пр., отмѣченныя нами разночтенія подъ гг. 6662 — 1154 и 6669 — 1161 читаются въ спискахъ и Акад. извода, встрѣчаются пропуски данныхъ изъ внутренней исторіи Новгорода, какъ-то Посадничьихъ смѣнъ (подъ гг. 1302, 1309, 1311), или церковныхъ событій (подъ гг. 1195 и др.), также вставка отдѣльных реченій, пошибомъ своимъ несродныхъ Новгородскому лѣтописанію (на пр., подъ гг. 1301, 1313). Видно по всему, что составитель Акад. текста задался мыслію составить Новгородскую лѣтопись на основаніи древнихъ матеріаловъ, но съ измѣненіями, въ смыслѣ измѣнившихся обстоятельствъ. Трудъ его далеко не отличается ни тѣмъ (относительнымъ) искусствомъ въ искаженіяхъ, ни тою беззастѣнчивостію, какими щеголяетъ лѣтопись Софійскаго сводщика. Не по тому ли его словно обрекли на забвеніе? До насъ дошли три рукописи, но только одна изъ нихъ безспорно принадлежитъ къ такой порѣ, когда составленіе Новгородской лѣтописи въ томъ, или другомъ, духѣ относилось къ злобѣ дня: въ XVII же столѣтіи, когда, по всеяма вѣроятному мнѣнію Барона Розенкампа, снята была Акад. рукопись, а тѣмъ болѣе въ XVIII, когда была списана Толстовская, памятникъ такого рода представлялъ лишь археологическій интересъ. Отсюда я вывожу, что скомпилированный въ XVI вѣкѣ текстъ помянутыхъ рукописей не удовлетворилъ тѣхъ, кто вѣдали у насъ лѣтописное дѣло, и что распространеніемъ его въ обществѣ не озаботились въ той же мѣрѣ, какъ то было сдѣлано относительно списковъ Софійскихъ.

31. Сл. прим. 13.

32. Титмаръ открываетъ свою заключительную главу, посвященную преимущественно Русскимъ отношеніямъ, описаніемъ похода Болеслава въ Русь и сраженія на берегу какой-то рѣки: въ сраженіи мы безъ труда узнаемъ битву при Бугѣ нашихъ лѣтописей (1018). Далѣе, онъ повѣствуетъ, что Болеславъ «ab incolis omnibus suscipitur multisque muneribus honoratus.» Съ этимъ извѣстіемъ, въ сущности подтверждаемымъ и нашими лѣтописями, плохо вяжется послѣдующій рассказъ Титмара о томъ, что Ярославъ между тѣмъ (*interea*) взялъ силою какой-то городъ Святополка, и вывелъ изъ него жителей: Ярославу было въ то время не до завоеваній, такъ какъ онъ (по Русскимъ извѣстіямъ) самъ пять ушелъ въ Новгородъ. Очевидно, этотъ Титмаровскій эпизодъ слѣдуетъ отнести къ предшествующему періоду войны между братьями, и даже признать его тождественнымъ либо съ дѣломъ подъ Любичемъ, либо съ первымъ взятіемъ самаго Кіева въ 1016 году. За тѣмъ слѣдующее извѣстіе Титмара: «*Urbs autem Kitawa... ab hostibus Pedeneis hortatu Bolizlavi concutitur et gravi incendio minoratur,*» приурочивается, согласно съ Софійскою лѣтописью, къ 1017, да и самъ же Титмаръ чрезъ нѣсколько строкъ по поводу вступленія въ Кіевъ Болеслава, говоритъ о пожарѣ за годъ предъ тѣмъ (*priori anno*) истребившемъ Св. Софію, и по Титмару же выходитъ, что ко времени Болеславова похода новая церковь была уже на столько отстроена, что Митрополитъ могъ принять въ ней Польскаго завоевателя. О пожарѣ въ 1017 г. церковью знаетъ и наша лѣтопись по Лавр. и Ипат. текстамъ, хотя въ ней ни словомъ не упомянуто о причинѣ пожара, что произошло въ слѣдствіе ошибки компилятора, перенесшаго Печенѣжскій походъ съ 1017 подъ 1036 годъ. Тогда-то, вѣроятно, сгорѣла (прежняя) Св. Софія, о существованіи коей до закладки новаго храма Ярославомъ, по Русскимъ лѣтописямъ, ничего не извѣстно. Титмарово: «*miserabiliter casu accidente combustum est,*» ни сколько не исключаетъ, какъ причину пожара, военную тревогу. Дальнѣйшія слова лѣтописца: «*Defensa est autem (Kitawa) a suis habitatoribus, sed celeriter patuit extraneis viribus, namque a rege suo in fugam verso*» (тоже, что и въ Русскихъ лѣтописяхъ): «*Bolezlavum et... Zentepulcum suscepit,*» опять всецѣло относятся къ походу Болеслава. Свѣдѣнія перепутаны у Титмара не столько въ слѣдствіе неполноты, или сбивчивости, дошедшихъ до него извѣстій, сколько въ слѣдствіе крайней неумѣлости и нелогичности его рассказа.

33. Вопросъ о значеніи для Русской Исторіи Скандинавскихъ сагъ все еще остается вопросомъ открытымъ. Не высказывая по этому поводу окончательнаго сужденія, замѣчу только, что Исландскій *Floateyjárbok*, въ составъ коего вошла Эймундова сага, редактированъ на основаніи древнѣйшихъ матеріаловъ въ 1387 г., спустя нѣсколько лѣтъ послѣ нашего Лаврентія. Если послѣдній имѣетъ за себя всѣ преимущества туземности, и по тому не впадаетъ въ грубыя ошибки, подобно Исландскому компилятору скаванія, касающагося отдаленной и чуждой страны, то просвѣчивающее сквозь всѣ покровы недоразумѣній достоинство саги состоитъ въ тѣхъ живыхъ обликахъ лицъ и ясныхъ побужденій ихъ дѣяній, что несомнѣнно даны ею и чего ужъ ни какъ нельзя сказать о Русской лѣтописи. Попытка объяснить несообразности саги сдѣлана была Сенковскимъ: предположеніе его состоитъ въ томъ, что онъ въ сохранившемся текстѣ ея принимаетъ огромный пропускъ, обнимающій всѣ Польско-Русскія событія 1017 — 1018 г. Пропуски, недомолвки, проѣлы, встрѣчаются и въ Русскихъ лѣтописяхъ: изъ нихъ нѣкоторые случайнаго

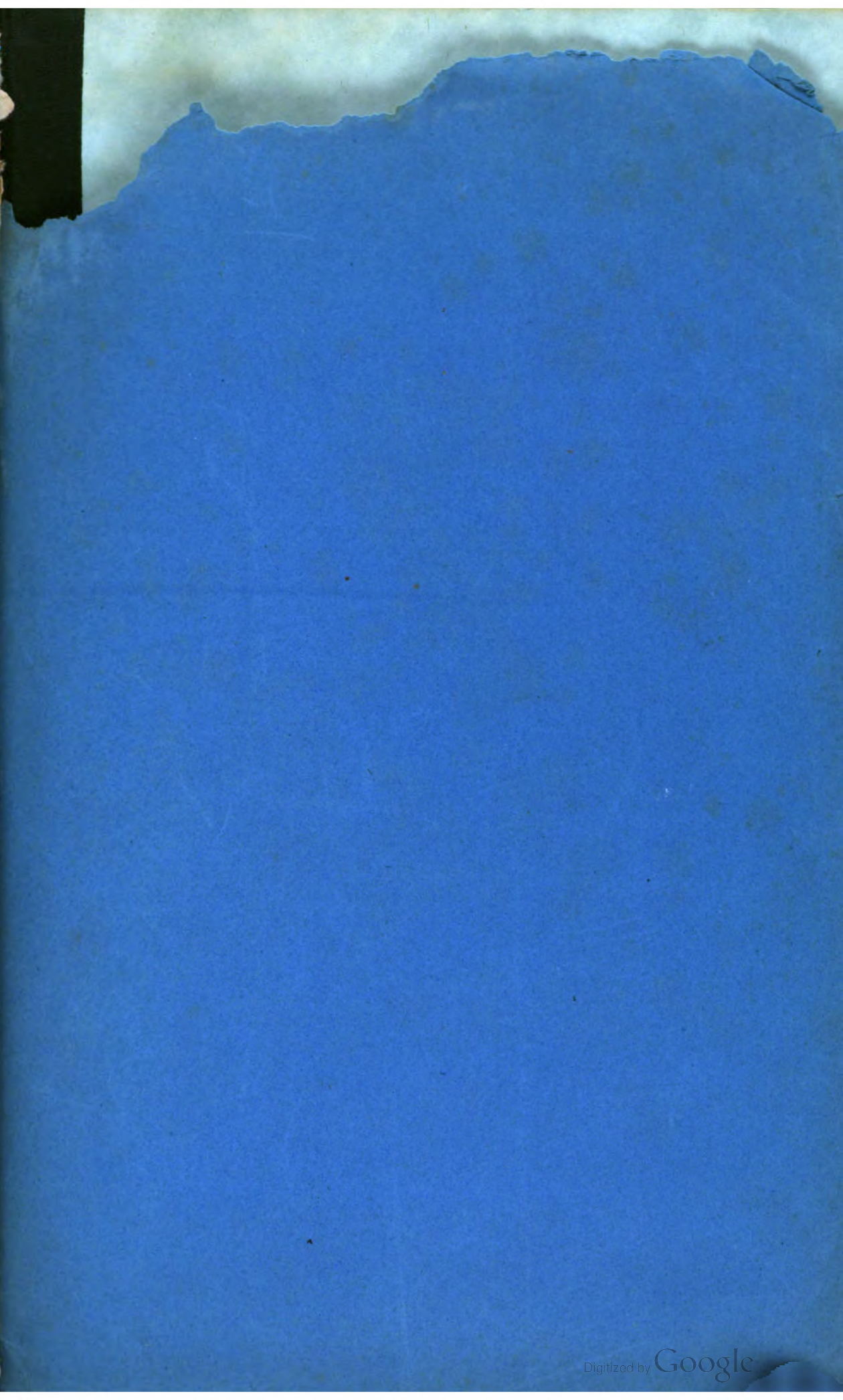
свойства, другіе объясняются предвѣренностію. Въ сагѣ это скорѣе рывы преданія: возвратившіеся на родину сподвижники Эймунда рассказали своимъ родичамъ только самые занимательные эпизоды, опуская остальные (См. въ Antiquités Russes т. II, примѣчанія издателя къ Эймундовой сагѣ)

34. У Татищева, пользовавшагося недоступными намъ матеріалами, есть намекъ на вѣчто подобное ряду или соглашенію: «Новгородци просили Ярослава... дабы далъ имъ грамоту.... понеже прежде данная имъ неспособна; онъ же грамоту далъ, какъ судить и дань давать» (II, 105 — 106).

35. Въ первые счастливые годы правленія грознаго Царя мы видимъ достопамятный примѣръ Московской уступки требованіямъ Новгородскаго общественнаго мнѣнія: въ 1548 году отмѣнена была въ Новгородѣ кабацкая система, введенная за нѣсколько лѣтъ до того времени въ силу Правительственнаго распоряженія. Мы не знаемъ подобнаго случая изъ Московской Руси въ ту пору.

36. П. С. Р. Л. т. II, стр. 160, подъ г. 7069 — 1561 читаемъ извѣстіе о торжественныхъ проводахъ, устроенныхъ Владыкой Пименомъ, особо чтимымъ Новгородцами, Софійскимъ иконамъ, вытребованнымъ въ Москву въ слѣдствіе какой-то прихоти Царя Ивана. Проводы вышли блистательные: все духовенство, весь народъ, были на ногахъ. Произошло вѣчто въ родѣ манифестациі, какъ сказали бы въ наше время, церковной и отчасти политической.

37. Акты Археогр. Экспедиціи I, 354.

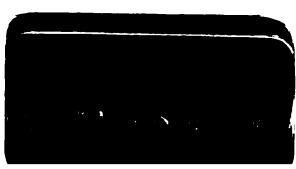
89100416155

B89100416155A

Handwritten notes and a diagram in the top right corner. The diagram shows a rectangular box with a horizontal line and an arrow pointing to the left. Below the diagram, the handwritten text reads "9833 / 466".

1724/c

89100416155

b89100416155a